

Annotation

Холодный Петербург. Унылый скрип автобусных дверей. Сорок две остановки. Пассажиры входят и выходят. Ритмичный и бесконечный круговорот. И никому нет дела до девушки, которая сидит на заднем сиденье, прислонившись к окну. Она неподвижна. Она мертва. Позже криминальный эксперт скупко констатирует: девушку убил профессионал. Хладнокровно и точно он вонзил в ее тело нож, что вызвало мгновенную смерть. И никаких зацепок. Только вопросы. И порывистый ветер с Невы, гуляющий по сырым кварталам и нагоняющий смертельную тоску...

- [Виктория Платова](#)
 -
 - [Часть первая. Автобус № 191](#)
 - [Салон](#)
 - [Экспертиза](#)
 - [«Серпико»](#)
 - [Бражники](#)
 - [1523](#)
 - [Кои](#)
 - [A.S.A.P.](#)
 - [Комиксы](#)
 - [Сухой лист](#)
 - [Сова](#)
 - [Часть вторая. Песни об умерших детях](#)
 - [Расточки](#)
 - [Ретроградный меркурий](#)
 - [Электричество](#)
 - [Родандо](#)
 - [Охота на овец](#)
 - [Расёмон](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

◦ [6](#)

Виктория Платова

Ловушка для птиц

© Платова В., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая. Автобус № 191

Салон

...Тело нашли, когда автобус, простояв на остановке у станции метро «Петроградская» обычные две минуты, двинулся по маршруту обратно – к реке Оккервиль. Собственно, «нашли» было не совсем точным определением. Труп около часа маячил перед глазами как минимум одного человека – контролера-кондуктора Анны Николаевны Маврокордато. Брагин, как мог, посочувствовал тяжелой доле работников общественного транспорта, после чего посетовал на погоду, расспросил о семье и шумно восхитился аристократизму кондукторской фамилии.

На этом первую часть операции (проходившую под кодовым названием «Размочи печенюшку») можно было считать законченной. Много времени она не заняла, учитывая фактуру Брагина: простачок, миляга, верный муж и хороший сын, чье хобби – клеить модели надводных кораблей. Примерно таким его видела кондукторша Маврокордато, примерно этого взгляда сам Брагин и добивался. Хорошим сыновьям невозможно отказать, ради них и напрячься не грех. Во всяком случае, напрячь память. Выудить из нее все, что касается последнего часа.

Девушки, сидящей на заднем сиденье автобуса номер 191.

У окна.

Сейчас возле тела девушки хлопотали двое – судмедэксперт Игорь Самуилович Пасхавер и молодой опер-стажер Паша Однолет, Брагин присоединится к ним позднее. Сразу по окончании второй части операции – «Выкорми ворона». Этот немудреный термин означал: *заставь свидетеля вспомнить все*. До последней мелочи, вроде бы не относящейся к делу. По опыту Брагин знал: именно такие мелочи частенько становятся отправной точкой расследования. Именно из них проклевываются самые жизнестойкие версии.

– Давайте-ка припомним, Анна Николаевна, – мягким, терапевтическим голосом произнес Брагин. – Когда... эм-мм... девушка появилась в салоне?

– На какой остановке, что ли?

– Было бы замечательно, если бы вы вспомнили.

– А знаете, сколько их, остановок? – внезапно заковрежилась почти прирученная кондукторша. – Сорок две!

– Ого.

– И целый божий день перед глазами хороводятся. Туда-сюда, туда-

сюда. А люди? Ведь толпы же, толпы! И не всякий платит... А иногда и обхамят. Да так, что всю оставшуюся смену руки трясутся.

– А девушка? Она ведь заплатила?

– Ну, раз ехала себе спокойно, – тут подбородок у Маврокордато дернулся, – значит, заплатила.

– Карточкой или наличными?

– Спросите чего полегче... Не знаю я. Не помню.

Брагин неожиданно разозлился на Анну Николаевну. Хотя... Чего там злиться? Не так уж много времени и сил он потратил на кондукторшу. И не явил себя во всей – яростной и нежной – красе премьера провинциальной театральной студии. А выход из ситуации все равно найдется: достаточно только внимательно изучить каждую из остановок на маршруте. При некоторых наверняка обнаружатся перекрестки, снабженные видеокамерами. Видеокамеры можно найти и на ближайших к остановкам строениях: жилых домах, супермаркетах, торговых центрах. Далее последует просмотр пленок, работа муторная и тоскливая. Но таковой она всегда и была, за некоторыми исключениями. *Вообще вся*, а не только сбор улик и доказательств. После недолгой феерии и мексиканского карнавала в честь обнаружения трупа, всё медленно сползает в рутину. В тягомотину, канцелярщину; в разносы от начальства и ненормированный рабочий день. Впрочем, в его – Брагина – случае ненормированный рабочий день – это даже хорошо.

Это спасение.

А вот Паше Однолету точно не спастись. Совсем скоро он отправится на стайерскую дистанцию, где повсюду рассованы камеры видеонаблюдения. Не исключено, что в полном одиночестве: нехватка людей – проблема, с которой Брагин сталкивается постоянно. Только с досужими умниками наблюдается явный перебор. Слава богу, лейтенант Однолет к ним не относится.

– ...Хамят от души, злодеи, – снова начала жаловаться Маврокордато. – Как будто кондуктор – не человек. Как очередное повышение за проезд – так и огребаю по полной. А я, что ли, эти цены устанавливаю? Тариэл!

Брагин не сразу понял, что обращается она к водителю, который все это время находился в передней части автобуса. За исключением двух выходов на перекур в крошечный палисадник рядом с местом парковки. Водителя звали Тариэл Кобахидзе, и был он невысок и тонок – как будто вырезан из жести. И одет совсем не так, как обычно одеваются водители общественного транспорта. Черный костюм-тройка и галстук цвета

давленной вишни. Одежда не новая, но тщательно отутюженная и вычищенная.

– Тариэл! – воззвала кондукторша.

– Да, дорогая. – Голос у жестяного грузина оказался на удивление мягким. Как если бы он обращался к ребенку, а не к толстой, грубо накрашенной тетке шестидесяти трех лет от роду.

– Где тот охламон вышел?

– Какой, дорогая?

– В рыжей шапке вязаной. Скандалил со мной. И шарф на нем был зенитовский... А когда выходил – девчушку с ног сбил, на остановке. А ты ждал еще, когда она поднимется. Специально двери не закрывал.

– А-а-а... – Тариэл поскреб тонким пальцем переносицу. – Нерчинская.

– Точно! – почему-то обрадовалась Маврокордато. – Нерчинская. С той стороны, где дома строят. Там-то все и произошло.

– Что именно? – нахмурил брови Брагин.

– Она и есть девчушка с остановки. Которая...

Кондукторский подбородок, описав в воздухе небольшую дугу, указал на Пасхавера и Однолета, все еще копошившихся у тела.

– Значит, так. Вошла в среднюю дверь. Отдала мелочь за билет. Ну и... Села... Стало быть, на то место, где ее потом нашли.

– Вот видите! – похвалил кондукторшу Брагин. – Отличная у вас память, Анна Николаевна. Прямо как у разведчика-профессионала. Так что наговаривали вы на себя зря.

На дряблые, под густым слоем пудры щеки Маврокордато взбежал легкий девичий румянец – так вдохновили женщину слова следователя, его безыскусная похвала.

– Рюкзак.

– Рюкзак? – переспросил Брагин.

– При ней был рюкзак. Красный такой, матерчатый. У меня похожий есть, я с ним на дачу езжу. Она, как села, сразу рюкзак на колени поставила.

– Вы хорошо помните?

– Так ведь разведчик-профессионал, – хихикнула Маврокордато.

Известие о рюкзаке не слишком обрадовало Брагина, поскольку ничего похожего при мертвой девушке не обнаружили. Но и не верить кондукторше оснований тоже не было. Одно из двух: либо рюкзак забрал убийца, либо нечистый на руку пассажир, воспользовавшийся ситуацией, – и такие встречаются, пусть и изредка.

Итак, рюкзак забрал убийца. Самый вероятный исход.

Потому что представить случайного попутчика, хладнокровно крадущего вещи мертвеца, да еще в забитом людьми автобусе, Брагин – при всем богатстве своего воображения – мог с трудом. Что делает нормальный среднестатистический человек, обнаружив рядом с собой труп? Реагирует – и, как правило, непроизвольно и бурно. Кричит, размахивает руками, призывает в свидетели всех, кто оказался поблизости: кому охота оставаться перед лицом только что нагрянувшей смерти в гордом одиночестве? Никому. За вычетом извращенцев, отморозков и клинических социопатов. С некоторыми из них Брагин был знаком лично. И даже изредка промышлял пятничным *бар-джампингом*, если удавалось выбраться из-под рабочих завалов.

К этой сомнительной категории граждан никак не относилась гражданка Жарких Валентина Владимировна, третий (после Маврокордато и Кобахидзе) ключевой свидетель. Именно она обнаружила, что сидящая рядом с ней девушка мертва, – в тот самый момент, когда автобус слегка занесло при повороте с Большого проспекта на улицу Ленина. И по инерции труп опрокинулся на ничего не подозревающую Жарких. «Опрокинулся» – именно это слово впоследствии употребила свидетельница. На взгляд Брагина – склонная к мелодраматическим преувеличениям. Сейчас принявшая успокоительное Жарких отсиживалась в «Скорой», которая прибыла за телом, – и ее еще предстояло допросить.

Другое дело, что гипотетический транспортный вор мог принять девушку за спящую, просто умыкнуть рюкзак и совершенно спокойно выйти из автобуса. После чего выпотрошить улов в тихом месте, забрать все более-менее ценное, а документы...

Стоп. Документы.

Документы обычно подбрасывают в ближайшее полицейское отделение. Или пытаются позвонить потерпевшим со старой, как мир, рождественской историей о том, что они нашлись на остановке, в гипермаркете или в сетевом кафе «Брынза». Что может отследить Брагин? Отделения полиции. К ним и надо обращаться.

– ...И куда же он делся, рюкзак? Не видели?

– Чего полегче спросите, – вздохнула Маврокордато. – Тут так за рейс накувыркаешься, что света белого не взвидишь, а вы говорите – рюкзак.

– А тот... охламон в рыжей вязаной шапке... Он специально девушку с ног сбил? Или случайно получилось?

– Кто ж его знает? Только такие типусы ничего просто так не делают. Спят и видят, как бы напакостить безнаказанно. Эхх-х. Распустилась молодежь...

И снова на щеках Маврокордато заплясал румянец; на этот раз – праведного гнева. Но до сакраментальной фразы «Сталина на них нет» дело так и не дошло. И вообще, несмотря на бесконечные причитания, кондукторша оказалась женщиной толковой и цепкой. Не прошло и пяти минут, как в сознании Брагина укоренилась схема поездки, вернее – этюд, сделанный широкими уверенными мазками: белый автобус, сине-стальной город за стеклами и несколько пестрых пассажирских волн, захлестывавших салон.

Всего волн было три.

– Раз на раз не приходится, – сказала Маврокордато, – когда больше, когда меньше. Но сегодня их было три.

От Нерчинской, где села девушка, до метро «Новочеркасская» автобус шел полупустой и у метро опустел окончательно. Чтобы заполниться под завязку сразу за мостом Александра Невского, у гостиницы «Москва». Это была первая волна, схлынувшая в районе площади Восстания. Вторая волна оказалась внеплановой: на Гостинке салон заполнили китайцы.

– Два десятка, не меньше! А может, все пять. И чемоданов сотня. Стрекотали по-своему так, что уши закладывало. Ультразвук, точно вам говорю. И эти их улыбочки фирменные! И ни одна сволочь не заплатила, ни одна.

Китайцы вполне ожидаемо катапультировались у Эрмитажа, после чего автобус № 191, задев по касательной Стрелку Васильевского острова, покати́л на Петроградку. Там его поджидала третья пассажирская волна, плавно сошедшая на нет между двумя станциями метро – «Спортивной» и «Петроградской». И все это время Анна Николаевна балансировала на гребне, как заправская серфингистка: протискивалась между преющими в тесноте пассажирами, тыкала в проездные документы валидатором и билечивала всех остальных, проездных документов не имевших.

Работы невпроворот, тут уж не до девчонки.

То есть периодически Маврокордато натывалась на ее капюшон, низко надвинутый на лицо. И в какой-то момент ей даже показалось, что пассажирка задремала, *ах, кто бы знал, мил человек, чем все закончится, кто бы знал!..*

– Почему вы так решили? – поинтересовался Брагин.

– К окну привалилась, вот почему.

– Так и сидела?

– Чего бы не сидеть в тепле-то?

– Долго?

– Не то, чтобы долго, а... все время.

- Так уж и все время?
- После «Спортивной» уже. Ближе к Чкаловскому проспекту.
- А рюкзак?

– Вот мне еще про чужой рюкзак думать, – пожала плечами Маврокордато. – И так голова кругом. Триста человек на ней висят, каждую секунду.

Триста человек, даже учитывая перманентную автобусную загруженность, были явным преувеличением. Как и пять десятков китайцев с сотней чемоданов. Вот такой женщиной была Анна Николаевна – щедрой на цифирь и не в меру широкой, масштаб – 1:5.

– Но его же нет, рюкзака. А на Нерчинской был, как вы утверждаете.

– Был.

– А на Восстания?

– А на Восстания толпа была. Не до рюкзака.

– А на Гостинке – китайцы.

– Именно.

– И никто не выходил с чем-то похожим?

– Может, и выходил. Через заднюю дверь, когда я возле передней колготилась. Или наоборот – через среднюю. Центр города. Давка. Вынесло общим потоком – и поминай как звали.

Дохлый номер – выяснять подробности бытия переполненного автобуса, – подумал Брагин. Но, на всякий случай, спросил:

– Может, видели, кто сидел рядом с потерпевшей?

– Берет махровый красный сидела, – после недолгого молчания отозвалась Маврокордато. – Как на «Петроградской» вползла, так сразу рядом и плюхнулась. Она и обнаружила...

Красный берет принадлежал гражданке Жарких и в данный момент интересовал Брагина меньше всего.

– А до берета? Кто еще?

– Чего полегче спросите... – затянула старую песню кондукторша, но тут же перебила сама себя: – Еще парень был. Странный.

– Почему вы так решили? Он необычно выглядел? Вел себя?

– Да нет. Выглядел – как все они сейчас выглядят. Музыка в ушах. Шапка на затылок свисает, будто в нее дерьма навалили... Уж простите, но по-другому не скажешь... Бороденка опять же дурацкая. Он билет слопал – вот и вся странность.

– Билет? – удивился Брагин.

– Ну да. Получил билет, пошарил по нему глазами – и сожрал.

– Зачем?

– Может, на счастье. Сами никогда не ели? – подмигнула Брагину кондукторша.

Еще как ел! Лет двадцать назад, когда был отчаянно влюблен в Элку Гусарову с филфака и только и мечтал о том, чтобы затащить ее в постель. Даже если до этого придется затащить ее в ЗАГС. На просто связь целомудренная Элка не соглашалась, хотя к Брагину относилась благосклонно. Не то чтобы голоштаный Брагин был завидным женихом, но он был шансом. Для Элки, приехавшей из Апатитов (*Гепатитов*, как она, страдальчески морщась, именовала свою малую родину); и для других – не таких красивых и совсем не таких целомудренных. Из Пскова, Новгорода, Опочки и даже из невесть как затесавшегося в эти бледные северные когорты казахского Темиртау.

Все они были пришлыми; все они были перышками, что скользят по ветру, по свинцовым питерским водам и забиваются в растрескавшиеся камни набережных. А Брагин, напротив, проходил по ведомству коренных петербуржцев. С квартирой в старом мрачном доме на Бармалеевой улице. И сама квартира была мрачной, и то, что окна выходили не в колодец двора, а непосредственно на Бармалееву, дела не меняло.

– Ого! – сказала Элка Гусарова, впервые оказавшись в гостях у Брагина. – А печка прямо настоящая? Функционирует?

Об этом спрашивал каждый, кто видел главную достопримечательность квартиры, – огромную, под потолок, голландку, выложенную сине-белыми изразцами. Чего только не было на этих изразцах: жанровые сценки с развеселыми пейзажами; суровое море с суровыми парусниками; пейзажи и натюрморты в обрамлении растительного орнамента. Брагин еще помнил те времена, когда в печи гудел огонь; смутно, но помнил. А потом что-то сломалось в тонком и нежном печном организме. И ни один спец по голландкам (а их здесь перебивало множество) не смог это поправить. *Разобрать – разберем*, в один голос утверждали спецы, и змеевики прочистим, а вот собрать обратно, так, чтобы изразец к изразцу, это – увольте. Это – в Эрмитаж.

– ...Печку надо продуть, – вынужден был признать Брагин. – Тогда и заработает. Но ты ничего не ответила.

– Разве? – удивилась Элка Гусарова.

Пять минут назад, еще до того, как Элка приложила ладони к самому внушительному из парусников, Брагин сделал ей предложение.

– Ты согласна?

– А это сложно – продуть печь?

Элке Гусаровой нравилось дразнить Брагина.

– Ты согласна? – снова повторил Брагин.
– Может быть.
– Это не ответ.
– Хочу сидеть у печки и смотреть на огонь.
– У этой или вообще?
– У этой, – сдалась Элка, наконец-то сделав Брагина счастливым: постель с самой красивой девушкой филфака перестала быть отдаленной перспективой и перешла в разряд среднесрочных.

На следующий день они подали заявление, и Брагин ровно три недели из четырех, отпущенных на раздумья, не устал благодарить своих верных союзников – суровые трехмачтовые бриги и развеселых пейзан. А потом недотрога Элка с ходу переспала с итальяшкой, которого приволок в университетскую общагу ее однокурсник Грунюшкин. Тут-то все и закончилось. Но Брагину об этом никто не сообщил. Да и некому было сообщать: Элка благополучно укатила с итальяшкой на историческую родину, в *Гепатиты*, знакомить будущего мужа с родственниками-пейзанами. Совсем не такими развеселыми, как голландцы с изразцов. Гиблое место – Апатиты.

Гиблое место – Элка.

Итальяшка побарахтается немного и сбежит. К своим Софи Лорен и Орнеллам Мути, в Тоскану, Милан и окрестности. А Брагину останется только ждать. Ну что ж, подождет.

Чтобы как-то скрасить ожидание, он начистил физиономию Грунюшкину. После чего оба отправились в ближайший пивбар – мириться и философствовать.

– Кто он? – спросил Брагин у Грунюшкина. – Откуда он вообще выперся, хрен с горы?

– Да никто. А выперся из Флоренции. Лекции читать по Кватроченто.

– По чему? – опешил Брагин.

– Тебе не понять. Проехали.

– Не понять. Это верно. Как невеста, без пяти минут жена, сваливает с другим без всяких объяснений. Любовь с первого взгляда, что ли?

Циничный гуманитарий Грунюшкин посмотрел на Брагина с сожалением:

– Дурак, что ли? Любовь здесь при чем?

– Что тогда?

– Италия. Ей Италия подмигивает, если будет правильно себя вести. Ничего личного.

Брагин снова почувствовал желание съездить Грунюшкину по морде.

Такое непреодолимое, что пришлось срочно занимать руки ошметками вяленого леща.

– Вот что ты ей можешь предложить, брателло?

Сидеть у печки и смотреть на огонь.

– Мало ли что. У меня большие перспективы.

– Адвокатская контора? Или в органы подашься? Тоже мне, предел мечтаний.

– Хорошие адвокаты на вес золота.

– Ну, ты пока не хороший, и даже не адвокат.

Лещ не ко времени кончился, и Брагин немедленно вцепился в кружку с недопитым пивом.

– Но она же согласилась, Элка...

– На бесптичье и жопа соловей, – хохотнул Грунюшкин. – Вот она тебя и держала до последнего, мирилась с твоей образиной. А потом, бац, – и павлин нарисовался. Реальный, из Кватроченто. Тут уж не поправить. Забей на нее – и всё.

– Это как?

– Как и не было. Девочек-то полно.

– Италияшек тоже, – продолжал упорствовать Брагин. – Про пиндосов вообще молчу. И разных прочих шведов.

– А ты неприхотливую ищи. От сохи. Провинциалку без закидонов.

Элка Гусарова ровно такой и была – провинциалкой от сохи, и даже особых закидонов за ней на наблюдалось. Так что теория Грунюшкина трещала по швам, швы расходились и ширились, и Брагин тут же принялся заливать их пивом. Дальнейшее он помнил смутно. Помнил, что Грунюшкин приволок откуда-то двух шмар явно не студенческого вида, и все вместе они отправились на Бармалееву. После постыдной во всех отношениях ночи у Брагина жутко болела голова, к тому же шмары обнесли квартиру, утащив с собой еще прабабкины драгоценности: золотой крестик, брошку с рубинами, два серебряных полтинника и камею времен императора Александра Третьего.

В милицию Брагин не пошел, ограничившись очередным избиением Грунюшкина, – после чего они подружились окончательно.

– Просто и легко, – сказал Грунюшкин, имея в виду злополучных шмар. – Не без эксцессов, конечно. Но в основном – просто и легко.

– На бесптичье – и жопа соловей, – резюмировал Брагин.

Элка, упорхнувшая-таки с флорентийским павлином в Италию, еще какое-то время саднила, давала знать о себе короткими и болезненными уколами в сердце. Но в общем и целом Брагин справился, сошелся

накоротке с Псковом, а затем с Опочкой и уже на последнем курсе – с Темиртау. И они неплохо смотрелись вместе – примерно как американский пехотинец и маленькая сайгонская шлюха, продающая любовь за кокс и баксы. Впрочем, в Темиртау не было ничего от продажной любви, а вот от фарфоровой куклы – было. Но не той, какие обычно выставляют на аукционах или продают в дорогих арт-галереях. Темиртау производил впечатление куклы-неликвида: вроде все на месте, а чего-то не хватает. То ли сама заготовка оказалась некачественной, то ли расписывал кукольное личико стажер-неумеха.

Со временем имя Темиртау стерлось из прихотливой брагинской памяти, слишком уж оно было казахским – Анаргуль? Алтыnguль? Айтолды? Псков и Опочка на этом экзотическом фоне казались русопятыми простецами, но и они канули в Лету следом за куклой-неликвидом. Осталась лишь Элка Гусарова, гладившая ладонями изразцовые паруса.

Еще тогда, в период перманентных булавочных уколов в сердце, Брагин решил для себя, что станет счастливым лишь тогда, когда новоиспеченная итальянка Элка окажется несчастной – тотально и по всем фронтам. Итальяшка ее бросит. *Сбросит* – с павлиньих высот. И, оставшись без средств к существованию, она устроится жопомойкой в какой-нибудь дом престарелых – все там же, в Тоскане, Милане и окрестностях. И это – в лучшем случае. В худшем – ее ждет судьба маленькой сайгонской шлюхи, но без баксов. И без кокса.

Порноработа на износ. Унылая поденщина.

Однажды, за уже традиционным пивом, Брагин потерял бдительность и поделился с Грунюшкиным своим представлением о счастье.

– Да ладно. – Грунюшкин яростно заскреб плохо растущую щетину на подбородке.

– Прикинь.

– Да ладно. – Теперь пришел черед почесывания подмышек.

Яйцам приготовиться! – подумал про себя Брагин, а вслух произнес:

– Именно.

– Ну ты и мудака! – только и смог выговорить Грунюшкин. – Жалкий тип.

– Да пошел ты.

– Лечись, Плевако. Пока не поздно.

Грунюшкин обзывал Брагина этим знаменитым адвокатским именем лишь в крайних случаях: когда тот нес откровенную, не совместимую с жизнью дичь. За которую будет стыдно. Если не сейчас, сию минуту, то уж потом – обязательно. И чем несусветнее была дичь, тем больше открытых

«о» добавлялось в финале.

На этот раз Грунюшкин превзошел сам себя – *Плевако-о-ооооооооо.*

– Херню порю?

– Откровенную.

– Мудак?

– Полнейший.

Если посмотреть на ситуацию глазами нормального человека, выходило ровно так, как сказал Грунюшкин. Желать всяческих несчастий слабой женщине не имеет права ни один мужик. Тем более что Элка Гусарова ни в чем не провинилась перед Брагиным, она просто не любила его. И никогда не утверждала обратного, и в верности не клялась. Это Брагин из штанов выпрыгивал, чтобы заполучить ее, а когда дело не выгорело – взял и обиделся насмерть.

Непорядок. Надо исправлять.

А для начала – просто пожелать Элке счастья, не важно где, не важно с кем. Так будет правильно и по-мужски. После этого решения Брагина наконец отпустило, а вскоре (едва ли не в тот же вечер) прилетел первый билет. Трамвайный. В котором три первые цифры в сумме совпадали с тремя последними. Оставалось загадать желание и съесть билет, что Брагин и сделал. В салоне сорокового трамвая, на нем он иногда ездил встречаться с Грунюшкиным.

Будь счастлива, Элка!

В то, преддефолтное, лето счастливые билетки шли косяком: Брагин отрабатывал карму. И, судя по всему, успешно. Элка Гусарова ведь вышла замуж за своего итальяшку, осела во Флоренции и родила троих. Об этом стало известно не сразу, а спустя почти пару десятков лет, когда она нашла в соцсетях Грунюшкина. Грунюшкин к тому времени стал генеральным продюсером небольшой производящей компании, специализирующейся на мелодраматических сериалах для дневного показа. Когда-то он мечтал стать русским Керуаком и написать мощный поколенческий роман, а в идеале – несколько; *но и одного хватит, чтобы прославиться.*

Не срослось.

Впрочем, не срослось и у Брагина. От адвокатской карьеры он отказался (так сложились обстоятельства), зато застолбил себе местечко по другую сторону баррикад. Там, где преступников ищут, а не защищают. Он вырос в толкового и вдумчивого следователя, с которым комфортно работать окружающим. Если термин «комфортно» вообще хоть сколько-нибудь подходит аэродинамической трубе, что всасывает кровавые ошметки самых разных (в основном – трагических) человеческих судеб.

Аэродинамическая труба со сгустками крови на стенках. Примерно так представлял свою работу Брагин. Не всегда, но в отдельные дни и месяцы, когда его накрывало с головой расследование очередного – особо тяжкого – преступления.

Это тебе не сериалы клепать.

Что-то подобное он говорил Грунюшкину, при планируемых сильно заранее встречах в пафосных кабаках, – раз или два в год. Иногда – три, как карты лягут; главное в этих мероприятиях – основательно набраться, до соплей. И ни о чем не думать, как в юности. Нет, они с Грунюшкиным не алкаши ни разу, и случаются совсем другие пересечения в пространстве, спонтанные: на кофе, на ход ноги, на кружку пива – и все, *аллес*, разбежались по делам. Если же встретиться долго не удавалось, Брагин начинал скучать по Грунюшкину. А все потому, что из университетского приятеля тот превратился в единственного близкого друга. Вернее, *хоть* *какого-то* друга, потому что других друзей у Брагина нет.

Только Катя. Жена.

Владелица всех суровых парусников, вдохновительница всех развеселых пейзажей. За десять лет они привязались к Кате, и Брагин привязан к ней крепко-накрепко, и ничего с этим не поделаешь. И делать ничего не нужно, даже когда очень хочется. Даже когда песок скрипит на зубах и остается только надеяться, что рано или поздно прольется живительный дождь. И дождь таки проливается, смывая песчинки и наполняя сердце нежностью. Такова семейная жизнь Брагина, состоящая из блужданий по бесконечной пустыне – от оазиса к оазису, от дождя к дождю. Так было не всегда, *но так теперь будет всегда*. Если, конечно, не случится чуда.

Почему я?

Почему ты выбрал меня?

Были же и другие женщины?

Вопросы, которые Катя больше не задает, а раньше задавала. Они прекратились в тот момент, когда Брагин впервые изменил своему правилу «рыба в пироге», что означает полное и безоговорочное молчание. И зачем-то рассказал Кате об Элке Гусаровой. Легкую и безобидную историю без последствий, какой она, в сущности, и была.

– И что случилось с Элкой потом? – спросила Катя.

– Жизнь случилась, – отшутился Брагин. – Она давно не в России. Живет во Флоренции, замужем за итальянцем, трое детей. Отчаянная домохозяйка.

Информацию об Элке слил Брагину Грунюшкин, и все в ней было

правдой, за исключением статуса домохозяйки, потому что как раз об этом несостоявшаяся невеста Брагина в Сети не распространялась. О муже-профессоре – да, и о детях, и о вояжах на экзотические острова. И ни слова о профессии, ни намека. Катя, например, работает кредитным экспертом в банке (собственно, в том самом банке они с Брагиным и познакомились). Очень хороший специалист, перспективный, – так до сих пор считают все, Брагин не исключение. Начни она строить свою карьеру – он был бы только рад. Но Кате давно плевать на карьеру, наверное, поэтому Брагин и ввинтил про отчаянных домохозяек. А может, не поэтому, черт его знает.

– Вспоминаешь о ней?

– Сто лет не вспоминал. И сейчас бы не вспомнил.

– Но знаешь, как она живет. И что с ней произошло.

– Да это Лёха Грунюшкин мне рассказал.

– Зачем?

– Э-э... Просто так.

– Я знаю Грунюшкина. Он ничего просто так не делает. Не тот замес.

Несуразный человек – Брагин. Во всем, что не касается аэродинамической трубы. Стоит ему только вступить в диалог, даже с самыми близкими, – каждый последующий ответ оказывается хуже предыдущего, и все запутывается окончательно. Вот и теперь: зачем-то подставил Грунюшкина, к которому Катя всегда испытывала симпатию. А теперь выходит, что подколотый змей Грунюшкин искушал Брагина ненужными воспоминаниями о прошлом. Или – для чего-то нужными?

– Послушай, детка. Ты же сама завела этот разговор.

– Я виновата?

– Нисколько не виновата.

– Я виновата. Во всем.

– Все хорошо, – пытался отделаться своими обычными мантрами Брагин. – Я люблю тебя, и все хорошо.

Все совсем не так хорошо, вовсе нехорошо. Давно нехорошо. Но сейчас об этом лучше не думать, а сосредоточиться на произошедшем в автобусе № 191. И на парне с *дурацкой бороденкой*, билетном гурмане.

– Сможете описать его подробно?

– Фоторобот составить? – деловито переспросила Маврокордато.

– Что-то вроде того.

– Можно попробовать. Сейчас?

– Чуть позже. И не здесь. В управлении. Адрес я вам сообщу.

Бородой сегодня никого не удивишь. Их старательно выращивают все кому не лень, чтобы довести до ума в ближайшем барбершопе.

Барбершопе, мать его! Даже Грунюшкин сподобился, пал жертвой агрессивного тренда последних двух лет. Все еще надеется поспеть за молодыми никчемными хипстерами, хотя целевая аудитория его сериалов – провинциальные клуши 45+. Собственно, от Грунюшкина Брагин и услышал впервые это слово: «хипстер». Или – *хипстота*. Если верить кондукторше, именно такая хипстота некоторое время сидела рядом с жертвой. Разговелась счастливым билетиком и тут же порешила бедняжку с Нерчинской.

Не вяжется.

Тарантиновщина какая-то. Трэш и угар. Но нужно отрабатывать и трэш.

– ...Где вышел – не помню. Да и не больно следила, если честно. Знать бы, где упадешь, – соломки бы подстелила. – Маврокордато вздохнула.

– А девушка... Может, она проявляла признаки беспокойства? Может, звонила кому-нибудь по телефону?

– Не было такого. А если и было – я не видела.

– Ну что ж, Анна Николаевна. Вы очень нам помогли.

Стандартная, приличествующая случаю фраза. Но Брагин постарался вложить в нее максимум тепла и благодарности: контролер-кондуктор Маврокордато и впрямь старалась как могла. Другое дело, что выудить из недр салона автобуса № 191 удалось немного. Остается надежда на тщательный осмотр тела. Здесь обязательно возникнут подвижки, иначе и быть не может.

Экспертиза

Подвижек не случилось, тут Брагин ошибся. Впервые за его многолетнюю практику железное правило не сработало. Спустя два дня после обнаружения трупа он знал о мертвой девушке не больше, чем в первые минуты их печального знакомства. Ни имени, ни фамилии, ни места жительства. Никто не разыскивал ее, никто не подавал заявлений в полицию. Безусловно, заявления были, но совсем на других людей. Девушек тоже искали, и Брагин с Пашей Однолетом тщательно отслеживали каждый такой случай.

Ничего общего с... Сандрой.

Имя для неизвестной из 191-го автобуса придумал Паша Однолет. Ему, видите ли, взбрело в голову, что девушка чем-то похожа на американскую актрису Сандру Баллок. Но не в фильме «Гравитация», где Баллок почти вплотную приблизилась к полтиннику, – что-то более раннее, романтическое. Возможно, снятое еще до рождения Паши, которому в прошлом месяце исполнилось двадцать три.

Мертвая Сандра была еще моложе.

– Не особо ошибусь, если скажу что жертве лет двадцать, – заявил судмедэксперт Пасхавер, *ангел вскрытия*, с которым Брагин отработал уже не одно дело.

Пасхавер рассеянно забарабанил пальцами по краю прозекторского стола, на котором лежал труп девушки. И Брагину впору было сделать то же самое: он всё не мог отделаться от мысли, что уже видел ее когда-то.

Точно не в кино.

– Максимум – двадцать один.

– А что-нибудь более существенное? У нас никаких зацепок. Вся надежда на тебя, Гарик, – воззвал к Пасхаверу следователь.

Это была чистая правда. Вместе с таинственным красным рюкзаком исчезло все то, что могло бы хоть как-то помочь в идентификации личности убитой: документы, телефон, ноутбук или планшет, кошелек, банковские карты, скидочные карты, записные книжки... Хотя никто сейчас не пользуется записными книжками, за исключением самого Игоря Самуиловича Пасхавера. Они у судмедэксперта особые: плотная нелинованная бумага, обложка из толстой кожи, неровно обрезанной по краям. В обложку вмонтированы специальное гнездо для карандаша и перехватывающая резинка с обязательной бусиной. Или двумя. «Звезда и

смерть Индианы Джонса», – так называет свои блокноты Пасхавер, причем каждой из звезд и смертей присваивается свой порядковый номер. Меняющийся по мере заполнения страниц. Сейчас Игорь Самуилович пользуется «Звезду и смерть Индианы Джонса – 21», Брагин опосредованно знаком с предыдущими двадцатью: заметки по поводу дел и тел (как правило – обстоятельные и не лишённые философичности); зарисовки трупов, особо впечатливших Пасхавера (надо же использовать карандаш по назначению) и короткое резюме под зарисовками.

И анекдоты.

Игорь Самуилович обожает анекдоты, но никогда толком не запоминает их. А при случае, в подходящей компании, вернуть что-нибудь особенно разухабистое, *соленое и перченное*, бывает невтерпёж. Вот и приходится конспектировать все, достойное внимания. Ближний круг знает эту слабость Пасхавера и относится к ней с пониманием. И частенько (только для того, чтобы сделать судмедэксперту приятно) просит: *Гарик, жги!* Тогда-то Пасхавер и достаёт свой заветный блокнот. И ровным скучным голосом начинает зачитывать то самое – *соленое и перченное*, и по большей части – ненормативное. Комический эффект от такого чтения трудно переоценить. Но в общем и целом Игорь Самуилович похож на свой голос – он скучный и бесцветный человек. Что не отменяет профессиональных качеств, а Пасхавер – высочайшей пробы профессионал.

– Анекдот про мужика в хозяйственном магазине знаешь? – подмигнул судмедэксперт Брагину.

– Я тебя умоляю, Гарик! Давай по существу.

– Ну, хорошо.

Жестом фокусника Пасхавер откинул простынь, и Брагин впервые смог рассмотреть девушку так близко, детально: не защищённую одеждой, не отгородившуюся от мира капюшоном куртки. Первое, что приходит в голову, если выкатить за скобки прозекторский стол, – *она красавица*.

У Паши Однолота беда с воображением, раз всё, что он смог выудить из себя, свелось к американской актрисе не первой свежести. Они и непохожи вовсе. *Зато имя в самый раз*, – неожиданно подумал про себя Брагин. Сидит как влитое. Ни за что его не оттянуть от этих коротких темных волос, торчащих в разные стороны. Вроде бы беспорядок, но хорошо продуманный беспорядок. Пару лет назад Катя носила подобную стрижку, и у нее уходила уйма времени, чтобы ее уложить, разобраться со всей этой рваной неевклидовой геометрией. Стрижка делала ее моложе, делала девчонкой, угловатой и застенчивой. А погибшая Сандра – какой

она была?

Теперь не узнаешь.

Остается просто смотреть на высокие скулы, прямой нос и четко очерченные губы. Они чуть темнее, чем обычно положено губам, и изогнуты чуть более прихотливо. Опускаться ниже, к подбородку, Брагину совсем не хочется: все из-за успевшей засохнуть струйки крови. Это и есть черта, подведенная под случившимся. Интересно, г-mmm... Сандра успела понять, что именно произошло? Будем надеяться, что нет. Хотя это уже не имеет никакого значения.

– Нож я вынул, – пробубнил Пасхавер. – И могу сказать тебе, что работал профессионал. Чтобы так хладнокровно расправиться с жертвой в людном месте... И, самое главное, точно попасть в цель... Нужно быть именно профессионалом.

– То есть он знал, куда бить?

– И знал, что произойдет с девицей дальше. Почти мгновенный паралич дыхания и остановка сердца. Она не смогла бы позвать на помощь, даже если бы хотела.

Руки Игоря Самуиловича распростерлись над впалым животом девушки, почти касаясь его. В верхней части живота зияла рана довольно внушительных размеров. Идеальная окружность со скошенными краями, как если бы из картофелины вырезали глазок. Не самое выдающееся сравнение, учитывая корку запекшейся вокруг раны крови.

– Прямоком в солнечное сплетение, – продолжил судмедэксперт. – Сантиметр вправо или влево, вверх или вниз...

– И тогда ее можно было бы спасти?

– Это вряд ли. Но минуту или две она бы выиграла. Прежде чем умереть от обширного кровотечения. Задеты брюшная аорта и блуждающий нерв. Нет, никаких шансов, никаких.

– Крови не очень-то много, учитывая проникающее ранение.

Крови и впрямь было немного. Она не успела даже толком пропитать куртку, лишь на свитере расплылось пятно, почти сливающееся с темно-бордовым цветом ниток. И прямо в середине этого пятна торчала рукоять. Брагин хорошо запомнил ее, еще когда впервые осматривал тело Сандры в салоне автобуса. Рукоять была на несколько тонов темнее – и свитера, и крови.

– Убийца не просто воткнул нож, он успел провернуть его вокруг оси. Нож и послужил своеобразной заглушкой на первое время. Как пробка в ванной, ферштейн? Нож, кстати, – самая обычная выкидушка на кнопке. Вряд ли вы найдете что-нибудь подобное в специализированных магазинах,

но на Удельной их полно.

– Ты блошинный рынок имеешь в виду?

– И окрестности тоже. Есть там несколько милитари-лавок с соответствующим товаром. Черные копатели держат, они же все эти приبلуды клепают в промышленных масштабах.

– Отпечатки?

– На рукояти – никаких. Да и глупо было бы ожидать, что, исполнив номер повышенной сложности, профи на банановой коже поскользнется. Поехали дальше. Татуировка.

Брагин давно уже приметил татуировку на правом предплечье девушки и все не мог вспомнить, как называются эти рыбки. Что-то, связанное с Японией, с ее садами камней и лакированными деревянными коробочками для печенья. С безмятежной гладью прудов, в которых не сыщется ни одной случайной водоросли, раковины или песчинки. А каждая отдельно взятая деталь призвана подчеркнуть гармонию мира.

Рыбки на предплечье тоже смотрелись гармонично, почти живыми; Брагин мог бы поклясться, что их плавники подрагивают. Все дело в умелой, почти акварельной растушевке, глубине и богатстве цветов, прихотливости линий. Тонкая работа.

Игорь Самуилович Пасхавер был такого же мнения:

– Это тебе не «Кольщик, наколи мне купола», друг мой. Это – произведение искусства. Эх-хх... В кои-то веки татуха понравилась... Да и та на трупе.

– Кои. Точно. – Вот Брагин и вспомнил. – Это японские карпы. Кои.

– В обычном тату-салоне таких не набьют – хоть карпов, хоть птеродактилей. Я качество имею в виду. Это определенно авторская работа. Имеет смысл заняться поиском мастера.

– Само собой. Главное, чтобы мастер в Питере обретался, а не где-нибудь на острове Хоккайдо.

– Будем надеяться. Потому что как раз именно он мне и нужен... – Пасхавер полоснул ребром ладони по шее. – Позарез.

– Зачем? – удивился Брагин. – Или?..

– Не себе, – тут же открестился судмедэксперт. – Валюха спит и видит себя с наколкой. Мне это все не улыбается, но кто в семнадцать лет станет слушать замшелого дурака-папашу? Так что лучше я сам ее за руку отведу к хорошему спецу. Как говорится, не можешь победить врага – возглавь его.

Брагин познакомился с Валею, дочерью Пасхавера, много лет назад, еще до своей женитьбы на Кате. Маленькая девочка, очень маленькая и очень смешливая, любительница мармеладных червячков и книжек с

картинками – там, где рассказывается про братца Кролика и братца Лиса. Все эти годы она так и оставалась для Брагина крохой, стоящей у книжного тернового куста, и вот, пожалуйста, – уже семнадцать!

– Зарисовал рыбок, а?

– Не удержался. – Пасхавер покаянно нагнул голову. – А как иначе? Не стану же я родной дочери фотографии с работы подсовывать... В общем, найдете мастера – сообщите. Теперь еще по телу. По наркотикам – чисто, но в крови имеются следы транквилизаторов. Линейку набросаю тебе в официальном заключении. С внутренними органами тоже все в порядке, хотя есть следы хирургического вмешательства.

– Интересно.

– Ничего интересного. Банальный аппендицит. Интересно другое.

Пасхавер приподнял правую руку Сандры, жестом приглашая Брагина приблизиться к ней. От запястья едва слышно пахло какими-то духами, и это был сложный запах. Дорогой и влекущий, смесь экзотических специй, амбры и мускуса. И чего-то сладкого – ваниль? инжир?.. Брагин не был силен в парфюмерных брендах и из всего представленного на рынке бешеного разнообразия мог идентифицировать только один аромат: неунывающе-летнего цветочного «Барберри». Он очень нравился Кате, а Катя в своих вкусах и пристрастиях была постоянна.

– Духи ничего себе, – сказал Брагин. – Впечатляют. Дорогие, наверное.

– Наверное, – согласился Пасхавер. – Если сложить наши с тобой зарплаты – хватит на флакон или нет?

– Может, и наскребем.

– Да ты оптимист, друг мой. Но бог с ними, с духами, не о них речь.

– Нет?

– Вот, смотри. – Пасхавер взъерошил волосы девушки, открывая лиловое пятно. – Свежайший удар в височную область. Очень и очень неслабый. А это – гарантированное сотрясение мозга. Удивительно, что она вообще смогла сесть в автобус. Дальше. Две полосы в районе лучезапястного сустава. Не слишком проявленные, но разглядеть можно.

Теперь и Брагин увидел тонкие, почти неразличимые следы на коже. Они окольцовывали запястье и были похожи на пару затянувшихся шрамов. О которых и вспоминать-то смешно. Так – *тире-точка-тире*.

– Как думаешь, что это такое?

– А твои предположения? – вопросом на вопрос ответил Брагин.

– Первое, что приходит в голову, – следы от наручников. Контактирующие грани – здесь и здесь. – Пасхавер ткнул карандашом в полоски на запястье Сандры.

– А второе?

– Следы от наручников. Других вариантов у меня для тебя нет. Можешь сам придумать что-нибудь еще. На досуге.

– Не буду придумывать. Доверюсь профессионалу.

Наручники. *Совсем не смешно.*

– По характеру полос – след динамичный, следовательно, от наручников пытались избавиться и резко дергали. Второе запястье не повреждено от слова совсем, из чего я делаю вывод, что девушка могла быть прикована к чему-нибудь. Труба, батарея, да что угодно...

– Как долго?

– Какое-то время. Не факт, что долгое. Возможен вариант импрегнации металла в кожу.

– Э?

– Пропитка в просторечии. – Пасхавер снисходительно улыбнулся профану Брагину. – Отнесем это к особенностям пигментации кожных покровов потерпевшей. В любом случае между ее освобождением от наручников и смертью прошло не так много времени.

– Значит, прежде чем сесть в автобус, она вырвалась из плена.

– Именно так. Я тут за вас немного поработал... Как будто у меня своей работы нет... Помнишь ведь, в чем она была одета, так?

Брагин помнил. Ничем не примечательная темно-синяя куртка, пристегнутый к ней капюшон с опушкой из искусственного меха; бордовый свитер без опознавательных знаков, джинсы и кроссовки – слишком легкие для декабря.

– Бедненько, но чистенько, – резюмировал Пасхавер.

– Угу.

– Так вот, я тут кое с кем проконсультировался относительно белья жертвы... Уж очень оно любопытное... Не просто трусы с лифчиком.

– Нет?

– Комплект дизайнерский. От Карин Жильсон. Средняя цена – две с половиной тысячи долларов.

– Угу, – снова повторил Брагин. – А консультировался с Илоной?

Илона, тишайшая жена Пасхавера, работала в универмаге «Стокманн» на Восстания и как раз в отделе женского нижнего белья. Так что лучшего консультанта невозможно было и придумать.

– Отправил пару фоток по ватсаппу. И получил соответствующий комментарий. Не вяжется это белье с дешевой курткой и кроссовками. Никак.

– Белье могли и подделать. Китайцы те же. Подделали и выбросили на

рынок – по три копейки за оптовую партию.

Пасхавер даже обиделся на столь нелепое предположение следователя:

– Я дурак, по-твоему?

– Нет.

– Может, Илона тебя не устраивает? Как эксперт по женскому белью?

– Всецело ей доверяю.

– Тогда прими как данность: белье дорогое. И тот, кто его носит, не станет напяливать на себя куртку с вещевого рынка. Или станет, но обстоятельства должны быть экстремальными. Кстати, носки девице тоже не по размеру.

– Это как? – удивился Брагин.

– Стандартные мужские, на размер 43–45. А у нее примерно 38, так что пятка оказалась на уровне щиколоток.

– Только не говори, что они из шерсти единорога и стоят, как чугунный мост.

– Носки как раз обычные. Средней ценовой категории...

Брагин на секунду забыл о носках, уставившись на шею девушки. Поначалу он думал, что ему просто показалось и это едва заметное пятно на шее – всего лишь игра теней. Но тени в стерильно-слепящих чертогах Пасхавера еще поди поищи! Следовательно – пятно существует, пусть и не очень хорошо проявленное.

– Что это? – спросил Брагин у Пасхавера, ткнув пальцем в пятно.

– Заметил, да? – хмыкнул судмедэксперт. – А я вот не сразу. Мартышка к старости слаба глазами стала, ага.

– Есть объяснения, старая ты мартышка?

– Не беги впереди поезда – получишь объяснение.

– На сладкое оставил? – Брагин за долгие годы совместной работы изучил все пасхаверовские штучки. – Колись.

– Судя по всему, она – профессиональная скрипачка. Ну, или довольно долго обучалась этому ремеслу. А вот Валюха не захотела... А какие данные были!.. Но нет, спустила нашу с матерью мечту об Альберт-холле в унитаз.

– Значит, скрипачка.

– Скорее всего. Как вариант – альтистка. Есть еще характерные следы на подушечках пальцев, правда, не ярко выраженные.

– И что это означает? Бросила играть?

– Откуда же мне знать? Все очень индивидуально, и кожа на внешнее давление реагирует по-разному... Ну что, подбросил я вам с Пашей работенки, а?

Работенки и без выводов Игоря Самуиловича было навалом. Следствие только начиналось, но никакого оптимизма по его поводу Брагин не испытывал. Что-то подсказывало ему, что дело будет долгим и муторным. И что убитая девушка вовсе не так проста, как ее куртка и кроссовки. Скрипичный след, белье за бешеные тысячи, духи на запястье, где совсем недавно болтались наручники, – это, конечно, аргумент. И не самый последний, особенно – наручники. Но и место преступления выглядит странным. Как минимум – странным. Автобусный салон и бесконечный круговорот людей в этом аквариуме на колесах... Для такой интимной вещи, как убийство, ничего хуже и придумать невозможно. Неудобнее и глупее. Если народу много – велика вероятность, что все твои манипуляции с ножом не ускользнут от чьего-то внимательного взгляда. Если народ схлынул и появилось свободное пространство, – тоже не гут. Манипуляции будут видны по определению, так что даже внимательный взгляд не понадобится.

Все то же самое можно было проделать в другом месте. В другое время. Подошли бы ночная подворотня и утренний парк – еще без спортсменов, но уже с собачниками; квартира, лифт, черная лестница, даже кинотеатр. Вопрос лишь в том, посещала ли жертва кинотеатры и какой покупала попкорн, сладкий или соленый? Посещала ли она утренние парки? И почему ее убийство стало делом, не терпящим отлагательств? Таким срочным и архиважным, что убийце пришлось идти на риск, возможно – импровизировать на ходу. Все силы были брошены на то, чтобы девушка не смогла выйти из автобуса живой.

Почему?

Допустим, она опасалась за свою жизнь и старалась не покидать людные места. Связано ли это со следами от наручников? Если кто-то удерживал ее насильно, и ей удалось вырваться, почему она не заявила в полицию? Почему поехала через весь город на автобусе, когда в любой момент можно было вызвать такси? Она не выглядела взволнованной или встревоженной, так утверждает контролер-кондуктор Маврокордато. Но это – всего лишь ее представления о девушке. У водителя Таризла Кобахидзе – совсем другие представления. Хотя э-м-мм... Сандру он видел лишь мельком – когда та входила в переднюю дверь. После того как Маврокордато была обстоятельно допрошена, настал черед Кобахидзе. Он мало что мог добавить – в силу неважного владения ситуацией и русским языком.

– Не помните, как она вошла? – спросил у водителя Брагин.

– Помню, как она упала, дорогой мой. Прямо перед дверями. До этого

видел ее на остановке. Перед остановкой – светофор. Был красный. Автобус стоял, и она стояла.

– На остановке?

– Да.

– Она была одна?

– Почему одна? Другие тоже стояли.

– Я имею в виду, была она одна или со спутниками?

– А-а-а. Так и говорите. Совсем без спутников она была. Говорила по телефону. Пока горел красный. На зеленый я поехал.

Брагин на секунду представил себя на месте Тариэла Кобахидзе, в теплой, отгороженной от всего мира кабине, возвышающейся над землей метра на два. Отличный обзор, масса информации – она вливается со всех сторон через лобовое стекло. В основном – необязательная и совершенно ненужная, если это не касается знаков, дорожной разметки и участников движения. Теперь – остановки, они не заканчиваются на протяжении всего рабочего дня. Люди, на них стоящие, не заканчиваются тоже; сотни людей, тысячи. Мог бы Брагин запомнить хоть кого-нибудь из них? Вряд ли, если бы не случилось чего-нибудь выдающегося. Но разговор по телефону – вполне рядовое событие. Инцидент у дверей имеет чуть больше шансов задержаться в памяти, вот только случился он позже телефонной беседы. Что-то привлекло Тариэла Кобахидзе до этого.

– Почему вы запомнили девушку?

– Э?

Похоже, до Тариэла не сразу дошла суть вопроса. А когда дошла – он и сам удивился. Не вопросу – себе самому, витязю в тигровой шкуре, вынужденному крутить баранку в стилом северном мегаполисе. И цепляться глазами за любой предмет, способный вырвать его из ледникового периода.

– Патара ангелозо, – произнес он наконец.

– Простите...

– Маленький ангел. Я так подумал.

– О девушке?

– Да. Подумал недолго. Пока горел красный.

Безыскусные и какие-то куцые, рубленные предложения вдруг стали раздражать Брагина. Тем более что все последующее он мог пересказать и сам: оранжевая шапка, зенитовский шарф, Сандра падает, поднимается, покупает билет, красный рюкзак.

– Подумал еще о Соне.

Новое откровение.

– А кто такая Соня? – осторожно спросил Брагин.

– Правильно – Сона.

– Это ваша девушка? Жена?

– Кошка.

Лицо Тариэла Кобахидзе сморщилось, как если бы он испытал приступ острой боли. Пришлось даже закусить губу, чтобы ничем ее не выдать.

– Кошка-то здесь при чем?

– Все время с ней разговаривал. Пока разговаривал – она... Не знаю, как сказать, дорогой мой. Она была живая. Но и на работу надо. Когда уходил – знал, что умрет.

Тариэл махнул рукой, давая понять, что разговор окончен. Двумя минутами позже Брагин узнал недостающие подробности от посвященной в кошачью трагедию Маврокордато.

– Котенком ее подобрал, – закатив глаза, шепотом сообщила кондукторша. – Сону эту. Носился, как с писаной торбой. Ну, его тоже понять можно. Семья в Грузии осталась, а он один здесь жилы тянет. Деньги ведь с неба не падают. Но и отдыхать когда-то надо. Другие любовниц себе заводят, от холода и от скуки, а Тариэл – нет. Честный мужик, хороший. Эта кошка у него вместо семьи была. А потом то ли из окна выпала, то ли собаки подрали... То ли все вместе. В общем, помучилась неделю и померла.

Чуткая к чужому горю Маврокордато даже хотела подарить Тариэлу котенка. Но водитель отказался, так потрясла его смерть несчастной Соны.

– Вы уж не тревожьте его, гражданин следовательно.

– Постараюсь.

Тревожить Тариэла Кобахидзе действительно не имело смысла: он уже рассказал, что знал, и вряд ли расскажет больше. А историю с кошкой Брагин тотчас же постарался забыть, как старался забыть все остальные, не относящиеся к делу истории. Их за свою – почти двадцатилетнюю – практику следователь выслушал немало: побочный эффект «МБ», *метода Брагина*, подразумевающий неформальное общение со свидетелями. Погружаясь в это общение, Брагин выступал в самых разных ипостасях – в зависимости от обстоятельств и правды момента. Психотерапевт, репортер, помощник народного депутата, телепроповедник, сосед по купе в поездах дальнего следования. Судмедэксперт Игорь Самуилович Пасхавер, не раз наблюдавший брагинскую цыганочку с выходом под протокол, шутил:

– Так ты скоро исповедовать начнешь. И причащать.

– И буддизм приму, если понадобится. – Брагин всегда готов был

поддержать шутку.

– А обрезание – слабо?..

Как бы то ни было, необязательная кошка улетела в архив, а вот телефонный разговор остался. Убитая с кем-то разговаривала на остановке, хотя телефон так и не был найден. Совершенно очевидно, что он разделил участь красного рюкзака, куда девушка впихнула всю свою жизнь. Или почти всю: в карманах ее одежды был найден лишь один заслуживающий внимания предмет – связка ключей с зеленой магнитной «таблеткой», которая обычно отпирает подъездную дверь.

То, что можно сбросить со счетов:

наполовину выпотрошенная упаковка жевательной резинки;

отдельно взятая жвачка, уже основательно разжеванная и завернутая в кусок бумаги с каким-то текстом (судя по шрифту и тексту, обрывок при жизни был книжной страницей);

флайер из «Кофе-Хауса»;

рекламная листовка Филармонии с перечнем выступлений на декабрь;

купон *олдскульного барбершоп* «Серпико» («предъявителю купона 10 % скидка на первое посещение»);

одна кожаная перчатка с обрезанными пальцами. Вторая так и не нашлась.

«Сбросить со счетов» – так рассудил опер-несмышлениш Паша Однолет, выразившийся даже беспощаднее: уронить в пропасть. Пусть летят самолетиками все эти флайеры, отягощенные жвачкой тексты и рекламный хламидиоз. А он, Паша, сосредоточится на ключах. И лишь когда будет отработана эта – во всех отношениях выдающаяся – вещь, можно будет перейти к чему-то менее существенному:

перчатке,

филармоническому репертуарному плану на декабрь.

– А чем тебе жвачка не нравится?

– Которая в пачке? – уточнил Однолет у следователя.

– Использованная.

– Из гигиенических соображений не нравится. Абсолютно бесполезный предмет.

– Не скажи.

– Ну, биологического материала у нас и так навалом. – Паша даже понизил голос, пытаясь осознать собственную профессиональную значимость. *Вот он я, заправский криминалист*, – было написано у него на лице.

– Странно, что жвачка оказалась завернутой в книжную страницу.

– Ну, не совсем страницу. Всего-то клочок.
– Вот ты, – Брагин, прищурившись, взглянул на Пашу, – часто с собой книжные клочки носишь?

– Нет. Но мало ли откуда он взялся. Может, вообще его кто-то за обшивку сиденья засунул, а... девушка воспользовалась.

– Проще было в купленный билет завернуть, нет?

– Билет сохраняется до конца поездки, – наставительно произнес Паша.

Точно. А Брагин и забыл.

– Во флайер?

– Бумага не совсем подходит. Жесткая, глянцевая.

– Может, ты и прав. А олдскульный барбершоп? – с трудом пряча улыбку, поинтересовался Брагин. – Тоже в пропасть метнем?

Паша на секунду задумался, наморщил обычно безмятежный лоб и пожевал губами – щедро размазанными по нижней части лица, мягкими и какими-то совсем уж детскими. Серьезно относиться к оперу с такими губами нельзя, – решил однажды Паша. И попытался замаскировать природный, как ему казалось, изъян. Отсюда – идиотские усы и не менее идиотская борода, растущая клочками. Вообще Паша Однолет напоминал Брагину не существующий в природе гибрид дельфина, обезьяны и щенка крупной породы – то ли кавказца, то ли алабая. В нем удивительным образом сочетались гибкость и неуклюжесть, заносчивость и застенчивость, а также уникальная способность выкопать на какой-нибудь интеллектуальной помойке сомнительный авторитет и слепо им восхищаться.

Календарную декаду, плюс-минус пара недель.

А вот Славой Жижек^[1] как-то сказал...

А вот Фрэнсис Фукуяма^[2] заметил однажды...

А вот Фредерик Бегбедер^[3] написал в своем Фейсбуке...

Дольше всего в гуру у Паши продержался Гомер Симпсон, мультперсонаж.

– ...Давайте рассуждать, Сергей Валентинович. Девушке не нужен никакой барбершоп, потому что она – девушка. Ей просто сунули рекламный листок... Мне самому суют постоянно, особенно – у метро, еле успеваю отбиваться.

– Значит, ей просто сунули, а она просто взяла. И даже не озаботилась тем, чтобы выбросить его. Зачем-то сохранила.

– Сунула в карман и забыла. Такое часто бывает.

– В карман, на ходу, так? – уточнил Брагин.
– Ну да. – Паша все еще не чувствовал подвоха.
– Ты помнишь, где лежал этот листок? Во внутреннем кармане куртки. То есть куртку нужно было расстегнуть, чтобы спрятать бумажку. А перед этим аккуратно сложить ее вдвое. Случайностью это не назовешь.

– Допустим...
– Нечего допускать. Так все и было, если исходить из логики.
– Допустим. – Паша принялся пощипывать куцую бороденку – жест, который почему-то раздражал Брагина. – Допустим, вы правы, и она взяла его. Не для себя, а для... Вдруг она с каким-нибудь парнем... жила.

Однолет неожиданно нахмурился и покраснел, не в состоянии развить свою мысль. Странная реакция, какое дело половозрелому здоровому парню до гипотетической чужой постели? Но Однолет выглядел так, как будто его оскорбляла сама мысль о ней. «Тоже мне, институтка, облако в штанах», – подумал Брагин и снова почувствовал приступ раздражения. Дело не в Паше. Вернее, в Паше, который пытается рассуждать о неприятном и малопонятном деле. А рассуждать по этому поводу должен совсем другой человек – капитан Вяткин, непосредственный начальник Однолета. Забубенный опер, с которым следователь Сергей Валентинович Брагин раскрыл не одно преступление и который понимал его с полуслова. В такой связке и Паше нашлось бы достойное место – второго альты или третьей скрипки. Но Вяткин укатил в отпуск в Геленджик – первый за несколько лет плановый отпуск. Вот им с Однолетом и приходится отдуваться: одним за целый оркестр, включая литавры, цимбалы и треугольник. Правда, начальство обещало подкинуть людей, но ждать придется еще какое-то время.

Дело-то – нерезонансное.

Во всяком случае, пока. Крошечная змеиная головка убийства едва возвышалась над озерной гладью, а что уж там скрывает гладь – огромную лох-несскую тушу преступления века или слабосильный хвост бытовухи, – одному богу известно. *Будем посмотреть*, – как обычно выражается старый оперативный фокстерьер Вяткин.

– Для парня... В общем, – совсем сник Паша.
– Взяла листовку для своего парня?
– Типа.
– И что это нам дает?

Паша засопел, а румянец, до того занимавший все свободное пространство на его лице, схлопнулся до двух точек. Уже не просто красного, а какого-то свекольного цвета.

– Что за парень – мы не знаем, – продолжил Брагин. – Был он или нет – неизвестно. В любом случае листовку он не получил, в связи с известными обстоятельствами. Следовательно, и в этой парикмахерской богадельне не был. Выходит, бесполезная бумажка?

– Ну... Я с самого начала говорил...

– А я тебе скажу, что иногда полезно компоновать вещдоки. На листовке указан адрес заведения. Улица Коллонатай, пять. Все верно?

– Да.

– Как раз в этом месте улица Коллонтай пересекает Нерчинскую. Ту самую, где жертва села в автобус. А теперь ответь, имеет ли смысл оставлять у себя рекламу неизвестного тебе салона, если ты живешь не в этом районе?

– Намекаете, что тот, кто обитает на Петроградке, не попрется в другой конец города, чтобы постричься? – осенило наконец Пашу Однолота.

– Не намекаю, а говорю открытым текстом. На Петроградке своего добра навалом, включая чертовы салоны. И классом повыше, заметь.

Логика Брагина была безупречна, но именно эта безупречность вызвала в Паше желание сопротивляться. Откусить побольше от непререкаемого авторитета следователя, и чтобы укус вышел помоскитному болезненным. Опер снова сморщил свой крутой дельфиний лоб и выпалил:

– Да может быть все что угодно! Может, эту бумажку девушке не на улице сунули, а на какой-нибудь вечеринке. Типа – приходи к нам, только открылись, раскручиваемся. Может, они знакомы лично и вообще друзья – девушка и те, кто в этом «Серпико» работает.

– Друзья или знакомые обычно оставляют визитки, нет? Или договариваются по телефону. Рекламный спам – не тот вариант. А вот личное знакомство – тот самый. Лучший из всех возможных. Только что-то мне подсказывает, что такое счастье нам не обломится.

Отпахав на неблагодарной криминальной ниве не один год, Брагин знал, о чем говорит.

– А можем мы в качестве варианта рассмотреть, что... гипотетический парень сам стрижет бороды в «Серпико»? – выпалил Однолет и даже коротко рассмеялся от удовольствия: *уел-таки следака!*

– Вот ты и выяснишь.

– А вы когда про связку вещдоков говорили, имели в виду еще и ключи?

– Теоретически, – осторожно подтвердил Брагин.

– А можно еще в практическую плоскость переложить.

– Ну-ка.

– На ключах есть магнитная «таблетка», которой подъезды обычно отпирают. Имеет смысл походить по окрестным домам, поприкладывать. Вдруг какая-нибудь дверь отзовется?

– А если не отзовется?

– Вы же сами только что сказали, Сергей Валентинович... Есть немаленькая вероятность, что Сандр... девушка жила в том районе. Если обнаружить ее квартиру, многое может проясниться.

– Проникновение в жилище без решения суда? Без санкции прокурора?

– А мы быстренько, – раздул ноздри Паша. – Никто и не заметит.

Брагин неожиданно вспомнил, что подобным наивным волюнтаризмом отличался во времена оны и капитан Вяткин. Вернее, тогда еще не капитан, а сейчас мог бы быть уже майором, если не полковником. Но Вяткин вечно и совсем неконструктивно дерзил вышестоящему начальству; ненавидел все, что не касалось работы «в полях», включая обязательные бумажные формы отчетности (*долбаную писанину*, как он выражался). За вольное обращение с вещдоками и уликами ему не раз вlepляли выговоры и представления о неполном служебном соответствии. И все же лучшего сыскаря и придумать было невозможно. И этот сыскарь совсем недавно высказался о Паше Однолете – *годный паренек*. Брагин вспомнил про «годного паренька», и его раздражение прошло. Он даже взглянул на щенка алабая с симпатией:

– Не дело, конечно. Но попробовать можно. Не в ущерб основным мероприятиям. Тебе еще камеры видеонаблюдения отсматривать.

– Так я в свободное от работы время.

– Разве что – в свободное. Заодно и олдскульный барбершоп навестишь. Не мешало бы бороду поправить.

«Серпико»

...«Свободное от работы время» наступило тем же вечером, после того как Паша Однолет объездил точки с уличными видеокамерами, прилегающие к остановкам на маршруте автобуса № 191. Вернее, их часть, причем не самую значительную. Но и ее хватило, чтобы понять: найти то, что они ищут (человек с красным рюкзаком, покинувший транспортное средство с регистрационным номером «В 310 АР» во временном промежутке между 14.00 и 16.00), практически нереально. Все равно что иголку в стоге сена искать. Для начала еще предстояло выявить и уточнить юрисдикцию установленных камер: муниципальная собственность, собственность юридического лица или сплошная самодеятельность лиц физических – владельцев и арендаторов коммерческой недвижимости на первых этажах зданий. Плюс камеры регистрации нарушений ПДД, которым было вольно стоять там, где заблагорассудится. И где Министерство внутренних дел пожелает. Как раз с гайцами, пошедшими навстречу группе Брагина, проблем было меньше всего, они даже пообещали выделить человека для отсмотра и систематизации данных по камерам ведомства. Но это когда еще будет, – а пока Паше приходится управляться самому, ножками-ножками ходить вокруг видео-Эвереста, на вершине которого скрылся неизвестный (или неизвестные) с красным рюкзаком.

В двух местах оперу Однолету и вовсе отказали, несмотря на удостоверение; еще в трех – сообщили что сохраняют записи только в течение суток. К тому же несколько камер, гордо взирающих на окрестности с фасада карликовых стоматологических кабинетов и заведений общепита, оказались самыми настоящими фальшаками. Это подкосило Пашу окончательно, и он волевым усилием прекратил обход. Чтобы тотчас же начать другой – связанный с ключами из кармана мертвой Сандры.

Теперь эти ключи покоились в его собственном кармане, что настраивало Однолета на философский лад. И еще – ему было грустно. Грустно все эти дни, с того самого момента, как он увидел Сандру: сначала – в капюшоне, скрывающем лицо. Затем – без капюшона, и первое, о чем подумал Однолет в новой бескапюшонной реальности, – он никогда бы не влюбился в эту девушку.

Не посмел бы влюбиться, такой красивой она была. Такой

совершенной.

Конечно, рейсовый автобус, идущий с окраины, сильно упрощал Сандру, обманчиво упрощал. Но пахла она совсем не так, как пахнут обладатели проездных карточек на все виды транспорта. Поначалу Паша даже не сообразил, что это всего лишь духи, столь естественно запах вплетался в темные волосы, непокорно торчащие во все стороны, – *так, что ли, протестуют против смерти?* Непокорством, дерзостью, ведь лицо у девушки было дерзкое, и смерть нисколько эту дерзость не смягчила.

Паша служил в органах всего-то второй год, но уже успел повидать с десяток жмуриков, находящихся в самых разных секторах человеческого спектра. Бомжи («чада улицы», – как называл их капитан Вяткин), жертвы пьяных разборок, домашнего насилия и клубного передоза. Один самоубийца, один неудачно поскользнувшийся на обмылке в Пушкарских банях; была еще мутная история с бизнесменом средней руки из Абхазии (рейдерский захват ТЦ), не менее мутная – с коллекционером музыкальных инструментов и нотных раритетов Лутониным (рейдерский захват уникальной партитуры, чьей именно – Паша позабыл, а может, и не знал никогда). Итого – три женщины и семь мужчин. Кто-то выглядел лучше, кто-то хуже (один раз молодого оперуполномоченного даже вырвало), но в любом случае это были мертвецы. Куски мяса, сломанные куклы из плоти, смерть и не думала церемониться с ними.

С девушкой из автобуса № 191 все было иначе. Вернее, смерть отнеслась к ней иначе, с почтением и даже каким-то милосердием. Дала возможность удержаться на грани, отделяющей живых от мертвых, чуть дольше, чем следовало бы. Или дерзкая девчонка удержалась сама. Скорее всего. Дождалась Пашу Однолета и только тогда вздохнула с облегчением – уже с той, недостижимой для опера стороны.

Ты ведь pomoжeшь мне?

Помочь – означало найти убийцу, и Паша будет его искать. Промерзшую землю будет скрести ногтями, вот что. Как если бы это было его личным – очень личным – делом. Как если бы она была его девушкой или его младшей сестрой, хотя у Однолета не было ни девушки, ни сестры. Только мать, оставшаяся в его родном карельском городке Костомукша. И он уже две недели не звонил ей, не очень-то хороший сын Паша Однолет. Не очень хороший опер. Тугодум, хотя в школе МВД был не самым последним курсантом. И быстротой реакции тоже похвастать не может, и нестандартным подходом к делу, *иным взглядом*, позволяющим рассмотреть преступление с самых разных, иногда – неожиданных – ракурсов. Такой взгляд всегда находился у Сл. Жижека, у Фр. Фукуямы и

еще у нескольких знаковых для Паши людей.

Вот только они – не опера. Не следаки.

И никогда не ездили в автобусе № 191.

Паша тоже не решился отправиться на улицу Коллонтай автобусом, а добрался до места назначения на метро. После дня, проведенного за безрезультатным отловом фантома с красным рюкзаком, голова у него гудела, и страшно хотелось бухнуться на диван, вытянуть ноги и полежать так пару часов, ни о чем не думая. Или думая о приятных вещах, или хотя бы нейтральных, вроде рыбалки на Ладоге. Рыбалка, конечно, операция прикрытия; обычно на Ладогу выезжали шумной курсантской компанией, мальчишки-девочки, пофлиртовать и повеселиться, приготовить шашлык и, если повезет, – обзавестись постоянным другом или подружкой. Везло всем, кроме Однолота, не очень впечатлявшего девушек (*чертовы подметки вместо губ!*). А если и впечатлявшего, то ненадолго, до первого поцелуя. Тут-то сразу и вскрывалось, что Однолет – страшный зануда и псевдоинтеллектуал и чувство юмора ему при рождении не выдали, а вместо этого выдали двойную порцию *серьеза*, так что даже легкой улыбки от него не дождешься.

А большинству девушек нравится, чтобы их смешили, забавляли, и не грузили ненужной им информацией, и не требовали ответа на вопрос, когда же наступит Конец Истории.

Для Паши Однолота Конец Истории (не в фундаментальном, а в прикладном смысле) наступал довольно быстро, *при чем тут губы, говорите?*

При всем.

Это только шлюхам все равно, как ты выглядишь. Деньги не пахнут.

Капитан Вяткин – хуже любой девушки, хуже шлюхи, хотя опер-стажер относится к своему начальнику с уважением. И в личном рейтинге Однолота Вяткин почти подобрался к небольшой группе лидеров мнений. Идет ноздря в ноздю с Гомером Симпсоном и даже опережает его. Во всяком случае, в том, что касается здорового цинизма или нездорового цинизма – никакой разницы между двумя этими понятиями для Паши не существует.

– А с бабами у тебя как? – вскользь спросил однажды Вяткин у Паши.

Неформальная беседа предполагала любой ответ, вплоть до его отсутствия, но Паша решил набить себе цену в глазах начальства:

– Грех жаловаться, чего уж там.

– Есть постоянная девушка?

– Встречаюсь, но пока не решил.

– Ну и не решай, успеется. При нашей работе любовь – лишний геморрой.

Капитан Вяткин был закоренелым холостяком и сексистом (ни писательница Симона де Бовуар, ни философ Сейла Бенхабиб этого бы не одобрили), оттого и беседа шла в заданном им русле: шуточки, подколки, байки и анекдоты. Паша в основном слушал и поддакивал, как ему казалось – вполне удачно. А напоследок Вяткин, подмигнув ему, спросил:

– Девственник?

Однолет немедленно покраснел, а капитан расхохотался:

– Не ссы, паренек. Никто не останется девственником. Жизнь отражает каждого.

С некоторой натяжкой это можно было считать жизненным кредо капитана Вяткина. Который в своем суконном и беспощадном правдорубстве как раз и был намного хуже любой знакомой Паше девушки. И даже хуже Гомера Симпсона. Сергей Валентинович Брагин, следовательно, – совсем другой человек. Немногословный и сдержанный, и не хохмач вроде Вяткина; главное оружие Брагина – мягкая ирония. А еще Паша слышал про его жену Катю (красавицу), контекста теперь не упомянуть.

Вроде бы она была знакома с погибшим коллекционером Лутониным или с кем-то из его домашних, на ведении следствия это никак не отразилось. Да оно толком и не закончилось до сих пор: убийца вроде бы найден, а нотный раритет исчез бесследно. Возможно, всплывет на каком-нибудь аукционе. А возможно, и нет. Но это уже не их, с Вяткиным и Брагиным, забота.

Теперь у Паши тоже появилась забота – совершенно отдельная. Сандра. Скрипачка, как утверждает судмедэксперт Пасхавер, и уже одно это переводит ее в разряд совершенно незаурядных личностей. Причастных к миру, куда Паше Однолету не попасть ни за что. То есть попасть можно, уплатив за билет в Филармонию или Капеллу или даже купив абонемент на «Вечера русской классики». Но не более того, зашел и вышел, разве что еще можно купить диск понравившегося исполнителя. Диск Сандры Паша Однолет купил бы обязательно, он скупил бы все диски на корню. Но даже этот акт немого поклонения не приблизил бы его к Вселенной Сандры, к ее *внутренней музыке*. Правда, то, что окружает ее сейчас, – сплошное белое пятно. Пустое пространство, на котором присутствует лишь несколько вещей, плохо соотносящихся друг с другом осколков. Можно заглянуть в них и увидеть что-то важное. А можно и ничего не увидеть, да вдобавок еще и порезаться об острые края. Как карта ляжет.

В тягучих многослойных размышлениях Паша едва не проехал нужную станцию – «Проспект Большеви́ков». Он выскочил из вагона в самый последний момент, едва не сбив с ног какую-то старуху с тележкой. Обычно такие старухи перемещаются по городу с утра, инспектируя рынки и магазины эконом-класса, и как она затесалась в вечернюю толпу – одному богу известно. Старуха, при помощи Однолета, еще успела удержаться на ногах, а вот тележка ее опрокинулась. И по мраморному полу весело покатались мандарины из разорванного пакета – вперемешку с лиловым крымским луком. Добрая половина овощей и фруктов исчезла в щели между платформой и уходящим составом, что привело старую каргу в бешенство.

– Вот негодай! – возопила старуха.

– Простите. Я нечаянно, – пробормотал Паша, судорожно подбирая с пола остатки лука и цитрусовых.

– Да чтоб ты сдох!

– Я же извинился!

– И сдохнешь, помяни мое слово! – Фурия никак не хотела уняться. – И месяца не пройдет, как богу душу отдашь!..

Это было чересчур, и в любое другое время Однолет бы сильно расстроился, но сейчас пропустил слова старухи мимо ушей. Все дело в предмете, который валялся на полу и не имел никакого отношения ни к старухе, ни к луковым мандаринам.

Бронзовая пуговица с ушком.

Паша поднял ее, подбросил в руке и перевернул: на внешней стороне тускло засветился якорь, переплетенный канатом. Пуговица была явно нерусская, от нерусской морской форменки, но все равно знакомая. И этот канат, и якорь, и даже надпись на тыльной стороне – **Kriegsmarine**.

Именно эта пуговица приснилась Паше во сне, а сам сон был вещим. Ну, или как там называются судьбоносные сны, в которых ты оказываешься лицом к лицу с теми, с кем при других обстоятельствах никогда бы не столкнулся. При других обстоятельствах и в силу разных причин. Хотя в Пашином сне причина была одна-единственная: убийство.

Ему приснилась девушка из автобуса.

Такая же, какой он увидел ее впервые, только без куртки, все остальное было на месте: свитер, джинсы и рукоять ножа. Девушка стояла совсем рядом с Пашей, лицом к лицу, протяни он руку – запросто мог бы коснуться ее волос. Но что-то мешало это сделать; что-то помимо Пашиной природной застенчивости (в своих снах он не был застенчив, скорее наоборот, – бесстрашно что-нибудь покорял, взлетал куда-то, парил над

чем-то).

Зеркало.

Да-да, даже в ирреальности сна девушка ускользала, оказываясь запертой *по ту сторону*, в зазеркалье. И там не было ничего, кроме нее самой, – но и темноты не было тоже. Скорее тени – беспокойные, наплывающие друг на друга. Вычислить природу теней было невозможно, но первое, что приходило в голову (если человек вообще способен анализировать во сне), – толща воды. Девушка стояла, упираясь ногами в дно, а на нее давила толща воды. И где-то там, наверху, над ее головой, проплывало нечто. Оно и отбрасывало тени. Рассмотреть «нечто» не представлялось возможным из-за рамы, в которую невидимое зеркало было упаковано: тяжелой, золоченой, полной каких-то восточных излишеств вроде камней и арабесок.

Во сне девушка что-то говорила Паше.

Это не было мольбой. И не было призывом спасти или гневным требованием покарать; они просто разговаривали (во сне Паша отвечал ей) – спокойно и ласково. Как уставшие после секса любовники. Или как брат с сестрой. Родные люди. Вспомнить бы еще, о чем был тот разговор!.. Почти наверняка он записывался на какой-нибудь невидимый божий смартфон, и Паша дорого бы отдал, чтобы раздобыть эту пиратскую запись.

Нельзя сказать, что беседа была такой уж беззвучной, кое-какие обрывки все же долетали, но они казались просто бессмысленным нагромождением не слогов даже – букв. И лишь одно слово донеслось отчетливо:

Сандра.

Поначалу, все так же не выходя из сна, Паша подумал, что это имя скрипачки. Потом, в оперативном порядке, решил, что это какая-то анаграмма или часть анаграммы: из зазеркалья, где все воспроизводится с точностью до наоборот, еще и не такое прилететь может. Но никакого удобоваримого слова из предлагаемых букв состряпать не удалось, и Однолет снова вернулся к версии имени.

– Сандра? – беззвучно переспросил он у девушки.

– Сандра, – ответила та, не размыкая губ.

– А я Паша. Павел.

Что еще можно сказать девушке, чья мертвая красота сразила тебя наповал? О чем вообще нужно разговаривать? *Об убийце*, если она его знала. Но вместо того чтобы напрямую спросить об убийце, Паша протянул руку в сторону торчащего из свитера ножа.

– Больно?

Девушка улыбнулась и пробежалась пальцами по рукояти, грациозно и нежно, – как, должно быть, не раз пробегалась по скрипичному грифу. Музыки не последовало, и она снова повторила:

– Сандра.

– Я понял, – ответил Паша, хотя не понял ничего.

И в этот самый момент сверху на девушку посыпались пуговицы – военно-морские, с якорями и ушком на тыльной стороне, и идущей полукругом надписью «Kriegsmarine». Их было немного, пять или шесть, и с «посыпались» Паша погорячился. Они плавно, как будто в рапиде, скользили в воздухе, то останавливаясь, то продолжая падение. А потом резко застыли на уровне лица девушки – и опер Однолет проснулся.

Не в холодном поту, потому что сон не был кошмаром: просто открыл глаза и долго лежал в темноте, боясь пошевелиться. И все раздумывал – зачем этот сон, к чему и что он может означать? И не самое распространенное в здешних широтах имя – оно действительно принадлежит девушке? А если и девушка не из здешних широт? И как это может продвинуть расследование? Куда? Паша сильно надеялся, что Сандра приснится ему еще раз – ведь они толком не поговорили, всего лишь присмотрелись друг к другу. Он, конечно, выглядел полным идиотом, кромешным – даже не сказал, что рад видеть ее живой.

Есть что исправлять.

Вот только она не живая – мертвая. И этого уже не исправить.

Надеждам Паши Однолета так и не суждено было сбыться, девушка больше не приснилась ему ни разу. А вот ее имя легализовать удалось. Правда, путем ползучего внедрения в ширнармассы мысли о сходстве неизвестной скрипачки с актрисой Сандрой Баллок (ничего умнее в голову опера не пришло). С такой идентификацией Паше проще было говорить о девушке с Брагиным и заниматься обычной рутинной работой первых дней: анализ вещдоков, проработка версий, сбор информации. Надо признать, не очень-то они и преуспели в этом.

И вот теперь – пуговица. Материализовавшаяся прямиком из сна.

Старуха уже укатила свою тележку в сторону эскалатора, к платформе подошел очередной поезд, и лишь Паша не трогался с места. Стоял и подбрасывал пуговицу на ладони.

Пол на станции был гладким и чистым – ни бумажки, ни кофейного зерна. Ничто не удержится на нем дольше нескольких минут, а значит, пуговицу потеряли совсем недавно. Паша взглянул на табло над тоннелем – запомнить время, так, на всякий случай. Вдруг придется отсматривать видеопленки; вопрос «кого именно ищем» опер сознательно оставил за

скобками. Да хоть бы и морячка. Хипстера в постмодернистском бушлате. Соплячку из Мухи^[4] – начинающего дизайнера и любительницу блошиных рынков. Паша вспомнил Муху неспроста, и знакомая дизайнерская соплячка у него имелась. Невесть как затесавшаяся в их курсантскую компанию девчонка со странным именем Богдана. Или, для краткости, – Бо. То есть это сама Бо так представлялась, а свое полное имя подавала как нечто необычное. Но это здесь, на севере, оно царапает слух, а где-нибудь на Западной Украине или в Польше таких Богдан можно высаживать в открытый грунт целыми кустами. И все равно они не закончатся.

Бо была смешливая и хорошо целовалась.

А Паша, наверное, не очень, – вот их роман и не продлился дольше одного вечера. Но телефон Бо в контактах остался, и Однолет даже звонил по нему один раз. И дважды отправил эсэмэску в обтекаемом формате **какдела?** Ответа, вполне ожидаемо, не последовало.

И морячок, и хипстер, и даже соплячка из Мухи, подозрительно смахивающая на вероломную Бо, легко и непринужденно монтировались со скрипачкой. Но только – живой. А вот представить, что кто-нибудь из них воткнул девушке нож аккурат в солнечное сплетение, – извините, нет. *Тут зверь посерьезнее будет*, – сказал бы капитан Вяткин, как обычно говорил, если преступление отличалось особой дерзостью, – *такого мы еще в наших буреломах не видывали*.

Паша Однолет не видывал точно.

...Нельзя сказать, чтобы район, прилегающий к станции метро «Проспект Большевиков» (дальним форпостом которого служили и приснопамятная Нерчинская, и начало улицы Коллонтай) был совсем незнаком Однолету. Он бывал здесь неоднократно, но дальше визитов в Ледовый дворец дело не заходило. Ледовый дворец – одна из основных городских спортивно-концертных площадок – и самая вместительная. В разное время Паша лицезрел в Ледовом хоккейные матчи (с приятелями по школе МВД), французскую певицу ZAZ и отечественную Елку (с кандидатками на должность герлфренд, так и оставшуюся незанятой). Была еще сборная солянка «Легенды РЕТРО-FM», на которую он сводил приехавшую из Костомукши мать, и пролёт с Земфирой. Тогда Паша простоял у Ледового часа два, в надежде оторвать лишний билетик, но не срослось. А за время топтаний у входа успел заметить выросшие, как грибы, высотки вокруг Ледового.

Земфира не случилась несколько лет назад, теперь же высоток только прибавилось. А ближе к Нерчинской пустые некогда пространства заняли огромные жилые комплексы. В любой из них при желании можно было

заселить целую Костомукшу, за вычетом горно-обогатительного комбината «Карельский окатыш» – и все отлично бы там разместились.

Сколько здесь домов? А сколько подъездов в них? Только на первой линии, прилегающей к широкой Коллонтай, – сотни. А в глубине, в отростках перпендикулярных улиц – тысячи! Так что же, бегать с «таблеткой» и прикладывать ее ко всем кодовым замкам?

Бегать. Прикладывать.

Ничего умнее Паша до сих пор не придумал, вопрос только в том, с каких домов начинать? Ближних к остановке «улица Нерчинская», где Сандра села в автобус № 191. Однолет даже постоял на этой остановке несколько минут, созерцая ландшафт. За его спиной гудела огороженная высоким забором стройка, откуда время от времени доносились хлопки, глухие удары и резкие, похожие на клетот голоса строителей-гастарбайтеров: птичий базар, да и только. На противоположной стороне улицы сверкал огнями огромный торговый молл (на карте в смартфоне он значился как «ТЦ «Лондон»); чуть левее высилась почти бесконечная китайская стена жилого дома этажей в двадцать пять высотой. И где-то у подножия этой стены, в сотах маленьких магазинчиков, кафешек и аптек, скрывался *олдскульный барбершоп* «Серпико».

Первоначально у Паши не было в планах ломиться в «Серпико», но пронизывающий ветер с Невы сначала сдул его с остановки, а затем подпихнул к китайской стене.

«Серпико» нарисовался не сразу. До этого были реликтовые «Авиакассы», «Автошкола», микроскопический магазинчик «Гардины», карликовое отделение карликового банка с непроизносимым названием и лавчонка с фастфудом «Жар-пицца». Витрины, как и положено витринам, призывно подсвечивались мягким неоном. И лишь над искомой дверью хлопало на ветру небольшое, кое-как закрепленное брезентовое полотнище с надписью:

СЕРПИКО

временная вывеска

Вздохнув, Паша толкнул дверь. Она с готовностью распахнулась, и где-то в глубине помещения весело звякнул гонг. Спустя секунду опер Однолет оказался в комнате, истинный размер которой почти невозможно было определить. Во-первых, из-за обилия зеркал, визуально увеличивающих пространство. Во-вторых, из-за темно-графитовой обивки стен, визуально это самое пространство уменьшающих. Откуда-то с

потолка лился рассеянный, чуть приглушенный джаз, а одна из стен была украшена несколькими черно-белыми портретами бородача. В бородаче Паша не без труда признал актера Аль Пачино.

Еще один бородач сидел в новеньком, обитом кожей и блистающем хромом кресле: закинув руки за голову и забросив ноги на рабочую стойку. Точно такое же кресло пустовало рядом, а сама стойка была длинной, от стены до стены. И на ней располагалось все, что обычно располагается на подобных стойках во всех других парикмахерских. Но имелся и эксклюзив: кошки. Их было много (несколько десятков уж точно), и все они – в той или иной степени – являлись копией друг друга. Разница заключалась лишь в цвете, размере и интенсивности колебательных движений поднятой лапы. Иногда правой, но чаще – левой. Не все лапы покачивались, некоторые были просто задраны вверх, что напомнило Однолету знаменитое антифашистское приветствие «Рот Фронт! – Но пасаран!».

Неизвестно, были ли кошки антифашистами, но они точно были азиатами: китайцами или японцами. И по поверью приносили деньги и удачу, и даже имели название. Вот только оно напрочь выветрилось из Пашиной головы.

– Добрый день, – сказал Паша.

– Вечер, – меланхолично поправил бородач в кресле, так и не удосужившись не только повернуться к Однолету, но и поменять позу.

Так они и смотрели друг на друга через зеркало – Паша и бородач, парень лет тридцати. С идеальным черепом, идеальной стрижкой и лицом модели, рекламирующей линейку одежды и аксессуаров «Всё для яхтинга».

– Ну да, вечер.

– Если вам в «Булочную Вольчека», то это – следующая дверь.

– Не в булочную.

– Магазин «Ароматный мир» – через подъезд. Там сейчас скидки. Если покупаете две бутылки кальвадоса – третья в подарок.

– Как-то не тянет на кальвадос.

– Ага. «Суши-Вок»? – продолжил гадать бородач.

– Советуете?

– Не-а. Настоящие суши нужно есть в Японии. Или в Европе. В специализированных заведениях с обязательным этноперсоналом.

– Так у нас тоже есть... Специализированные. С этноперсоналом.

– Практика показывает, что наше этно весьма приблизительное. Подвержено странным фантазиям.

– Каким еще фантазиям?

– Роллы с беконом. Или там с колбасой. Это в какие ворота?

Начинаешь адаптировать национальную кухню к местным быдлоусловиям – считай, потерял ее навсегда. Фу.

Диалог с бородачом выглядел даже страннее, чем фантазии создателей псевдояпонского фастфуда, и Паша все не мог сообразить, как на него реагировать.

– Может, вам аптека нужна?

– Это вряд ли. – Однолет с сомнением покачал головой. А затем, неожиданно для себя, ляпнул: – А цветы поблизости продаются?

– Само собой. 24 часа. Сейчас выходите и идете в сторону метро. Зеленая вывеска, красная дверь. Метров сто отсюда.

– Вообще-то, я к вам.

– Да ну? – искренне удивился бородач.

– Это ведь «Серпико», э-э... барбершоп?

– Что-то вроде.

– Хотелось бы бороду в порядок привести. Слегка. Это возможно?

– В принципе да.

Энтузиазма в голосе салонного яхтсмена не наблюдалось, что тоже было странным.

– Собственно говоря, мы только открылись.

– Я понял.

– Даже вывеску нормальную не успели прикопатить. А вы откуда про нас узнали?

Паша сунул руку во внутренний карман куртки, вытащил оттуда рекламный листок и помахал им в воздухе.

– Вот.

– А, точно.

– Десятипроцентная скидка предъявителю...

– Я помню текст.

– Так что?

– Поправим вашу бороду, раз пришли. – Бородач наконец снял ноги со стойки. – Куда деваться.

– Станный у вас сервис. Не боретесь за клиентуру?

– Только этим и занимаемся. Раздевайтесь. Вешалка в углу.

Так и не оглянувшись на Пашу, бородач выбросил правую руку вверх и чуть назад. Жест, почти полностью повторяющий благодушное помахивание кошачьих лап. Проследив взглядом за рукой Бородача, Однолет наткнулся на рогатину, где уже висели кожаная короткая куртка, безрукавка цвета хаки и бушлат.

– Любопытные у вас котики, – сказал Паша, не сводя глаз с бушлата. –

На удачу?

– И процветание. Угу.

– Судя по количеству... м-м-м... особей, гребете деньги лопатой?

– Экскаватором. Буся! Бууууссь!

Бородач явно кого-то призывал, при этом его баритон неожиданно съехал на фальцет – кокетливый и склочный одновременно. Под аккомпанемент фальцета Паша вплотную придвинулся к рогатине и принялся снимать с себя куртку. Эта процедура заняла чуть больше времени, чем следовало: все из-за того, что он пытался рассмотреть бушлат на предмет (чем черт не шутит!) отсутствия пуговицы. Но черт сегодня был совсем не склонен шутить: все пуговицы на бушлате оказались на месте. Более того, ничего общего с экземпляром, найденным Однолетом в метро, они не имели: не бронза, а черный металл. И вместо якоря там красовался медальный профиль какого-то мужика, по иронии судьбы – такого же бородатого, как Аль Пачино и яхтсмен-надомник. Да и сам бушлат вовсе не был форменным, совпадал только цвет. И мягкий кашемир, из которого он был сшит, не имел ничего общего с грубым флотским сукном.

– Буся, мать твою! – снова воззвал Бородач.

Спустя секунду в дальней части салона приоткрылась дверь, и на пороге возник еще один бородач с чашкой в руке и телефоном, прижатым к уху. От первого бородача его отличала масть (платиновый блонд vs конский каштан) и татуировки на подкачанных руках. Линейка одежды и аксессуаров – «Всё для тревелинга. Жизнь в постоянном путешествии».

– Перезвоню, – бросил невидимому собеседнику Буся и отключился.

– Кто? – с подозрением в голосе спросил яхтсмен.

– Не то, что ты подумал.

– Кто?

– О господи, Буся! Ну, Курепин, ну? Щенка нам привезут послезавтра.

Успокоился?

– Правда?

– А когда я врал, Буся?

– Случалось, Буся.

Теперь платиновый блонд и конский каштан почти ворковали, перебрасывая друг другу нелепое «Буся», как шарик от пинг-понга. И Паша наконец-то сообразил, что это – прозвище, домашняя кличка вроде «зайчика» или «котенка», какую еще живность выпускают из вольеров связанные отношениями люди?

Отношениями. Гм-м...

– У нас клиент, – сообщил первый бородач. Таким тоном, как будто

представлял Пашу своему приятелю на светском рауте.

– Это я, – робко подтвердил Однолет.

– Собрался приводить в порядок свою щетку.

– Метлу, – поправил второй бородач, внимательно разглядывая Пашу, который не торопился отлипнуть от вешалки. – Дворницкую. Все очень запущено.

– Не то слово! – поддакнул первый.

– Кофе?

– Это вы мне? – Паша перевел взгляд на чашку в руках платинового блонда. – Спасибо, конечно... Но...

– Этот кофе – мой. Вам приготовят отдельно. Входит в прайс.

– Хотелось бы ознакомиться... с прайсом.

Паша мысленно представил содержимое своего потрепанного кошелька: две тысячных купюры, две пятихатки и несколько смятых сотенных. Есть еще банковская карта примерно с такой же суммой. Неизвестно, как на метлу, а на щетку должно хватить. Все-таки не центр города, а революционная окраина, плюс десятипроцентная скидка...

– Прайс – щадящий, – заверил Однолета блонд.

– Ну, тогда...

– Присаживайтесь.

Через десять секунд Паша уже ерзал в кресле, а еще через секунду блонд набросил на него накидку – темно-графитовую, в цвет стен. В зеркале отразилась буквенная часть логотипа, которую, после определенных усилий, опер классифицировал как «СЕРПИКО».

– Занятное название.

– Раньше его не слышали?

– Нет. – Застегнутая на липучки накидка слегка поддавливала шею, и Однолету приходилось сипеть.

– Так называется один мощный фильм...

– С Аль Пачино, – осенило Пашу.

– Да. Полицейская драма о том, как белые вороны меняют мир.

– И как? Удалось изменить?

– Белым воронам иногда везет. Так что делайте выводы.

За последующие сорок минут Однолет узнал, что Бусю-блондина зовут Макс, а Бусю-шатена – Алекс; что последние полгода они стояли в очереди за щенком хаски и даже успели придумать ему имя.

Серпико, как и следовало ожидать.

Собачья порода и имя для щенка оказались единственной вещью, не вызывавшей у Макса и Алекса разногласий. Они обсудили три сериала, о

которых имели диаметрально противоположные мнения; таинственного Курепина, таинственную Зазу Наполи, *старую пидовку КаТэ*, еще более таинственную, чем все остальные; грядущее католическое Рождество (Макс склонялся к мысли о поездке в Рейкьявик, а Алекс настаивал на Гоа), реставрацию Новой Голландии (Максу она понравилась, а Алексу – категорически нет), а также «фестивали, конкурсы, концерты». И все то, что нравилось Алексу, отвергалось Максом. И наоборот:

Ну, Бу-у-усь, это же хернина полная, согласиись!

Неясно, что ли, что все это – говнятина, Бу-у-усь!

Даже обсуждение однолетовской бороды переросло в склоку, закончившуюся сакраментальным «жопе слова не давали!». Это сакраментальное Макс бросил Алексу и был, в общем-то, прав: стриг Пашу именно он, а Алекс всего лишь отвечал за кофе. И за *конфетки с печеньками*. И конфетки, и особенно печеньки оказались кстати: рыская в поисках нужного видео, Паша не жрал с самого утра. От ни на минуту не замолкавших геев (оба Буси были классическими геями, тут и к гадалке не ходи!) у опера Однолета разболелась голова, и он даже подумывал о том, чтобы вытащить свое суровое и беспощадное удостоверение. И сунуть его в холеные гомофизиономии. И посмотреть на реакцию. Но поначалу сделать это мешала накидка, спеленавшая Пашин торс. А потом... потом он решил «не высекать», как сказал бы капитан Вяткин. И просто сидел и искоса посматривал в зеркало: *что-то безумный Макс еще придумает с моей бородой?*

У Макса оказалась мастеровитая и твердая рука. И несомненный талант стилиста. Борода Однолета, до сих пор служившая бессмысленной ширмой его – таким же бессмысленным – губам, неожиданно приобрела самостоятельную ценность. Теперь ее сложная и прихотливая структура (три пары ножниц, машинка для стрижки, жгуты и нити) подчеркивала выигрышные черты и умело маскировала провальные.

Не Тор, само собой, но викинг из третьей сотни – точно.

– Морда у вас, конечно, как башмак, – сообщил Паше перфекционист Макс. – Но тут уж ничего не поделаешь. Могу нанести маску в качестве временной меры. Синяя глина, минералы, перчик халапеньо. Делу это вряд ли поможет...

«Перчик халапеньо» в гейских устах прозвучал более чем двусмысленно.

– Не надо маску. – Однолет вцепился в подлокотники и инстинктивно вжался в кресло. – По-моему, все и так очень хорошо...

– Действительно, Буся. – Алекс решил поддержать Пашу. – Не

навязывая человеку дополнительные услуги. Еще обвинят в гейпропаганде. А все должно быть по обоюдному согласию, правда?

Шатен подмигнул Однолету и расхохотался.

– У меня девушка есть.

Зачем Паша сказал об этом? Геев не интересуют девушки, и уж тем более – девушка залетного клиента, которого они видят в первый и последний раз.

– Бедняга, – теперь уже захохотал Макс.

– Наши соболезнования, – поддержал его Алекс.

В общем и целом два брата-акробата были миляги. И парный конференс им удавался, и их нарочитое хамство не выглядело оскорбительным, скорее – веселым и безобидным. А еще они были хорошими психологами: сразу вычислили, что Паша – интеллигентный человек, миролюбивый, и у него и в мыслях нет к ним прикопаться. Окажись на его месте гопник, футбольный ультрас или член уличной группировки «Коловрат» – поведение обоих Бусь было бы совсем другим. *Миляги, да*, и совсем не то имели в виду, когда выражали свое шутовское соболезнование. Но – совершенно случайно! – они попали Однолету прямоком в солнечное сплетение. Туда, где торчала рукоять ножа. Паша Однолет по-настоящему скорбел о Сандре. Как и когда ее смерть стала его личной потерей – неизвестно, но сейчас он ощутил настоящую горечь.

С привкусом металла и крови во рту, – никакими печенками не заешь.

– Она скрипачка, – сказал Паша. – Живет здесь неподалеку.

Улыбки на лицах Макса и Алекса засверкали, затрепетали – как рыбы плавники на прошитом солнцем мелководье.

– Ага, – промурлыкал Макс. – Интересно.

– Очень, – поддакнул Алекс. – Как тесен мир. Правда, Бусь?

– Не то слово, Бусь.

– У нас тоже есть знакомая скрипачка. И тоже живет поблизости.

«Поблизости» и «неподалеку» – слова-синонимы, не так уж много скрипачек сыщется на маленьком пяточке в спальном районе Петербурга. Если вычесть музыкальные школы для детей, разумеется. И самоучек, терзающих инструмент назло соседям. Не исключено, что и Паша, и Макс с Алексом имели в виду одного и того же человека. Выяснить это можно было в течение минуты: во внутреннем кармане однолетовской куртки лежала посмертная фотография Сандры. Предъяви он ее – и все сразу станет на свои места. И если окажется, что Макс и Алекс знакомы с девушкой, они – с вероятностью девятидесяти девяти процентов – назовут ее настоящее имя. И наверняка сообщат подробности, способные пролить

свет на ее личность.

Девушки любят геев и делятся с ними своими секретиками.

Об этом Паше поведала Бо в тот единственный вечер, когда была его герлфренд. Непонятно, почему вообще в разговоре с Бо всплыла подобная тема. Ага. Бо жаловалась на парней, какие они нечуткие и как неспособны понять.

– Понять что? – удивился Паша.

– Что угодно.

– Может быть, с ними нужно просто поговорить?

– Это не поможет.

– А если поговорить подольше?

Парни не умеют говорить долго, не любят. Парни озабочены эрекцией и доминированием, а еще проблемой самореализации (опять же, понимаемой как доминирование) и проблемой больших денег. Для таких случаев, чтобы девушки не чувствовали себя совсем уж неудобно, природа и придумала геев. Безотказные жилетки и великих утешителей, которым не нужно от девушек ничего.

Одно лишь вечное сияние чистого разума.

Черт его знает, что за дикие мысли посещали Бо. *В голове насрано*, – как сказал бы капитан Вяткин, тогда еще незнакомый курсанту Однолету.

Опер Однолет мог вытащить фотографию из кармана в любой момент, но почему-то не торопился этого делать. Если бы он не стриг проклятую бороду, не пил кофе и не жрал в три горла печеньки, вполуха слушая щебет Бусь... Если бы он просто вошел в «олдскульный барбершоп» и сунул владельцам удостоверение – это было бы честно и правильно. А главное, профессионально. В стиле капитана Вяткина. Но оставшийся без присмотра и твердой руки Паша избрал линию поведения Сергея Валентиновича Брагина – притворщика и лицедея, каких мало; друга всех свидетелей, змея подколодного и двойного агента.

Избрал – вот и мучайся.

– Стрижка у нее классная.

– У вашей девушки? – уточнил Алекс.

– Ага. Такой... беспорядок на голове. Мне очень нравится.

– Шэг, – снова разулыбался Макс, уставившись Паше куда-то в переносицу.

– Не понял...

– Такая стрижка называется «шэг». Стилизованная под беспорядок. Может быть и не стрижкой, поскольку делается на волосах разной длины. Но беспорядок и небрежность – главное условие.

– Вы и такие делаете?

– Я стригу мужчин.

Это ничего не значит. Мужчин можно стричь, с ними даже можно спать, бр-ррр... но и женщин не стоит сбрасывать со счетов. Что, если Макс и Алекс – знакомые Сандры? И не просто знакомые. Что, если они знают ее *секретик*? Не факт, что это именно тот секретик, который привел ее к смерти. А может, и факт, но это только осложняет дело. Хорошо. Допустим, факт. И достань Паша фотографию мертвой девушки, сунь ее Бусям, – какой будет реакция?

Непредсказуемой.

Макс и Алекс могут рассказать то, что знают. А могут и не рассказать, отморозиться, – не были, не состояли, не участвовали. И тогда уж точно Паша не узнает ничего. Но вариантов нет, вернее, он только один: сунуть барбершоперам фото под нос, а затем пришить корочками. Именно в такой последовательности. Вот и кошки – китайские или японские! – не просто машут лапами. А вполне осмысленно: *давай, Паша-сан, возвращайся к служебным обязанностям. И помни, что говорил в подобных случаях капитан Вяткин: если не знаешь, как поступить, поступай как мент поганый.*

– Сколько я должен? – Однолет попытался придать своему голосу беспечность.

– Три тысячи. Со скидкой – две семьсот.

– По-моему, здорово получилось.

– Вашей девушке должно понравиться.

– Надеюсь, понравится.

– Значит, о нас вы узнали...

– Из листовки, Бусь, – вклинился в разговор Алекс.

– А это важно? – Паша почувствовал себя стоящим на скользком камне посреди озера, чье дно густо покрыто илом, оттого и определить глубину невозможно. – Моя девушка мне ее и принесла.

– Скрипачка, – уточнил Макс.

– Да.

– Мы таким образом отрабатываем маркетинг.

– И таргетирование, – добавил Алекс. – Была еще реклама в интернете. И в соцсетях. Так что подписывайтесь на нас. В Инстаграме тоже.

– Порекомендую вас знакомым, – подытожил опер Однолет. – А девушка... Вот она.

Через секунду фотография оказалась в Пашиных руках, после чего он поболтал ею перед лицом Макса.

– Ну да, – тут же согласился Макс, мельком бросив взгляд на фото. – Знакомое лицо. Значит, вы ее парень?

– А что?

– Ума не приложу, чем это вы ее зацепили. Просто интересно. Да.

Улыбка, вскарабкавшаяся на лицо Макса, была призвана не то чтобы поддразнить Однолета, – уязвить его. Мол, куда тебе с суконным рылом, чувачок, да в калашный ряд. А потом что-то произошло, и улыбка трансформировалась. И выглядела теперь примерно так же, как временная вывеска над дверью «олдскульного барбершопа»: жалкое подобие вывески настоящей, и брезентовые концы хлопают на ветру.

– Она... Она мертвая! Она мертвая, Бусь!

Эта фраза несомненно относилась к фотографии. Посмертному изображению Сандры, потому что прижизненных у Однолета не было и быть не могло. Но в самом фото не наблюдалось ничего отталкивающего, ничего вопиющего, что обычно сопутствует криминальным снимкам с места преступления. Напротив, можно было подумать, что Сандра спит и видит сны... Если бы не струйка запекшейся крови в уголке рта.

Видимо, именно эта – невыносимая для среднестатистического обывателя – деталь и вызвала такую реакцию. *Непредсказуемую*, как и предполагал Однолет. Чрезмерную. Потому что волосы на голове Макса натурально встали дыбом, и борода тоже вздыбилась. И глаза были готовы вот-вот выскочить из орбит. Не менее жалкое зрелище представлял и Алекс. С той лишь разницей, что Алексов волосяной покров не пошел вразнос, а свернулся и скукожился. А вместо глаз немедленно образовались небольшие кратеры, – так глубоко они запали. В другое время Однолет с интересом бы понаблюдал, какие невероятные метаморфозы проделывает с человеком страх, но сейчас действовать нужно незамедлительно. Пока Макс и Алекс не пришли в себя. И Паша лихим, почти киношным жестом вытащил удостоверение и сунул его под нос деморализованным Бусям.

– Думаю, что зацепил вот этим, – потрясая корочками, процедил он. – Лейтенант Однолет, уголовный розыск. А теперь быстро. Что знаете о девушке. С чувством, с толком, с расстановкой.

– Ничего... особенного, – проблеял Макс. – Просто виделись несколько раз.

– Здесь?

– Здесь и... В кафе.

– «Жар-пицца»?

– Нет. Вольчек. Кондитерская. Соседняя дверь. Только с другой стороны. Эта встреча... Она случайная. Мы как раз за вкусняшками зашли,

а она пила там кофе.

Вздых у Макса вышел горестным, и лицо болезненно сморщилось, но не потому, что ему было жаль девушку. Скорее, это относилось к соседней двери. И собственно к «Серпико». Макс сожалел о том, что когда-то пересекся с Сандрой, позволил себе вступить с ней в контакт. И теперь струйка крови на фотографии угрожала его обычной, сдобренной дорогим парфюмом, безмятежности, – выпутывайся, пыль глотай, объясняй, что ты не верблюд!

С некоторыми женщинами одни проблемы, да.

– Как ее зовут?

– Э? Как ее зовут? – Макс переадресовал вопрос Алексу. – Ты не помнишь, Бусь?

– Ну, ты даешь, Бусь. Мы и не знали никогда, как ее зовут.

– Точно.

– Интересно получается. Вы не знаете ее имени, но при этом знаете, что она – скрипачка. И живет где-то рядом.

– Если вы соседи, то иногда встречаетесь, – пояснил Алекс. – Вот и мы встречались. На улице, когда мимо проходила. В кафешке опять же один раз. Естественно, как вежливый чел здороваешься. То-сё.

– Что именно?

– Не понял?

– Что именно – «то-сё»?

– Погода там... хорошая или нет. Или – «выглядишь шикардос, беби». И поцелуй. Воздушный. – Алекс даже изобразил этот воздушный поцелуй: приложил два пальца к губам и тотчас же отнял их.

– А про скрипачку откуда сведения?

– Так она в кафе со скрипкой и сидела, – сказал Макс.

– Ты еще спросил у нее... – начал было Алекс, но тут же осекся, заметив испепеляющий взгляд приятеля. – А может, и не спрашивал...

– Так о чем спросили?

Паша картинно повернулся в сторону Макса и столь же картинно поскреб подмышку, а уж что там у него под мышкой... Очевидно, трусоватый парикмахер вообразил себе десятизарядный кольт в кобуре. Оттого и произнес едва ли не скороговоркой:

– Где купить билет на ваши выступления? На выступления той девушки в смысле. И что я мечтал бы побывать. Вот и все.

– А она?

– Засмеялась. Сказала, что даст знать когда.

– А вы?

– А мы – вот. – Вклинившийся Алекс снова изобразил не лишенный жеманности воздушный поцелуй.

– И пошли за вкусняшками?

– Да.

– Когда это было?

– Месяц назад. Примерно так.

– Значит, в ноябре, – тут же прикинул Паша. – А когда видели ее в последний раз?

– Это, наверное, и был... Один из последних, – осторожно заметил Макс, скосив глаза на Алекса. – Так, Буся?

– Что-то вроде того, Буся.

– Ладно. В связи со скрипкой она ничего не упоминала? Консерваторию там... Оркестр какой-нибудь?

– Не упоминала. Она вообще почти не разговаривала. Привет-пока. Улыбалась иногда при встрече. Это всё.

– Кто-нибудь ее сопровождал?

– Куда? – не понял Алекс.

– Э-э... Обычно она была одна или со спутниками?

– Спутники типа вас? – снова вклинился Макс.

Парень, имеющий виды на девушку-скрипачку. Именно так изначально представился Паша, и Макс этого не забыл. Да и зачем ему забывать, как «лейтенант Однолет, уголовный розыск» накосячил с дешевым театральным представлением?

– Вообще спутники. Любые. Мужчины, женщины, дети. Собаки, кошки. Возможно – ручная ящерица. Игуана.

– Ничего похожего, – сказал Алекс.

– Ничего, – подтвердил Макс. – Только скрипка, и то – один раз. В кафе... когда мы ее видели, она тоже была одна.

Нужно признать, что на вопросы Буси отвечали довольно толково, без излишних нервов и метаний. И вообще, они как-то разом успокоились, физиономии их разгладились, бороды и прически снова улеглись волосок к волоску. Первый шок прошел, да и сам Паша Однолет оказался не inferнальным людоедским злом на манер доктора Лектора (еще бы – успел постричься, прикинувшись простачком, а потом та-а-кое выкатил с особым цинизмом!).

Не злом – представителем закона.

– Четырнадцатого декабря, между четырнадцатью и шестнадцатью часами. – Однолет на секунду задумался. – Плюс-минус час... Не общались с этой девушкой?

– Это два дня назад получается? – уточнил Макс. – Нет.

– Нас вообще здесь не было целый день, – подтвердил Алекс. – Мы в Сертолово ездили, к собачке.

– Не понял? – удивился Паша. – К какой еще собачке?

– Мы же щенка берем. – В голосе Макса послышалось воодушевление, он даже губами причмокнул. – Вот и скатались к Курепину, в его питомник. Выбрать симпампулечку. Познакомиться.

Щенок хаски, точно. Буси говорили об этом еще тогда, когда борода Однолота смахивала на метлу. Так что заподозрить их в синхронном вранье было нельзя. Да и врать смысла нет. При нынешних средствах связи и наблюдения любая GPS-ложь мгновенно вылезет наружу. Как и любая другая пространственно-временная ложь.

– Мы даже фотки сделали, – разудыбался Алекс. – Нашей няшечки. Хотите посмотреть?

– Обойдусь.

– А с ней что произошло?

Паша не сразу сообразил, что речь идет о Сандре.

– С девушкой. – Макс заранее сморщил нос и округлил глаза. – Несчастный случай?

– Убийство.

Всё тот же горестный вздох: *с некоторыми женщинами одни проблемы*. А главная состоит в том, что они спят и видят, как бы разрушить благостный мир отдельно взятого барбершопа. Живые они при этом или мертвые – без разницы.

– Бедняжка. А что именно произошл... – Предложение Алекс так и не закончил. Из-за предостерегающе поднятой руки Макса.

– Ну зачем тебе кровавые подробности, Буся? Ты и так без новопассита не засыпаешь. Они же кровавые, да?

– Девушку нашли убитой в рейсовом автобусе, – отчеканил Однолет. – Автобус № 191. Остановка как раз напротив вашего салона.

– Жесть какая! Бр-ррр! Ни за что теперь в него не сяду, в этот ужасный автобус! – запричитал Алекс.

– Что-то я припомнить не могу, когда ты последний раз на общественном транспорте катался, – тут же уличил бойфренда Макс. И, помолчав, добавил: – А вообще – бедняжка, конечно. Такая милая.

– Просто шикардос.

Бражники

...Нож.

Все это время Д. думал о ноже – как тот подвел его. И подвел Девушку. То есть поначалу не было вообще никаких мыслей, только темнота. Не обычная, к которой Д. привык с детства (теплая, бархатная темнота южной ночи), – совсем другая. О тепле и речи быть не может, свинцовые волны смыкаются над головой. Свинцовые ветра. И где-то там, над ветрами, летают бражники – проклятие и благословение его детства. Олеандровый, винный, молочайный, сиреневый, подмаренниковый, а еще вьюнковый и глазчатый, и бражник-нетопырь, и, наконец, *Мертвая голова*.

Царь царей.

Бражники – бабочки преимущественно ночные, но и дневного света не особенно боятся, что выгодно отличает их от вампиров и прочей нечисти. И они красивые – что тоже отличает. Так Д. всегда и думал о бражниках – *красавцы!* С мощным телом и мощной парой верхних крыльев (нижние – мелкие и какие-то недоразвитые, что есть – то есть). А еще они присыпаны пылью, густо-густо: таким толстым слоем обычно кладут пудру на лицо стареющие женщины или актеры японского театра Кабуки. Этот японский театр – занятное зрелище, во всяком случае – на открытках. У Д. есть целый набор кабуки-открыток, купленный в маленьком магазинчике возле Московского вокзала. Магазинчик торгует книжной стариной. На обратной стороне каждой открытки указаны названия спектаклей, в которых заняты актеры. Это – смешные названия:

«Сибараку»

«Сукэроку»

«Наноцуомотэ».

И очень смешные названия:

«Осимо-доси»

«Футао-мотэ».

Прилипли к небу, как ириски из детства, – и не отлипают. А еще Д. иногда представляет себя одним из актеров. В каком-нибудь героическом эпосе вроде «Канадэхон Тюсингура», в действии номер девять, где никогда не кончается снег. И Д. точно знает, что Девушка при этом находится в зале и во все глаза смотрит на сцену и на него – человека, которого раньше не замечала толком. И думает: *Он талантливый*. Возможно даже: *Он герой*. И глаза ее увлажняются.

Театральный снег до места, где сидит Девушка, не долетает. Только реплики Д., исполненные мужества и жертвенной любви.

Он никак не может додумать мысль о жертвенной любви до конца – всё не хватает времени. Приносить в жертву себя или кого-то другого? Может быть, бражников? Открытки, купленные в магазинчике, набитом книжной стариной? Времени не хватает, его сжирает глупая, никому не нужная работа. Подёнщина, – кажется, так это называется; смешное слово, еще смешнее, чем *наноцуомотэ*.

Сейчас время вроде бы появилось. Осталось только найти его в темноте.

Если сжать живого бражника в пальцах – тот сразу же сбросит часть пыльцы. Захрустит, как трубочка с кремом из детства. Бражник и похож на маленькую трубочку с кремом, к которой приделали крылья.

Интересно, кому-нибудь из детей приходило в голову съесть такое необычное (на самом деле – вполне обыкновенное) лакомство? Ему, когда он был ребенком, – точно нет. Ему просто нравилось наблюдать за бражниками – как они порхают, разгоняя сумерки. И сейчас нравится.

Бражники разложены по специально склеенным для них коробочкам из плотного картона. Дно коробочек устлано прядями волос, тут и темные волосы, и светлые: в зависимости от масти обитателя коробочки. Подмаренниковый, вьюнковый и бражник-нетопырь хорошо смотрятся на темных волосах, молочайный и винный – на светлых. Предел мечтаний Д. – разжиться еще и рыжими, хотя бы парой локонов, но случая пока не предоставлялось.

Оттого олеандровый бражник и зябнет в ожидании. И Царь Царей зябнет.

Мертвая голова.

На самом деле предел его мечтаний – Девушка. И бражники это хорошо понимают. И открыточные актеры театра Кабуки – тоже. И если они и сердятся и ревнуют – то самую малость. Нож – другое дело; ни жалости, ни сострадания нож не знает, взял и подвел Д. А ведь рукоять ножа знакома ему в мельчайших подробностях – так сильно ее сходство с куколкой любого из бражников, которые никому не причиняют зла.

Д. и сам теперь куколка.

Сколько это продлится и что вылупится в финале – неизвестно.

Кто встретит Д. на границе сумерек и темноты – неизвестно. Известно лишь, что с неба и его окрестностей будет падать снег. Падать, сыпать, идти, валить без продыху. Потому что снег никогда не кончается.

...Если верить Бусям, Сандра обитала где-то поблизости. Поэтому и встреча с ней на улице выглядела совершенно естественной, а не из серии «интересно, что забыла девушка в этих долбнях». Так что, выкатившись из «Серпико», Паша направил свои стопы в «Вольчек» (соседняя дверь), где получил безрадостную, хотя и ожидаемую информацию о том, что клиентов множество и всех не упомнишь. Предъявленная персоналу фотография дела не поправила. В остальных забегаловках, магазинчиках и лавках повторилась та же история: не видели, не заходила, *а-а-а... возможно, покупала сигареты, но не факт*. Покончив с местами массового паломничества потребителя, Однолет переключился непосредственно на жилой массив.

На ближайшем к Бусям подъезде таблетка не сработала, и на следующем тоже. Зато в третьем по счету (кв. №№ 1466–1585) замок коротко запищал от радости узнавания. И спустя секунду Однолет оказался в еще пахнущем новенькой отделкой вестибюле. На левую стену было навешано больше сотни одинаковых почтовых ящиков, правую оккупировали лифты. Один широкий – грузовой и два поуже, пассажирских. Также имелись дверь на черную лестницу и небольшое окошко. Окошко выходило в предбанник подъезда, откуда Паша только что просочился в вестибюль.

Присев на низкий подоконник, Однолет задумался. Ему несказанно повезло с подъездной дверью – и это была компенсация за бездарно проведенный день. По опыту он знал: двух одинаковых кодовых замков не бывает, значит, Сандра вышла именно отсюда. Или, во всяком случае, могла появиться здесь в любое время. Еще заходя в подъезд, он заметил видеокамеру – возможно, она подтвердит уход девушки, но особо надеяться на это не стоит. Во-первых, все случилось несколько дней назад, а умельцы при таких камерах – совсем не стайеры и обновляют записи едва ли не каждые сутки. А иногда и вовсе отключают видеообзор: висит приبلуда для красоты и номинального поддержания порядка – и пес с ней.

Сто двадцать почтовых ящиков. Сто двадцать квартир. И только в одной из них могла проживать или просто оказаться Сандра. Сто двадцать к одному – не самый удачный расклад, но и не иголка в стоге сена. По меньшей мере – ножницы. Одни из тех, которыми кудесник Макс стриг Пашину бороду – филировочные, или как там они называются? Ножницы в

стоге сена – не так уж страшно, если правильно спланировать поисковую операцию. Самый простой вариант (к нему склонился бы капитан Вяткин, начинавший карьеру простым участковым) – поквартирный обход. Подробная и обстоятельная беседа с жильцами. За свое недолгое пребывание в органах Паша успел поучаствовать в нескольких подобных обходах.

Редкостная мутотень.

В старых домах – еще куда ни шло: там люди хотя бы знают друг друга в лицо, встречаются на лестницах, иногда выпивают вместе, празднуют Новый год и день Военно-морского флота; следят за животными и растениями, если кто-то из жильцов уехал в отпуск, – по-соседски. Паша Однолет сам проживал в таком доме на набережной реки Карповки, в большой коммунальной квартире (пятнадцатиметровая комната в ней досталась оперу от двоюродной бабки).

Новые дома – совсем другое дело. Особенно такие муравейники, как этот, – с бесчисленным количеством подъездов и квартир в них. И то, что первый этаж – нежилой, не имеет никакого значения. Зато остальные набиты под завязку. Здесь можно годами жить, ни с кем не сталкиваясь нос к носу. И каждый раз заходить в лифт с совершенно разными людьми. Так что, поквартирный обход – пустая трата времени. Да и беспокоить людей в...

Интересно, который сейчас час?

Паша отогнул рукав куртки и взглянул на часы («Командирские», со звездочкой вместо цифры 12, подарок матери на окончание школы МВД) – 20.57.

Не самый поздний вечер. Все, кто работает, уже успели вернуться домой, но вряд ли отправились на боковую. Так что звонок в домофон не будет криминалом. В крайнем случае некие бесплотные тени пошлют такую же бесплотную тень. Кем бы она ни представилась: курьером, разносчиком неаутентичных пиццы или роллов (привет тебе, каштановый Буся!), службой доставки орхидей. В случае опера Однолета это не важно в принципе.

Важны те, кто не отзовется.

Пашин план был прост, обстоятелен и не слишком изыщен: как раз для тех, кто ищет ножницы в стоге сена. Может сработать, а может – нет. Скорее всего – нет, но попытаться стоит.

Паша достал небольшой, но уже изрядно потрепанный блокнот. Или, скорее, книжку для записей в кожаном переплете, – заведенную когда-то в подражание капитану Вяткину, ненавидевшему современный мир

гаджетов. Похожие блокноты были еще у одного человека – судмедэксперта Пасхавера, но те отличались бóльшим размером и щеголеватостью: бусины там всякие, подвески, специальный японский карандаш. А у Вяткина (и Паши заодно) – блокноты обычные, копеечные. Самые, что ни на есть, рабочие лошадки. Не для понта, а для смысла.

Открыв блокнот, Однолет аккуратно переписал номера квартир, а затем вышел в предбанник к домофону и набрал на пульте первую в списке квартиру – 1466.

Минут через сорок всё было кончено.

За это время Паша успел пропустить в подъезд многодетную семью (по виду похожую на цыганскую), мужика с собакой породы джек-рассел-терьер, мужика с цветами; компашку юнцов с пивом, компашку таджиков; парочку, груженную пакетами из гипермаркета «Карусель». Никто, кроме самого младшего из цыганской семьи, не обратил на Однолета никакого внимания.

– Чего тут? – спросил младший, цыганенок лет двенадцати.

– Ничего.

– Закурить есть?

– Проплывай.

– Кало шеро!^[5]

Цыганенок презрительно сплюнул на пол и скрылся в подъезде. Чтобы через секунду возникнуть в окошке и сунуть Паше «фак», что еще за *калошеро* такое?

Слово привязалось к Однолету, и он почти пропевал его про себя, пока ставил галочки напротив номеров квартир, где отзывались на его домофонный призыв. Их оказалось почти сотня – против двадцати не откликнувшихся. С ними и придется работать.

Паша снова вернулся в теплый подъезд, вызвал лифт и, оказавшись в нем, нажал кнопку самого верхнего – двадцать пятого – этажа. Парадигма поиска, сформировавшаяся в сознании опера, была простой и стремной одновременно. Подходим к искомой двери, для подстраховки прислушиваемся к звукам внутри и, если звуков не наблюдается, суем один из двух ключей в замочную скважину. И – проворачиваем. О том, что будет дальше, Паша не задумывался. Что будет – то и будет, *война – херня, главное – маневры*.

Рейд по этажам – с двадцать пятого по четырнадцатый – никаких результатов не принес: за дверями безответных квартир бурлила жизнь, что-то крякало, звякало, пело и лепетало телевизионными голосами. К двум «тихим» квартирам ключи Сандры не подошли.

О чем он думал, когда спустился на тринадцатый? О том, что не суеверен. И о том, что это – дурацкая затея, и Брагин с Вяткиным высмеяли бы его, а Брагин еще и уел бы за непрофессионализм, в своей обычной полуиронической манере. Не должен законник копаться в чужих замках без соответствующего постановления, *это, знаешь ли, смердит*, – как сказал бы капитан Вяткин. На тринадцатом этаже не смердело. И ничем особенным не пахло.

Почти.

У входа в общий предбанник, куда выходили двери пяти квартир, стояло несколько составленных друг на друга коробок, а в самом предбаннике – велосипедная рама с рулем, но без колес. Рама была увита старой елочной электрогирляндой.

«Остаться на НГ в Питере или нагрянуть к матери в Костомукшу? Сюрпризом, тридцать первого, прямиком под елку, к салату оливье?» – подумал Паша, глядя на гирлянду. Успел подумать прежде, чем его ноздрей коснулся запах. Слабо выраженный и где-то даже приятный. Да нет, он и был приятным, чуть сладковатым, похожим на шлейф от духов. Молодая девушка вряд ли на такие польстится, а вот женщина в летах – очень даже. Пашина мать, к примеру. Косметику она терпеть не может, и не красилась никогда, и губы не подводила, а вот духи – ее слабость. Любые, но обязательно сладкие.

Эти бы ей понравились.

Сопровождаемый запахом, Паша приблизился к квартире номер 1523, возле которой в его блокноте стоял вопрос. И приложил ухо к двери.

От дверного проема тянуло холодом, как если бы где-то в квартире было открыто окно. И никаких посторонних звуков, полная тишина. Запах мгновенно улетучился, да Паша и забыл о нем – тоже мгновенно. А все потому, что ключ подошел. Не тот, что подлиннее, с затейливой рифленой бородкой, а обычный, от английского замка. Ключ провернулся в замке на пол-оборота, что могло означать только одно: дверь просто захлопнули, заходя в квартиру или выходя из нее.

Прежде, чем толкнуть дверь, Паша осмотрелся: ни души, велосипедная рама, гирлянда, шум работающего лифта за стеной. Вдруг остановится здесь, на этаже?

Но лифт проехал мимо, а опер Однолет наконец вошел в квартиру номер 1523.

Это была однокомнатная квартира. С совсем маленькой прихожей и кухней напротив входной двери. Шторы на кухонное окно повесить не догадались, так что теперь в нем маячило множество других окон –

светящихся, принадлежащих соседним корпусам. А здесь, в квартире, было темно, и Паша постоял пару минут, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Толком они не привыкли, но уже можно было различить несколько дверей по бокам. Та, что справа, вела в комнату и казалась плотно прикрытой, и именно из-за нее проникал в прихожую холодный воздух.

Вышла на улицу, а окно закрыть забыла, растяпа, – с какой-то неуместной нежностью подумал о Сандре Однолет. И, нащупав выключатель на стене, щелкнул им, – в прихожей загорелся свет. Она и впрямь была пустой, если не считать куртки, одиноко висящей на одиноком крючке. Куртка сразу испортила Паше настроение: дорогая, кожаная, мягкая даже на вид, – и мужская.

Обуви не было никакой, даже домашних тапочек-унисекс. И Паша успокоился. Почему-то.

Ванная и туалет слева по борту, к ним он вернется позднее. Теперь кухня. Так.

Кухонный гарнитур из Икеи (квартиры в таких домах всегда набивают Икеей) – почти стерильный, ни единого предмета на поверхности, если не считать кофемашины с логотипом «Bosch». Запредельно дорогой, судя по космическому дизайну. Холодильник тоже выглядел вернувшимся из космоса. Вернее, из тех слоев атмосферы, где зарплата оторвавшихся от грешной земли астронавтов исчисляется цифрой с шестью нулями. Аэрография на дверцах (холодильник открывался как обычный двустворчатый шкаф) воспроизводила страницу какого-то комикса. Мрачного и захватывающего одновременно. Люди с птичьими головами, пёсьими; люди, занесенные песком и опутанные проводами. И опутанные друг другом, потому что постельная сцена тоже присутствовала. И скафандры, и гермошлемы, и кошки, смахивающие на маленьких пантер.

Много-много кошек.

Пять. Или семь. Но могут появиться и новые, от этого комикса всего можно ожидать.

Паша не удержался и даже заснял *веселые картинки* на смартфон. Стараясь, чтобы в кадр не попали коробки из-под пиццы, пять коробок. Или семь. Они валялись прямо на полу, возле холодильника, чем нарушали идеальный облик кухни. Где, судя по всему, не было приготовлено ни одного блюда, а стол и стулья отсутствовали. Паша сунулся в холодильник и обнаружил там упаковку пива, упаковку минеральной воды «Сан-Пеллегрينو» и гранат величиной с голову младенца. Ну, или кошачью, – совсем как в комиксе.

Всё.

Имеет ли право оперативный работник на бутылку минералки? А лучше – пива? В данных конкретных обстоятельствах – нет. Сглотнув слюну, Паша захлопнул дверцы холодильника и коснулся пальцами белого облачка над головой нарисованной девушки, чем-то похожей на Сандру.

EMBRASSE MOI

Это мысли? Слова? Что они означают?

Ничего хорошего для Паши Однолета, ничего вдохновляющего. Девушка сидит за спиной птицы, человека-птицы с хищной орлиной головой, и вовсе она не похожа на Сандру. Ловить нечего.

У двери в комнату снова возник сладковатый запах духов: вынырнул из Пашиной свежестриженной бороды и тут же зарылся обратно. А потом Паша потянул дверь на себя, сделал шаг вперед и застыл на пороге. И еще несколько секунд по инерции соображал, готов ли он был увидеть то, что увидел? Или это стало для него полной неожиданностью?

Не готов. Но и не такой уж полной.

Комната, как и кухня, была почти пустой. Пара плакатов на стенах, какая-то акустическая система на полу и постель. Если можно назвать постелью брошенный на пол высокий матрас, покрытый простыней. Были еще подушки. Две. На одной из них покоилась голова человека.

Человек оказался мертв.

И был полностью обнажен. А высокие, туго зашнурованные ботинки лишь подчеркивали его наготу. И немного скрашивали впечатление от малоприятной картины: голый, а в ботинках, нелепость какая-то, идиотская глупость. И сморщенный член – глупость и нелепость, и кубики на животе, и хорошо развитая линия плеч, и шапка волнистых, темных волос, украшенных десятком разноцветных жгутов из мулине – *расточек*.

Откуда Паша знает про расточки?

От Бо.

Бо плела расточки собственноручно, и – через полчаса после знакомства – предложила податливому, как воск, Однолету приобщиться к растаманской культуре, «чьим неотъемлемым элементом они являются». Ну и Боб Марли, разумеется. И марихуана.

Возможно, на Бо и Бобе они и выглядели органично, но только не на курсанте школы МВД, – о чем Паша и сообщил, слегка смущаясь.

– Ну, ты и зануда. Бескрылый тип, – сказала Бо. – А ведь это была бы крутая фича, поверь.

– Крутая – что? – переспросил Однолет.

– Фишка, ну. Ловишь маньяков, а у самого – расточки.

– Я не ловлю маньяков.

– Когда-нибудь начнешь, да?

– Может быть.

В виш-листе Павла Однолета напряженный психологический поединок с серийными убийцами прочно занимает первую позицию.

– Ну вот, расточки бы тебегодились. Они кого хочешь в заблуждение введут. Маньяки – не исключение. Они кто?

Павел Однолет может прочесть целую академическую лекцию на тему «Маньяки – кто они?», но хотелось бы послушать эксцентричную Бо.

– Кто?

– Те, кто так и не вырос. Кто не умеет защищаться.

Бо многозначительно закатывает глаза, понимай ее как хочешь: кто не умеет защищаться от зла внутри себя? Кто не умеет противостоять злу, идущему снаружи? Остается принять все его условия и просто плыть по течению. Картина максимально упрощена и в том, и в другом случае. И все равно, незрелые мысли Бо по поводу маньяков удивляют.

То, что Паша видел сейчас перед собой, – не дело рук серийного убийцы. Скорее, речь идет о профессиональном киллере. Два огнестрельных ранения: в грудь (в область сердца) и в голову (контрольный).

На вид жертве было около тридцати – молодой парень. Хорошо сложенный, но не перекачанный и какой-то компактный. Наверное, даже красивый, если абстрагироваться от дырки во лбу. Сколько он здесь пролежал – установят медэксперты, тот же Пасхавер; тягаться с ними рядовой полицейской ищейке – бессмысленно. Но это не мешает Паше сделать собственные выводы, предварительные.

Итак.

Дверь в остекленную лоджию распахнута настежь, окна в самой лоджии открыты, так что температура в комнате не слишком отличается от уличной: *околоноля*. Ночи вообще уходят в небольшой минус, и это не могло не повлиять на скорость разложения трупа.

В разумном удалении от батареи, на которой болтается пара наручников. Паша примерно представляет, *что это за наручники*, но сейчас дело не в них.

Присев на корточки в небольшом отдалении от тела, Однолет попытался представить картину произошедшего, но ничего, кроме «отсутствия следов борьбы», на ум не пришло. Будь в комнате побольше мебели, будь на парне одежда – можно было бы сказать определенно, а так

– видимых следов борьбы точно нет. Пасхавер разберется. Да, еще разобраться бы, что связывало «расточки» и Сандру, если уж парень оказался в ее квартире. Или это – квартира парня? Или – съемная? Всё выяснится в самое ближайшее время, как только здесь появятся участковый и следственная группа, и дело завертится.

Вот только куда подевалась одежда? Парень не мог прийти сюда только в куртке и ботинках. И да, это хорошие ботинки. Попсовые. Что-то похожее на замшу, с гладкими кожаными задниками и кожаными шнурками. Вот уже полгода Паша копил на «Тимберленды», но эти... Эти были в разы круче, в такие и влюбиться недолго. *Влюбиться.*

Опасная тема, – особенно когда это касается мертвых. Ведь оба они мертвы – и тот, кто остался в квартире, и та, которая вышла из нее. Не исключено, что они могли заниматься любовью друг с другом, именно здесь, на этом ложе. Красивые люди, почему нет? Красивые – прямо как из рекламы туалетной воды или плазменных телевизоров, только кончилось все печально. Они что-то совершили – или парень, или девушка, или оба – то, из-за чего убивают. Или, наоборот – не совершили. Или оказались ненужными свидетелями, или, наоборот, – самыми важными. Непонятно только, зачем понадобился автобус. Автобус усложняет задачу, которую неизвестный убийца мог решить прямо здесь, в квартире, вдали от посторонних глаз. Для этого достаточно было не выпускать отсюда Сандру живой. Тогда парочку не хватило бы еще долго. И Паша Однолет не появился бы в квартире 1523 никогда.

Зато теперь он знает, как зовут голого парня, – Филипп Ерский.

Вернее, **Philip Ersky.**

Так утверждает плакат на стене, один из двух, – Паша обратил на него внимание только сейчас. Это не плакат даже – афиша. Филипп на афише – в смокинге или во фраке, или как называется костюм, в котором музыканты выходят к публике? Голова Филиппа запрокинута и прижата к левому плечу: Филипп играет на скрипке – *вдохновенно*, если судить по выражению лица. Ни спутанные волосы, ни расточки, вплетенные в них, несколько ему не мешают.

Он скрипач. И лауреат международных конкурсов.

Из заявленного в программе: Сибелиус, Равель, Бела Барток.

Концерт состоялся около года назад, 15 декабря, в замке Нимфенбург, в сопровождении Мюнхенского филармонического оркестра. Интересно, расточки остались те же или пришлось вплести новые? Станный все-таки человек – Паша Однолет, думает о всякой ерунде.

О ботинках. О любви. Об айкидо и «охоте на лис», которыми

занимался в школе, но не особо продвинулся. А если бы выбор пал на скрипку? Смог бы он стать лауреатом международных конкурсов? Добраться до замка Нимфенбург и исполнить там скрипичные концерты Сибелиуса, Равеля и Белы Бартока? Карьера классического музыканта хай-класса все равно что спорт высших достижений. Она предполагает бесконечные перелеты, гастроли, контракты, интервью в прессе, съемки на ТВ, гонорары в долларах и евро.

Нет. Ничего похожего Паше не светит. И не светило никогда.

Опер Однолет – скромный парень из Костомукши, без особых талантов и перспектив. Окажись он в однушке многоквартирного дома на окраине Питера, – хоть живой, хоть мертвый, ни у кого бы и вопросов не возникло. Ну, то есть узкопрофессиональные, следственные возникли бы, но не более. А вот звезда классической музыки в подобных интерьерах – это нонсенс. Из всего скудного антуража Филиппу **Ersky** соответствуют только закомированный холодильник и кофемашина, остальное никак не привязать. И кому вообще понадобилось убивать скрипача?

Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет.

А в скрипачей, значит, можно?

Шорох за спиной заставил Пашу обернуться. На пороге комнаты стоял давешний цыганенок из вестибюля и во все глаза смотрел на мертвого **Ersky**. Он даже рот приоткрыл от удивления и любопытства. И не посчитал нужным его захлопнуть, когда Однолет оказался рядом.

– Ааааа, – вылетело из цыганенка, стоило только Паше крепко взять его за плечо.

– Тихо, – скомандовал опер.

Цыганенок и не думал затыкаться, его «ааааа» усилилось, и в нем появились какие-то старческие, надтреснутые нотки. Примерно такими голосами нищие с рынков жалуются, что у них отняли копеечку. Цыганенок извивался, как только что пойманная рыба, и все норовил ускользнуть. Паша переместил руку с плеча на воротник рубашки и, дернув за него, слегка приподнял мальчишку над полом.

– Ааааасукаааааа!

– Цыц. Я из полиции, понял?

– Пусти, сукааааа, – заныл цыганенок, слегка сбавив обороты.

– Знаешь его? – Паша подбородком указал на тело.

– Пусти.

– Знаешь?

– Знаю девчонку.

– Какую?

- Которая здесь бывает.
- Черные волосы короткие, красивая?
- Она мне двести рублей должна.
- А может, пятьсот? Или тысячу?
- Откуда узнал?
- Вид у тебя такой. Как будто все тебе должны.

Цыганенок был типичным представителем своего племени: смуглый, кареглазый, с жесткими, как проволока, черными волосами. Передний зуб мальчишки сколот, ресницы – пушистые и длинные, на правой щеке – пятно: то ли от сока, то ли от соуса. Маленький засранец, которого несколько не испугала чужая смерть. Даже удивительно.

- И сигареты. Она у меня брала.
- Давно?
- Почему я помню? Недавно.
- Тебя как зовут?

Мальчишка ответил не сразу, как будто раздумывал: всучить Однолету свое имя бесплатно или продать подороже?

- Ну? – Всем своим видом Паша дал понять, что торг здесь неуместен.
- Шуко. Отпустишь меня? Не убегу.
- Конечно, не убежишь. Интересно тебе, да?
- Думаешь, я трупиков не видел? – Шуко лихо сплюнул через осколок зуба. – Еще как видел.

- Здесь?
- Не. В другом месте. Где мы раньше жили. В Екате.
- В Екате?
- Город такой. Екат. Ну, или Ебург.
- «Екатеринбург», – дошло наконец до Паши.
- А в Питере вы давно?

Шуко почесал грязным пальцем переносицу:

- Давно. Зимой прошлой приехали.
- Прямо сюда?
- Не, сначала у Бахти жили, но там народу полно. Потом здесь.
- А девушка?
- Не знаю.
- Ну, ты же ей деньги одалживал. Сигареты. Сюда заходил?
- Не.
- А сейчас зачем зашел?
- Дверь открыта. Вот и зашел.
- Всегда в открытые двериходишь? – Паша попытался придать

своему голосу надлежащую строгость.

– Не.

Мальчишка – мелкий мошенник, и лет через пять-семь примкнет к контингенту, с которым Паша сталкивается исключительно по работе. Паша будет ловить Шуко, а Шуко – вырываться из силков, и неизвестно – кто кого переиграет. Уже сейчас отказать мальчишке в чумазом обаянии невозможно.

– Кого-нибудь видел возле этой двери? Кроме девушки?

– Собаку.

– Какую еще собаку?

– Почем я знаю? Сидела тут собака на днях. Белая. А башка рыжая.

– И что?

– Ничего.

– Выла?

– Не. Я ей колбасы дал.

– Съела?

– Само собой.

– А потом?

– Опять за колбасой пошел, а она убежала... Ай. Вспомнил. Она с кем-то по телефону разговаривала.

– Собака? – удивился Однолет.

– Ай, кало шеро! – Шуко снова сплюнул и засмеялся. – Придумал тоже. А еще полиция. Собаки не говорят по телефону. Девчонка говорила. Возле лифта стояла и говорила...

Так. Мальчишку с Сандрой не связывает ничего, кроме нескольких встреч в подъезде. И скорее всего, они даже не словом не перекинулись. А гипотетический долг – всего лишь цыганские вымогательские фантазии. И снимки вряд ли расстроят Шуко, если уж труп в луже запекшейся крови не вызвал никакой реакции, кроме любопытства. Рассудив так, Паша вытащил из кармана фотографию Сандры и сунул ее под нос цыганенку.

– Она и есть?

Шуко вглядывался в девушку чуть дольше, чем рассчитывал Однолет, но в результате принялся интенсивно кивать головой. Паше даже на секунду показалось, что она оторвется.

– Ну.

– Может, вспомнишь, о чем она говорила по телефону?

– Вспомнил.

– Слушаю тебя внимательно.

– Штуку мне должна. Вот.

– Издеваешься?

Это была такса. За дальнейший слив информации, если Паша Однолет согласится. Можно снова ухватиться за воротник засранца и хорошенько потрясти, чтобы выбить дурь, – только такие манипуляции вряд ли помогут делу. Шуко, несмотря на юный возраст, – крепкий орешек.

– Тебе решать, – дипломатично заметил мальчишка.

Быстро посчитав в уме сумму, оставшуюся после посещения «Серпико», Паша сказал:

– Пятьсот.

– Семьсот.

– Не на базаре.

– Ладно, – снизошел Шуко. – Гони ловэ.

После того как смятые купюры перекочевали в цепкие ручонки мальчишки, он на секунду задумался и снова почесал переносицу:

– Так. Она стояла у лифта. Сердилась на кого-то по телефону. Сказала – Васька. Потом еще про линию какую-то. Потом – «он обещал, что все решит».

– Ну, а дальше?

– Пошел ты к черту.

– Я? – опешил Однолет.

– Не. «Пошел ты к черту» – это она сказала. И еще назвала какое-то имя. Ну, или погоняло, не знаю.

– Что за имя?

– Ваську запомнил, а это нет. Не русское и не наше.

– На что похоже?

– Ни на что.

Слишком дорого заплатил Паша за пустую информацию, неоправданно. И Васька ничего не решал, и «какая-то линия». Цыганенку из Еката простительно не знать, но Однолет в курсе дела: *Васька* – это Васильевский остров, и вместо улиц там линии, – в части, примыкающей к центру и мостам. И с такими абстрактными выходными данными даже соваться туда не стоит. На мертвого Филиппа и то больше надежды, чем на этот разговор у лифта. Вот кем надо заняться – Филиппом.

– Может, напряжешься? По поводу имени? Мало ли.

– Может, – без всякого энтузиазма в голосе сказал Шуко. А потом неожиданно добавил: – Боты – чума.

– Что? – не понял Паша.

– У трупача боты – чума.

Мальчишка махнул рукой в сторону мертвеца и засмеялся. Странный

все-таки тип или все цыгане из Еката такие? Смертью их не удивишь, *манэки-нэко*.

Вот что пришло в голову Паше Однолету. Сам вспомнил, без посторонней помощи.

Манэки-нэко – так зовутся китайские кошки с поднятыми лапами. Или японские.

На удачу.

...Мастера звали Вероника Альбертовна Шорникова. Это если по паспорту. Год рождения – 1989, и тридцати нет, в сущности, совсем девчонка. Хотя и старше девушки из автобуса № 191. Брагину же она была отрекомендована как Ника Селёйро – один из лучших тату-мастеров Питера.

У Селейро имелся салон в полуподвальном помещении на улице Правды, сайт в интернете, страничка на Фейсбуке, страничка ВКонтакте, страничка в Инстаграме (6 тысяч подписчиков) и твиттер-аккаунт, никак не связанный с профессиональной деятельностью. В твиттере Ника Селейро постила свои мысли относительно *природы вещей* – иногда довольно глубокие и философские. Правда, краденые и перелицованные на скорую руку, а еще – приправленные изрядным количеством ненормативной лексики. Фолловеров у твиттерной Ники оказалось даже больше, чем в Инстаграме. Около двенадцати тысяч поголовья, как у какой-нибудь удачно стартовавшей поп-звезды. Или популярного политолога, который не вылезает из телевизора.

На то чтобы найти Селейро, у Брагина ушел один рабочий день. Будь тату-талант гражданки Шорниковой менее ярким, времени потребовалось бы значительно больше. Но рыбки кои с предплечья мертвой девушки сами по себе служили неплохой визиткой. Их признали уже во втором, выбранном наугад салоне, неподалеку от собственного дома Брагина.

– Видел, – хмуро сказал его владелец, бритый мужик, похожий на байкера. – Селейровская хрень. Она акварелькой грешит. В таком виде и в таком разрезе.

– Чья хрень? – переспросил Брагин.

– Селейровская. А сама она, стало быть, Селейро. Ника Селейро.

– Мастер – женщина?

– Ну, какая же женщина? Сучка.

В голосе байкера сквозили неприязнь и плохо скрываемая зависть, как будто неизвестная Ника Селейро отравляла ему жизнь самим фактом существования. И не только ему – еще в нескольких салонах и особо продвинутых студиях Брагину сказали едва ли не то же самое, с незначительными вариациями: сучка, выскочка, крадет идеи почем зря, топит коллег по цеху и к тому же – гений самопиара. Обвинение в самопиаре было самым распространенным, и Брагин, науськиваемый

сворой селейровских недоброжелателей, даже влез в интернет, чтобы посмотреть, как это выглядит.

316 000 ссылок, сгенерированных за 0,45 сек. Ничего не скажешь, впечатляюще.

На улицу Правды Брагин отправился уже отягощенный знаниями о невероятной интернет-популярности Ники Селейро. И был несколько озадачен скромностью ее тату-норы, мимо которой умудрился проскочить поначалу – такой незаметной оказалась вывеска. И лишь присмотревшись, увидел ее: самый скромный цветочек в букете других вывесок, – но и самый необычный тоже. На вывеске было изображено что-то вроде стилизованного айсберга (издали это напоминало поплавок), а сама надпись гласила:

ЙОА И ЕЗДОВЫЕ СОБАКИ

Прежде чем появиться здесь, Брагин пытался пробиться к Нике Селейро по двум телефонам, указанным на сайте: мобильному и стационарному. Мобильный немедленно сообщил ему, что «абонент находится вне зоны действия сети», да и со стационарным дела обстояли не лучше. Номер либо был занят, либо выдавал длинные гудки. Промучившись с каналами связи около часа, Брагин плюнул на условности. И вот, пожалуйста, стоит перед тяжелой дверью, обитой рваными листами железа. Посередине двери, на уровне лица, имелось окошко, как в каком-нибудь доме терпимости на Диком Западе. Ручка, за которую можно было бы ухватиться, отсутствовала как класс, зато присутствовал деревянный молоток: он свисал с толстого кожаного ремня – скорее всего, части упряжи, украденной у ездовых собак.

Интересно девки пляшут, – подумал Брагин и, приподняв молоток, стукнул им по двери: железо отозвалось глухим вибрирующим стоном. А спустя минуту (в течение которой следователь раздумывал, стоит ли постучать еще раз или отступить) дверное окошко распахнулось. И в нем показался раскосый узкий глаз и часть оливковой щеки.

– Ну? – раздалось из-за двери.

– Ника Селейро.

– Ну.

– Я могу войти?

– Э?

Оторванный от лица автономный глаз качался в окошке, подобно перу черного лебедя на озерной глади. И нес в себе ровно такую же нулевую

информацию. Чтобы хоть как-то сдунуть перо, заставить его взаимодействовать, Брагин сунул в окошко свое удостоверение. Окошко благополучно захлопнулось, и снова перед следователем возникла дилемма – уйти? остаться?

Не слишком гостеприимное место – «Йоа и ездовые собаки».

...Впрочем, никаких ездовых собак в норе на улице Правды не было. Ни самоедов, ни маламутов, ни хаски. Брагин понял это, когда железная дверь все-таки распахнулась и он оказался внутри, в помещении с низким потолком, по которому змеились трубы. Все они были покрашены в белый цвет, в то время, как потолок – в черный. Стены тоже белые, идеально гладкие, а на полу лежала черная плитка. В дальнем углу помещения, под гроздью ламп самой разной величины, стояло кожаное кресло исполинских размеров – такое же черно-белое, как и весь остальной интерьер. С подголовником, подлокотниками и массой других выступающих деталей. В кресле полулежал раздетый до пояса молодой человек, а над ним колдовала девушка в жилетке, натянутой на цветную кофту. *Девушка* – так решил про себя Брагин, хотя собственно девичьего в ней было мало.

Наверное, это и есть Ника Селейро.

Несмотря на сетевую популярность, селфи в интернете Ника никогда не выкладывала. А на ее многочисленных аватарах красовались те самые хаски и самоеды. И какие-то припорошенные снегом бородачи с грустными глазами и в малахаях; в одном из них Брагин признал полярного исследователя Руаля Амундсена. Остальные наверняка тоже были полярниками. Исходя из подобной концепции, Нике Селейро следовало бы устроить свой салон где-нибудь в иглу, среди торосов. А здесь, в полуподвале, в самом сердце Питера, было тепло.

И даже жарко.

И раздавалось легкое умиротворяющее жужжание: Ника Селейро набивала тату с помощью специальной машинки. И даже не повернула голову в сторону Брагина. Зато глаз, плававший в окошке, наконец обрел хозяина. Им оказался невысокий человек азиатской наружности в джинсовом комбинезоне, надетом прямо на голое тело. С ходу понять, сколько лет азиату, было невозможно: может, тридцать, а может, и все пятьдесят.

– Я бы хотел поговорить с Никой, – сказал азиату Брагин. – Это не займет много времени.

– Ждите, – ответил тот.

– Сколько?

– Она сама решит.

– Вы сообщили обо мне?

– Ждите.

Произнеся это, азиат отошел от Брагина и устроился за конторкой в углу. И углубился в какие-то записи. Торчать одиноким пнем посреди зальчика следователю вовсе не улыбалось, и он присел на венский стул: один из трех, стоявших вдоль стены. Знакомство с «Йоа и ездовыми собаками» продолжилось, и чем больше Брагин изучал интерьер, тем больше удивлялся. Ни тебе развешанных по стенам фотографий татуировок, – а именно они дают представление о творчестве мастера. Ни постеров, ни плакатов, ни любовно собранных символов профессии. Единственное цветное пятно на стене – картина, репродукция; она выполнена в популярной ныне манере 3D печати на холсте. Возможно, и без 3D обошлось, Брагин не в курсе последних веяний. Но репродукция любопытная, с какой-то старинной картины, немецкой или голландской: изгиб замерзшей реки, зимние забавы на ней. Заваленная снегом деревушка, прилепившаяся к реке. Деревья, что вплелись в деревеньку; дети, птицы. Все-таки голландская. Очень похоже на Брейгеля. Жена Брагина, Катя, большая поклонница Северного Возрождения, могла бы сказать наверняка. Еще бы и название картины вспомнила. Но, начитавшись о Нике Селейро в интернете, Брагин ожидал увидеть что-нибудь необычное: космический дрон из «Звездных войн», распятый на стене. Или фюзеляж австро-венгерского биплана, подвешенный на цепях к потолочным трубам. Или – совсем уж хайтехническое, отсылающее к стилистике «Матрицы».

А хренушки.

Хорошо хоть компьютер есть.

Большой стационарный Imac, – опять же предмет вожделений Кати. То есть он был им когда-то. В те времена, когда Катя могла позволить себе думать о разных вещах; могла позволить себе быть девчонкой, подсевшей на симуляторы, – вождение пассажирского самолета или там подводной лодки. Или того же биплана, австро-венгерского, прямиком из Первой мировой. Который Ника Селейро так и не догадалась повесить в своем салоне. Мысль о Кате-прошлой тотчас вызвала мысль о Кате-настоящей, а заодно и боль. Легкую, как жужжание тату-машинки. Брагин привык к ней, научился купировать, забрасывать другими мыслями. В основном – связанными с работой. Вот и теперь – он легко переключился на новости из вчерашнего дня.

Они пришли от Паши Однолота. Щенку неожиданно повезло, и он нашел место, так или иначе связанное с девушкой из автобуса № 191.

Впрочем, везение это было весьма условным, учитывая, что именно обнаружилось в квартире, к которой подошли ключи. *Кто именно обнаружился.*

Очередной труп.

Не безымянный, в отличие от девушки, но масштаб бедствий просматривается уже сейчас. Скрипач, лауреат и, мать его, медийная персона, – а это означает, что Брагина будет трепать начальство. Ежедневно и ежечасно, потому что подобное убийство относится к резонансным; к тем, что находятся на особом контроле и за которыми пристально следит общественность.

Однолет не получил по шапке, хотя и заслуживал: метод проникновения в жилище был выбран не самый удачный, плюс организационные тёрки. Преступление было совершено в Невском районе, и формально его должны расследовать местные правоохранители. Даже следственная группа там отметилась, вызванная участковым (в свою очередь, вызванным Однолетом), – но кому нужен дополнительный геморрой в лице укокошенного деятеля культуры? Правильно, никому. Вот все и спихнули на Брагина, поскольку расследование убийства Филиппа Ерского и Неизвестной необходимо объединять в одно дело. Факт настолько же очевидный, насколько и неприятный. Все эти скрипочки, смокинги и группа поддержки в виде Мюнхенского филармонического оркестра... Далеко не единственного – есть и другие оркестры, не менее прославленные, *у всех на устах*. Ну, как начнут писать коллективные письма?.. Следователь прокуратуры Невского района Телятников, с которым пришлось просидеть полночи, *утрясая и документируя*, уже при расставании пожалел Брагина. Когда они стояли на крыльце у участкового пункта полиции, и Телятников, приземистый лысоватый мужичонка со сломанными ушами, жадно курил, выпуская сизый дым прямиком в черное заиндевшее небо. А Брагин жадно смотрел на этот дым, уже давно находившийся под запретом. Как и многое другое, многое...

– Куришь? – спросил Телятников, упершись в брагинский взгляд.

– Бросил.

– Ну, с таким делом снова закуришь.

– Думаешь, висяк?

– Висяк не висяк, а крови у тебя попьют. Не люблю артистов этих.

Сплошной вертеп. Сплошные потаскухи.

– Ну, этот вроде на скрипке играл, – вступился за покойника Брагин.

– Вот и доигрался... хер на скрипке.

– Ну, ты уж совсем! Классика, между прочим, – благородное занятие.

– Положим, его не с инструментом нашли, а без порток. Извращенцы чертовы. Черно у них внутри, черные души, черные сердца. А в мотивах начнешь копать – такая же чернота и вылезет. Или вообще – Содом и Гоморра. Черви попрыгают. Ой, не повезло тебе, Валентиныч.

– Как-то будет.

– Оно понятно. – Телятников улыбнулся, показав желтые прокуренные зубы. – «Как-то» оно всегда бывает. Степанцов пока походит по квартирам, порасспрашивает, может, найдет что-то ценное. Но я бы не обольщался.

Степанцова, местного коллонтаевского участкового, Брагин видел лишь мельком – обычный, задавленный текучкой старший лейтенант лет сорока пяти с гаком. Мешки под глазами, скорбная подкова вместо губ, плохо выбритые студенистые щеки. Толку от таких служивых немного, особенно в деликатном деле голого скрипача.

– Я и не обольщаюсь.

– Ну, удачи тебе!

Телятников крепко пожал руку Брагину и долго не отпускал, трясая ею в воздухе. Несмотря на бессонную ночь, настроение у него было отличное (пронесло так пронесло!), а вот у Брагина настроение было на ноле. Фиговое настроение, чего уж.

Утром, после летучки у начальства, оно только ухудшилось; ни одной удобоваримой версии относительно убийства девушки в автобусе, а тут еще музыкантишка, пропади он пропадом, нарисовался, есть ли у Сергея Валентиновича хоть какие-то соображения по этому поводу?

– Прикидываем. Думаем. Работаем. Как всегда. Нащупаем подходы – сразу доложу. – Эта домашняя заготовка не раз спасала Брагина. Но сейчас не прокатило.

– «Как всегда» не получится, – ответствовало начальство в лице советника юстиции В. К. Столтидиса.

Лицо это, надо сказать, было довольно примечательным – во всех смыслах. Как будто взятым напрокат у знаменитого испанского художника Эль Греко. Аскеза и тщательно задрапированная страстность – вот его доминанты. Так, во всяком случае, это выглядит со стороны. Человека, малознакомого с В. К. Столтидисом (а таких людей – подавляющее большинство), мог и испугать его взгляд, горящий недобрым огнем. Легко предположить, что это за огонь: он вырывается прямым из преисподней, где черти поджаривают грешников на шипящих сковородках. И лишь немногие посвященные правильно идентифицируют языки пламени в глазах В. К. Столтидиса: пикничок за городом, *жарим колбаски!*..

– Мне уже звонили.

– Я понимаю, – вздохнул Брагин.

– Не понимаешь, Сережа. Не бомжа на помойке грохнули. Не поножовщина в рюмочной. Не рейдерский захват общественного туалета. Музыкант мирового уровня, чуешь? Звезда, а не какой-нибудь Хаммурапи.

«Хаммурапи» было любимым словом В. К. Сама историческая фигура вавилонского царя, несмотря на ее величие, и близко не несла в себе столько смыслов и коннотаций, сколько вкладывал в нее советник юстиции:

Это заказное убийство, товарищи. Заказное, а не какое-нибудь Хаммурапи.

Ну и метет сегодня, прямо Хаммурапи какое-то.

Не решим вопрос – будет нам Хаммурапи.

– ...Творческие – они такие. Хлебом не корми, дай посмердеть. Так что жди бурления говн. И хорошо бы нам в них не захлебнуться...

– Выплывем, куда денемся.

– Вот только без шапкозакидательства, товарищ Брагин. Значит, так. О ходе расследования мне докладывать ежедневно.

– Само собой.

– Ускориться максимально.

– Само собой.

– Подключить всех, кого возможно.

– Хорошо бы. Только народу у меня маловато.

– Совсем?

– Просто швах.

– Ладно. Подкину тебе парочку толковых людей в ближайшее время. И вообще – режим благоприятствования обеспечу. Но чтобы нашел мне убийцу, понял? Иначе...

– Иначе – Хаммурапи. Чего не понять.

– Что?

Отблески огня в глазах В. К. Столтидиса видоизменились, а Брагин не заметил этого, даже странно. Не пикничок за городом, нет... Вернее, пикничок – только выехали на него черти из преисподней. И одними колбасками дело не ограничится. И шашлыком не ограничится, а вот тушка Брагина будет в самый раз. Зажарят на вертеле и слопают без перца и соли – с чертей станется.

...Азиат за конторкой в «Йоа и ездовых собаках» тоже напомнил Брагину черта. Ну, или чертика из табакерки. Волосы прямые и жесткие, как будто смазанные жиром. И такое же лоснящееся, круглое лицо с несколькими прорезями: губы, ноздри, глаза. Словно кто-то тыкал ножом в блин, а потом бросил это бесперспективное занятие.

Вряд ли японец. Китаец? Монгол?

Условный китае-монгол что-то писал, высунув от усердия кончик языка. Писал и хмурился. Комкал лежащую перед ним бумагу и бросал ее прямо на пол: весь пол перед конторкой был засыпан кое-как слеplенными бумажными снежками. Брагин даже принялся подсчитывать их – и дошел до тридцати одного. На тридцать втором из угла, где располагалось кресло, послышался стон. Повернув голову, следователь заметил, что распластанное на кресле тело дернулось и обмякло. Жужжание машинки немедленно прекратилось, а Ника Селейро, соскользнув с маленького вертящегося стула, направилась в сторону Брагина.

В их с азиатом сторону.

Она прошла мимо Брагина, как мимо пустого места, и остановилась рядом с конторкой.

– Вырубился, – констатировала Селейро, очевидно, имея в виду жертву тату-экзекуции. – Слабак. Займись им, Ханбунча.

– Сёп, – прошелестел экзотический Ханбунча и выскользнул из-за конторки.

В любом другом случае обстоятельный Брагин обязательно предался бы размышлениям о Ханбунче. Странное имя (склоняется ли оно или незыблемо, как свая, вбитая в землю?); странный говор, странные занятия; что вообще делает Ханбунча в тату-салоне в центре Питера? Не просто же так стоит он за конторкой, марая бумагу?..

В любом другом случае – да. Но в этом он немедленно забыл и о Ханбунче, и о парне в кресле: теперь все внимание Брагина было приковано к Нике Селейро. Никогда еще за свою – почти сорокалетнюю – жизнь он не видел такой... такого человеческого существа.

Ника Селейро была совершенна.

При этом почти невозможно было понять, что это за совершенство – мужское (вернее – юношеское) или женское. Или совершенство машины, где каждый сантиметр тела высчитан в полном соответствии с золотым сечением. В миндалевидных глазах Ники плескалась нестерпимая, ничем не замутненная синева, на четко очерченных губах блуждала усмешка, а подбородок делила надвое едва заметная ямочка. Нисколько не портившая Нику-девушку и придающая дополнительное очарование Нике-юноше.

Андрогин, вот как называются такие люди.

Ника была типичным андрогином, или выдающимся андрогином, *намба ван* в своем классе. Какая тут к чертям Вероника Альбертовна Шорникова 1989 года рождения? На кой ляд вообще сверхлюдям паспорта? Примерно об этом думал Брагин, пожирая глазами лицо Ники Селейро. А

еще о том, что отмени она аватарки с собаками и полярниками и пристегни вместо них свое собственное лицо – количество подписчиков не то что утроилось бы – удесятирилось. И счет пошел бы на миллионы, и сам Брагин подписался бы. В первых рядах. Специально завел бы себе аккаунт – и подписался.

Была еще одна особенность – татуировки.

То, что следователь издала ошибочно принял за блузку, при ближайшем рассмотрении оказалось татуировками. А вся одежда на Нике Селейро состояла из джинсов и кожаной жилетки. И уже из-под жилетки выскальзывали все эти птицы, цветы, листья, водопады и клинки. И иероглифы, и арабская вязь, и скандинавские руны. Татуировки покрывали руки Селейро и часть шеи – с правой стороны. И часть лица – тоже с правой. Оттого и казалось, что Ника Селейро – охотник, сидящий в засаде. Или львица, сидящая в засаде. А само лицо – ловушка.

Не стоит ему доверять.

– ...Насмотрелись? – спросила Ника Селейро, коротко улыбнувшись.

– Эм-м...

– У вас пять минут. Потом я вернусь к клиенту. Его время уже оплачено. В отличие от вашего.

Что ж, условия здесь диктует она. И Брагину придется играть по ее правилам.

– Хорошо. Постараюсь уложиться. Меня зовут Брагин Сергей Валентинович. Я следователь...

– Давайте этим и обойдемся.

– Не хотите взглянуть на удостоверение?

– Я в них не разбираюсь. Что вас интересует?

Никаких эмоций – ни любопытства, ни страха, ни настороженности. И лишь синева глаз стала еще бестрепетнее, еще нестерпимее.

Завороженный татуированной волной, омывающей лоб и правую бровь Ники Селейро, Брагин достал из папки фотографию карпов кои и протянул их девушке.

– Ваша работа?

– Моя, – едва скользнув взглядом по снимку, сказала она.

– Меня интересует девушка, которой вы сделали эту татуировку. Расскажите о ней.

– А это была девушка? – Волна над бровью приподнялась.

– Вы не помните?

– Я помню татуировку. Этого достаточно.

– Ну, хорошо. – Брагин попытался зайти с другого конца. –

Обстоятельства, при которых вы делали это тату... Они сохранились в памяти?

– Ничего такого, что заслуживает внимания. Иначе бы я запомнила.

– Вы же понимаете, я пришел не просто так.

– Никто не приходит сюда просто так.

Серфер из тебя неважный, Валентиныч, – подумал Брагин, того и гляди волна накроет с головой, утопив надежду хоть немного продвинуться в деле Неизвестной из автобуса.

– Эта девушка убита, Ника. Зарезана в автобусе несколько дней назад.

Никакого просвета в холодной синеве. Хоть бы дельфины появились. Или акулы, черт с ними! Или синие киты.

– Кому я должна посочувствовать? Вам или этой несчастной?

– Убийство – серьезная вещь. Несправедливая. Я надеюсь на помощь. Любая деталь будет ценна...

– На свете полно несправедливых вещей и без убийства.

– Любая подробность, даже самая незначительная, – продолжал гнуть свое Брагин.

– Я делала эту татуировку в октябре. Пятнадцатого или шестнадцатого.

Ну вот, пошли дела кое-как!..

– Не проще ли посмотреть в записях? Вы ведете записи?

– Нет.

– Как же вы связываетесь с клиентами? Назначаете им время? А сами татуировки? Их ведь нужно обсудить. Сделать предварительный эскиз. Так, кажется, это называется?

– Это называется флэш. Но дело в том, что я работаю без предварительных эскизов.

– Такое возможно? – удивился Брагин.

– В моем случае – да. Фрихэнд.

– Что?

– Я должна перевести это с английского?

– Э-э... Свободная рука. Я понял. В общих чертах. Но хотелось бы еще понять, как это выглядит.

Губы Ники снова сложились в усмешку, на этот раз – снисходительную.

– Как вариации на тему. Клиент описывает то, что хотел бы увидеть. Я претворяю его фантазии в жизнь. Вот и все.

– Так просто?

– Не так просто. Сложнее, чем вы думаете. На грани гениальности.

В том, как ослепительно сияющий андрогин произнес это, не

чувствовалось даже намек на иронию или самоиронию. Ника Селейро была полностью убеждена в том, что гениальна. Но самое удивительное, что и Брагин мгновенно оказался на ее стороне. В зыбком и невероятно притягательном мире цветов, птиц и изречений, нанесенных на дамасскую сталь. Самую настоящую, несмотря на то что это была всего лишь проекция на коже.

– Та девушка... Она попросила вас набить именно этих рыбок? Описала их?

– Нет. – Волна снова занесла свой хищный гребень над бровью Селейро. – Погодите. Она была из особенных клиентов. Иных.

– Иных? – Теперь уже и Брагин приподнял бровь.

– Иные, да. Они не просят о чем-то конкретном. Они хотят воспроизвести эмоцию. Или состояние.

– Эмоции проходят. Состояния меняются. А татуировка остается надолго, если не навсегда. Я не прав?

– Мне все равно, что будет с иными потом. Это – не моя история.

– А если они придут снова? Есть же такая практика... Э-э... Делать из старых тату новые...

– Они и приходят. Не все, но многие. Но мой кавер-ап стоит в два раза дороже первоначальной работы. Иногда – в три, в зависимости от сложности переделки.

– Девушка была у вас впервые?

– Да.

– Как-то же она узнала о вас?

– Вероятно, соцсети. Телефоны на сайте.

– Вам не дозвониться. Я пробовал. Напрасный труд.

– Ханбунча не всегда берет трубку. Он пишет роман, очень им увлечен, так что не брать трубку простительно.

– Тот человек в комбинезоне?

– Других здесь нет, – снова улыбнулась Ника. – Только вы, я, мясо в кресле и Ханбунча. Он – мой администратор.

– Я могу поговорить с ним?

– Вы – можете. Вопрос в том, захочет ли он разговаривать с вами.

Ну, Валентиныч, где же твой хваленый артистизм? Умение на раз-два считать свидетеля, настраиваться на одну волну с ним; самому быть волной, ласковой и нежной, – и выносить потенциального союзника к тем берегам, где сияет истина. Ведь все свидетели, если они не заинтересованы по каким-то причинам в сокрытии важных сведений, – потенциальные союзники.

Ника Селейро – не союзник.

Плывать ей на истину. Плывать на все, кроме себя любимой. Каждой своей репликой чертов андрогин подчеркивает это. Изощренно издевается над заскорузлым работником правоохранительных органов. Наверное, так она и думает – *заскорузлый*. Недалекий, не разящий наповал отточенной надменной фразой, а попросту – унылое говно. Не стыдно только за ботинки, потому что ботинки у Сергея Валентиновича Брагина всегда начищены до блеска.

Пунктик такой, да.

У Ники Селейро совсем другие ботинки – раздолбанные, облупленные на носках, так что даже цвет определить невозможно. И шнурки под стать ботинкам: порванные в нескольких местах и связанные в узлы. Это удивляет Брагина, но и обнадеживает одновременно: в безупречном, почти машинном облике Селейро обнаружилось хоть что-то человеческое.

– Что это за имя – Ханбунча?

– Обычное имя. Якутское. Он якут.

– И пишет роман?

– Да.

– Любопытно было бы прочесть.

– Вряд ли это случится в ближайшее время. Он застрял на второй главе. Целый год ее мусолит.

– Давно он у вас работает?

– С конца первой главы.

Все же это настоящее искусство – отвечать на вопросы, толком на них не отвечая. *Вы спросили – я ответила*, галочка поставлена, и делайте с ней, что хотите. Брагин злится на Нику Селейро, по-настоящему злится, ни на секунду не переставая по-детски восхищаться ей.

– Вернемся к девушке. Ну, или к ее татуировке. Если вам так удобнее.

– Удобнее, да.

– Татуировка – отличная, я не спору. Реалистическая и всё такое. Даже гиперреалистическая. Но вы говорили об *иных*. О тех, кто просит, чтобы вы выразили их эмоции. Очевидно, это была очень простая эмоция.

– Хотите сказать – примитивная?

Вот ты и попалась, дорогуша. Вот на чем тебя можно подловить, когда все другие средства исчерпаны. На снобизме. На тупом бараньем чувстве собственной исключительности.

– Примитивно исполненная. У мастеров тоже случаются неважные дни.

– Вы вольны думать, что угодно.

Попалась, попалась!..

– Вы говорили с девушкой, Ника. Прежде чем заняться этим своим... фрихэндом. Она как-то сформулировала свои пожелания?

– Время вышло. – Ника больше не улыбалась снисходительно. Она вообще никак не улыбалась, как будто губы ее заросли переползшим с предплечий вереском. – Мне нужно вернуться к клиенту.

– Мясо в кресле вполне подождет еще пару минут. А я могу вызвать вас повесткой. И вы обязаны будете прийти.

– Если хочешь найти правду – ищи там, где ложь. Они всегда спасут друг друга, а ты останешься в дураках.

– О чем это вы?

– Не я. Та девушка. Не совсем уверена насчет точности формулировок, но что-то похожее она произнесла.

– И после всего сказанного получились те самые рыбки?

– Эти рыбки – не новость. И не эксклюзив. Довольно распространенный сюжет.

– Но ей он понравился?

– Вы смотрите и не видите. А она увидела. И ей понравилось, да. Но теперь это не имеет никакого значения.

– Что я должен был увидеть?

– То же, что и та девушка. А если нет – значит, не должны.

Это – не имитация ответа. Это и есть ответ, самый правдивый из всех возможных, хотя и до него Ника Селейро не врала Брагину. Не ее вина, что они видят мир по-разному. Или, скорее, пребывают в одном пространстве, но в разных реальностях. Совсем как в ужастике «Сайлент-Хилл», который когда-то так испугал Катю, и зачем только они потащились на эту киношку?..

– Вы знаете человека по имени Филипп Ерский?

– Простите?

Не то чтобы вопрос возник совсем уж ниоткуда, хотя на лауреате и звезде не было ни одной татуировки. Неизвестная и Филипп связаны – квартирой на улице Коллонтай, хотя и не были любовниками. Во всяком случае, незадолго до смерти девушка занималась сексом не с Ерским, с кем-то другим, – это, по биологическим образцам, установила экспертиза.

– Филипп Ерский. Известный скрипач.

– Нет. Никогда о таком не слышала. Я – не целевая аудитория скрипачей. Вы, судя по всему, тоже.

Все так и есть. Это Кате нравится классика в любом ее проявлении – будь то опера «Паяцы», балет «Петрушка» или струнные группировки,

окопавшиеся в Филармонии. Филармония – еще щадящий вариант, бюджетный. Хуже обстоит дело с Мариинским, куда они обязательно наведываются раз в два месяца. Или два раза в месяц, в зависимости от репертуара и премьерных показов. Любовь к классической музыке перешла к Кате по наследству от родителей. А вот Брагин ничего похожего не унаследовал и ограничивается редким прослушиванием групп своей юности – «Red Hot Chili Peppers», «Guns N’ Roses» и «Nirvana». И нет ни одной оперы, от которой Сергея Валентиновича не клонило бы в сон. Зато на балете он никогда не спит в ожидании – вдруг кто из танцоров споткнется на ровном месте, уронит партнершу или недокрутит фуэте.

Ужасный человек – следователь Брагин.

К тому же здесь и сейчас ему хотелось бы узнать, что слушает Ника Селейро. Для полноты картины, так сказать. И для вящей убедительности психологического портрета: все последние минуты Брагин слышит жужжание где-то внутри себя. Это невидимая машинка набивает на сердечной мышце портрет проклятого андрогина.

Как сводить его в последствии – неизвестно.

– Если вы хотите спросить, что именно слушаю я...

– Нет, – быстро открестился Брагин.

– Ничего не слушаю. Музыка меня утомляет.

А ведь верно. В «Йоа и ездовых собаках» тихо, как в гробу. И что вообще означает название? С ездовыми собаками все более или менее понятно, но Йоа...

– Погуглите. – К Нике снова вернулась способность снисходительно улыбаться.

– Что?

– Вас ведь интересует название.

– Нет.

– Оно всех интересует. Почему вы должны быть исключением?

– Учитывая специфику визита, я и есть исключение.

– А, ну да, – сразу поскучнел андрогин. – Убийство.

– Девушка как-то представилась? Назвала свое имя?

– М-мм...

Понять, что происходит внутри идеальной черепной коробки Селейро, невозможно. Очевидно, там идет какая-то работа. И Брагин силится представить, что это за работа, но ничего, кроме *майнинга биткоинов*, в голову не приходит.

– Чтобы объяснить, чего именно от вас ждут, нужно вступить в разговор, не так ли?

– Да.

– Разговор – это общение...

– Общение с малознакомыми людьми не предполагает их фиксации в памяти. У меня как минимум один клиент ежедневно. Иногда бывают два. Я уже молчу о тех, кто пытается втиснуться в мою жизнь вне стен салона.

– Вы сами сказали. Она была иная.

– Это ничего не меняет. Но если бы даже случилось чудо и я вспомнила... Иногда люди предпочитают не называть настоящих имен. Или обходятся никнеймами. Кличками. У байкеров это особенно распространено.

– Она имела какое-то отношение к байкерам?

– Не думаю.

– И при этом не сообщила своего настоящего имени...

– Я не утверждала, что она назвалась чужим именем. Просто сказала, что не помню его. Ни настоящего, ни придуманного. Никакого. Вот и все.

– Надеюсь, деятельность вашего салона сертифицирована?

Брагин терпеть не мог выкручивания рук, особенно если это касалось не подозреваемых, а свидетелей. И меньше всего хотел дешевого ковбойского наезда в стиле своего приятеля, капитана Вяткина. Кто только дернул Брагина за язык?

– Даже если бы вы прихватили пожарную инспекцию и санэпиднадзор, я все равно не сказала бы больше, чем знаю. А сертификаты на стене, за вашей спиной. В рамочках. Можете ознакомиться.

– Вы не поняли меня...

– Разве?

– Я имел в виду только то, что ваша студия – это не какой-нибудь подпольный бордель, где анонимность обязательна. Не блатхата и не шалман.

Ника, до сих пор рассеянно слушавшая, вдруг перебила Брагина:

– Шалман. Она что-то говорила о шалмане.

– Вам?

– Нет, это был телефонный звонок. Ей позвонили, и она с кем-то договорилась о встрече. «Увидимся в шалмане», если дословно.

– И все?

– Нет. Она сказала – «Увидимся в шалмане. Сегодня вечером. Не опоздай к приливу».

– Понятно. Это был единственный звонок?

– Я попросила ее отключить телефон сразу после разговора. Так что он был единственным.

Что-то сломалось внутри андрогина, Брагин чувствовал это. Но поломка была незначительной и никак не мешала майнингу. Просто где-то в другом отсеке зашла какая-то клавиша. Или кнопка. Как если бы совсем крошечная птица сдуру влетела туда и теперь топталась по мертвым бездушным деталям своими лапками.

Андрогин не взволнован, он просто задумался. Размышляет. И это вполне себе человеческие размышления, женские.

– Она была не похожа на других. Та девушка.

– Иная, – напомнил Нике Брагин.

– Не в этом дело. Не только в этом. Бывают такие люди. О них думаешь даже тогда, когда они исчезли с горизонта. Что, как, откуда, почему. Вы понимаете меня?

– Надеюсь, что да.

– С вами тоже такое случалось?

Птичка и не думает вылетать из западни и теперь крушит не только кнопки, но и микросхемы. А микросхемы – тонкая вещь. И Брагину бы сейчас самое время призвать в союзники свой артистизм и, как по нотам, разыграть участие. Рассказать коротенькую байку или притчу, коих Сергей Валентинович скопил множество за свою профессиональную карьеру. Лучшей поклевки для мелкой рыбешки и сочинить нельзя (а свидетели и есть рыбная мелюзга, в отличие от царь-рыбы – преступника). Одно удовольствие смотреть, как они захватывают наживку – мягкими сентиментальными губами. А потом подсечка – и всё, готово. Бери свидетеля тепленьким – и хоть на жарёху, хоть на уху.

Но Ника Селейро – особенная. Такая сорвется с любого крючка. Или просто не заметит его. На одной стороне ее лица бушует Атлантика, другая – сохраняет безмятежность. С трудом сохраняет – так почему-то кажется Брагину.

– ...Это случается со всеми. Особенно в молодости.

– Ну да.

– Значит, вы вспоминали ту девушку?

– Нет. А теперь пытаюсь понять, что заставило меня забыть о ней.

Для андрогина (в сознании Брагина он почему-то все больше смыкается с роботами-андроидом и этномашинерией «Звездных войн») Ника Селейро чересчур откровенна. С другой стороны – это безопасная откровенность, безнаказанная. Сертифицированная. Даже пожарной инспекции и санэпиднадзора она не по зубам. Что уж говорить о скромном следователе Сергее Валентиновиче Брагине?

– ...И как, получается?

- Увы.
- А... ваш администратор? Может быть, у него получится?
- Мы уже обсудили это. Или нет?

Игра сделана. Основное время закончилось, но, может быть, есть надежда на дополнительное?

- Занятная у вас репродукция висит, – сказал Брагин.
- Мне тоже нравится. Но ее, как правило, не замечают.
- Я первый, кто заметил?
- Не первый.
- А та... Иная девушка?
- Она как раз и не заметила.
- Это Брейгель?
- Это Брейгель. «Пейзаж с конькобежцами и ловушкой для птиц».

Брагина так и подмывало снова приблизиться к репродукции, потому что ловушка для птиц прошла мимо него. Птицы – да, птиц было полно, они парили в небе и сидели на ветвях, а ловушка...

Конькобежцы на реке – вот кто отвлек его внимание. Десятки стоящих на льду людей, скользящих по льду; высокие уступчатые крыши, снег – только это и бросается в глаза.

- Нашли ее?
- Кого? – удивился Брагин.
- Ловушку для птиц.
- Я даже не искал.

– Ну да. Вы же не знали, как называется картина. А без подсказок не обойтись, особенно когда не представляешь, с чем имеешь дело.

Наверное, именно так выглядит твиттер-философия Ники Селейро. Дурачкам кажется, что она соорудила нечто значительное. Психологический квест, пройти который удастся не всякому. На самом деле всякому, включая малолетних детей, но адепты андрогина предпочитают этого не замечать. Иначе как прослать избранным?

- Самое главное – всегда в другом месте. Вот что я хочу сказать.
- Но эта история в основном о конькобежцах. – Сергей Валентинович и не заметил, как втянулся в селейровскую софистику.

- Вам так кажется.
- А вам нет?
- С некоторых пор я вижу только птиц.

Да-да. Тех самых, что разрушают микросхемы.

– Если вы все-таки вспомните... – Брагин сунул руку в карман пиджака. – Что касается девушки. Ну, вдруг... Вот моя визитка.

– Это вряд ли. Впрочем... Оставьте визитку на столе. Вон там, рядом с компьютером.

Ника Селейро даже не попрощалась с Брагиным. Даже кивка он не удостоился. Зато у него оставалось время, чтобы (уже вполне осмысленно) взглянуть на картину. Теперь, благодаря подсказке андрогина, он сразу же нашел ловушку для птиц, довольно грубо сработанную: снятая с петель дверь, уложенная на снег под углом градусов в тридцать и подпертая палкой. Плюс зерно, которое рассыпали под дверью. Не совсем понятно, как непосредственно срабатывает механизм ловушки, но им, в шестнадцатом веке, виднее. А в двадцать первом, у стола, где стоит компьютер, Брагина ждало очередное – и не самое приятное – открытие. Вся поверхность была завалена визитками: простенькими, похожими на брагинскую; и гораздо более причудливыми – это касалось не только цвета, качества бумаги и шрифта, но и формы. На одной из них (маленький белый квадрат примерно 3 на 3 сантиметра) красовалась бычья морда:

БАФФАЛО-66, смерть веганам!

Эта задиристая надпись – вот и все, что смогло уместиться под мордой. Ни адреса, ни телефонов. Впрочем, за судьбу одуванчиков-вегетарианцев не стоило особенно переживать: живы-здоровы и тоже имеют опосредованное отношение к Нике Селейро.

Дзен-бургерные и мантра-бары, ну надо же!

Среди визиточной россыпи обнаружилось и несколько инородных тел: бумажные шарики-снежки, прилетевшие сюда прямиком из якутского романа. Брагин даже подхватил один из них и воровато сунул себе в карман. И снова переключился на визитки: доминировали вовсе не рестораны, кафе и фитнес-клубы. Там было полно всяких имен, и будь у Брагина возможность – он обязательно всмотрелся бы в эти имена. Чисто из отшлифованного годами профессионального любопытства. Но такой возможности ему не представилось: перед следователем вырос Ханбунча.

Как хрен на грядке, подумал Брагин, на всякий случай улыбнувшись романисту-администратору. Самому же Ханбунче даже напрягаться не пришлось: улыбка и без того сидела на его лице, как приклеенная.

– Надеюсь, вас уже ввели в курс дела? – поинтересовался Брагин. – Хотя бы приблизительно?

Ханбунча энергично закивал головой, после чего Брагин достал фотографию девушки из автобуса № 191 и сунул ее под нос якуту.

– Помните ее?

Снова энергичный кивок головой.

– Расскажите все, что знаете.

– Плохо говорю по-русски, – без малейшего акцента ответил Ханбунча.

Ах ты, сукин сын, песья голова!

– Расскажите все, что знаете, в пределах вашего словарного запаса.

– Сёп.

Брагин уже слышал это слово, и, очевидно, оно означало согласие. Потому что Ханбунча очень живо изобразил работу мысли: наморщил низкий лоб, затеребил пятерней подбородок и даже пошевелил ушами. После чего прогнал желваки: вверх-вниз, вверх-вниз.

Улыбка при этом никуда не делась. И в узких глазах продолжала покачиваться антрацитовая лебединая тьма.

– Пришла, как обычно. Как вы пришли. Постучала. Я открыл. Всё.

– Всё?

– Потом закрыл. Когда она ушла. Часов через шесть примерно.

– И все шесть часов она находилась здесь?

– Один человек здесь десять часов провел. Один человек – двенадцать. Один человек – двенадцать и на следующий день еще пять. Некоторые неделю ходят. Сложная работа. Для терпеливых.

– Надо полагать, они разговаривали с Никой? Может быть, вы слышали разговор?

– Не слышал. Я здесь, они – там. – Ханбунча выбросил руку в сторону кресла. – Но мастер и не говорит обычно.

– В процессе работы?

– В процессе, да.

– А до начала? Знаете, как бывает? Встретились старые знакомые... Обнялись – расцеловались...

– Нет.

– Что – нет?

– Не целовались. Не обнимались. И знакомы не были.

– Ну а как она сюда вообще попала, девушка? Вы ведь работаете по предварительной записи, насколько я понимаю.

– Так и есть. – Ханбунча снова с готовностью затряс головой.

– Записью занимаетесь вы?

– Да.

– Девушка, о которой мы говорим... Она как-то представилась? Оставила свои координаты для обратной связи?

– Не так.

– А как?

– Написала в интернете.

– На сайте?
– На сайте, – секунду подумав, согласился Ханбунча. А потом добавил, подумав чуть подольше: – Но может, и нет.

- Где же еще?
- Может, в специальной программе.
- Какой?

Немудреный вопрос почему-то поверг Ханбунчу в уныние:

– Русские слова – и то не все сразу запомнишь. А с нерусскими вообще беда.

- Мессенджеры какие-нибудь? Вайбер? Вотсапп?
- Точно. – Голос Ханбунчи стал еще унылее. – Там и писала.
- Я могу взглянуть на ее переписку?
- Наверное.
- Это касается середины октября.
- Тогда нет.
- Почему?

– Таких переписок с гору наберется. Слишком много людей в этом городе, и все хотят сюда попасть. Пишут и пишут. Звонят. Но пишут больше, а это до чёрта места занимает. А телефон не резиновый. Вот и приходится чистить его каждые две недели, удалять старые записи. Уже и ноябрьские удалил, и начало декабря. Так что говорить о том, что случилось в октябре, и смысла нет.

– Пожалуй. – Теперь и Брагин приуныл.

Но не так чтобы очень сильно.

Ситуация была безнадежной лишь на первый взгляд. Второй взгляд упирался в телефон, а телефон – вещь оруэлловская, почти всемогущая. Любые звонки, отправка любого сообщения фиксируются сотовым оператором. Получить их распечатку в рамках уголовного дела не составит труда. Все последующее сводится к установлению владельцев номеров. Не исключено, что среди них окажется и жертва убийства из автобуса № 191. Звонившая в салон «Йоа и ездовые собаки» накануне своего визита сюда, в середине октября.

Визит же самого Брагина можно считать отработанным полностью. Осталось только узнать, что означает «Йоа».

...То, чего не сыщешь в залежах у подножия высокомерного IMас, – визитку с названием этой закуской.

Вполне возможно, что она откликается и на *рыгаловку*, и на *тошиловку*, – у Грунюшкина просто нюх на подобные заведения. Не псевдосоветские вроде «Толстого ффраера» с соответствующим антуражем и нехилым ценником, а вот такие – затерявшиеся во времени. Никакого тебе вай-фая. И плазмы диагональю в полтора метра не наблюдается. И кофемашины тоже, хотя в закусочной здорово пахнет кофе. Запах – единственный инородный элемент, все остальное – почти как в детстве Брагина, пришедшемся на конец восьмидесятых: несколько столов, покрытых не самыми свежими клетчатыми скатертями. И любой из столов – какой ни возьми – обязательно будет покачиваться. Пока не подложишь под охромевшую ногу вдесятеро сложенную салфетку.

Этим и занимался Грунюшкин, когда Брагин вошел в заведение со странным названием «ЧАБАНЫ»; наверное, речь идет о тех, кто пасет скот на горных пастбищах. Под прикрытием пастушьих собак (не путать с ездовыми).

Впрочем, собак в «Чабанах» не наблюдалось, зато имелся кот, вопреки всем санитарным нормам развалившийся прямо на стойке. Кот был черный, крупный – как раз такой, о котором Брагин и мечтал. Но так и не смог завести по не зависящим от него обстоятельствам. Сначала – был слишком молод и руки не доходили, а потом женился, остепенился – и вроде бы самое время, но...

У Кати аллергия на кошачью шерсть.

Так что доживать придется без кота.

Грунюшкин, справившийся наконец с ножкой стола, поднял лохматую голову и приветственно помахал Брагину.

– Ну, что за срочность? – вместо приветствия спросил Брагин, плюхаясь на стул напротив приятеля.

– Кофе или чай? Чай, между прочим, марокканский.

– Угу. А нарды выдают?

– Особо одаренным.

– Что случилось-то?

– Случилось.

Еще на выходе из «Йоа и ездовых собак» Брагин получил от

Грунюшкина эсэмэску с одним коротким словом – «**asap**». Чертов асап (что в английском варианте означало «as soon as possible», а в русском соответственно – «как можно скорее» или «при первой возможности») периодически всплывал в телефоне Брагина. Но это вовсе не означало, что нужно срочно бежать куда-то и тушить огонь керосином. Как киношник со стажем, Грунюшкин был склонен к художественным преувеличениям, и за асар могло сойти все, что угодно. Крах очередных отношений Грунюшкина с очередной старлеткой/хлопушкой/гримершей. Или обсуждение ближайших выходных – хорошо бы навалиться как следует и поприбивать-таки полки в новой Лёхиной квартире. Семидесятиметровой, с панорамными окнами и видом на Петровский остров, Крестовский остров, а также парки, речушки и пруды. Квартира в элитном жилом комплексе «Леонтьевский мыс» была куплена за бешеные миллионы больше года назад, но коробки со скарбом все еще стоят нераспакованные. И старлеток с хлопущками Грунюшкин к себе не приглашает, потому что дом – это святое, и *не фиг всяким шлюхам письки в нем полоскать*.

Все-таки Лёха – страшно циничный человек.

А вместо гипотетического прибивания полок можно сосредоточиться на сезонных видах спорта, футболе или хоккее, вот только Брагин с Грунюшкиным не болельщики. Да и выходных у них почти не бывает.

Ненормированный рабочий день.

И сейчас был рабочий день, самая его середина, а у Брагина и половины не сделано из запланированного. Но асап есть асап.

Сразу же после сброшенной эсэмэски Грунюшкин перезвонил:

– Ты где сейчас географически?

– На Правды.

– Там и оставайся.

– Времени у меня немного.

– У меня тоже, – успокоил следователя Грунюшкин. – В полчаса уложимся. Ну, или в сорок минут при самом неудачном раскладе.

После этого Грунюшкин дал наводку на «Чабанов», клятвенно заверив, что будет там даже раньше Брагина. Поскольку сам находится в центре, а дело не терпит отлагательств.

И вот теперь он сидит напротив Сергея Валентиновича с заговорщицким видом, но для начала предлагает выбрать: кофе или чай.

– Кофе здесь варят по-турецки. На песке. Аутентично, но ждать придется минут двадцать, – сказал Грунюшкин.

– А чай?

– Также аутентично, только быстрее.

– Тогда чай. – Брагин, которому до смерти хотелось кофе, вздохнул. – Ну, выкладывай. Чего еще стряслось. Консультация налоговика нужна? Дэпээсники подрезали?

– Перепрофилируюсь, Серёга.

– Не понял?

– Меняю мелодраму на психологический детектив. Так звезды встали. Телевизионные в том числе.

– Ну, а я при чем?

– При мне. Вернее, при нашей производящей компании. Мы – люди в вашей профессии малоискушенные. Нахватались чего-то там по верхам, – ну, так в бабских слезоточивых историях больше и не нужно. А теперь на дурик не прокатит. Специалист требуется. Консультант. Отслеживать материалы на достоверность изложения. Ну и вообще... Держать в узде кинофантазии, чтобы потом зрители нас в наше же говно не тыкали. Зрители, они такие. Никого не прощают, уроды. Шаг влево, шаг вправо – расстрел. Пойдешь консультантом?

– Нет. У меня своей работы по горло.

Грунющкин, казалось, не слышал Брагина. Или – отказа Брагина, так будет точнее. Он вообще не воспринимал слово «нет», если это слово было обращено к нему. Такая вот аберрация слуха, присущая конченым эгоистам.

– Смотри. Упоминание в титрах – раз. Опять же – приработок. В принципе по ставке, не бог весть какой, но тут уж я постараюсь.

– Да мне своей зарплаты хватает, – соврал Брагин.

И Грунющкин тотчас же поймал его на вранье.

– При ваших текущих расходах... Меня-то не лечи.

– Давай не будем об этом.

– Хорошо, не будем. Но в принципе... Можешь даже сняться при желании.

– Это как?

– Как Хичкок. – Лёха растянул рот в улыбке, показывая идеально ровные, ослепительно-белые и совершенно невозможные для гиблого болотистого Питера зубы. – Камео. Слыхал?

– Нет.

– Камео – это когда ты появляешься на экране в роли самого себя.

– Не хватало еще!

Брагин едва не поперхнулся только что принесенным чаем – слишком мятным, слишком сладким; поданным в слишком маленьком стеклянном стаканчике, почти рюмке.

– Ну... Не хочешь самого себя изображать – можешь изобразить

жертву. Или преступника. Это тебе даже больше подойдет. Майкл Карлеоне, а? В его русской ипостаси. – Тут Грунюшкин нагнулся к Брагину и театральным голосом произнес: – *Вы оскорбляете мой разум.*

– Вот именно. – Брагин рассмеялся.

– Нет, ну я что-то такое подозревал. Исходя из твоего говенного характера. Если упрешься рогом – хрен тебя сдвинешь.

– Могу подобрать тебе подходящую кандидатуру из наших. Желающие найдутся.

– Это я и сам могу. Просто сунулся к тебе, своему лучшему другу, с правом первой ночи... Зря, думаешь?

– Угу.

– Ну, а разовый вариант?

– Разовый?

– Помощь в отдельных случаях. Пробежаться по тексту, указать на конкретную лажу. Кое-что подправить, если материал вопиет... Такое возможно?

– Такое – да, – сдался наконец Брагин.

– Хе-хе. С паршивой овцы – хоть шерсти клок.

Грунюшкин отогнул рукав свитера, бросил быстрый взгляд на часы и нахмурился. И взгляд этот не остался незамеченным.

– Пора? – спросил Брагин.

– Так мы договорились?

– В общих чертах.

– Ага. А может, ты еще пару историй подгонишь? Из своей, так сказать, практики?

– Почему же «так сказать»? Практика самая настоящая.

Брагин поморщился. Но обида получилась короткой, на три секунды, не дольше. Обижаться на Грунюшкина – все равно что обижаться на бесснежный слякотный декабрь или лежащее на голове небо. Стихия-с. Ничего с ней не поделаешь, а недовольные всегда могут пройти с вещами на выход – в сторону Доминиканы.

Вот и Грунюшкин – стихия.

– Что-нибудь интересное есть? Убийство десяти негритят в Восточном экспрессе в режиме реального времени? Не?..

Убийство в автобусе № 191 будет покруче любого Восточного экспресса, а ни одной удобоваримой версии пока не сложилось.

– Не с нашим еврейским счастьем такие сюжеты. – Брагин попытался придать своему голосу простодушную беспечность. – Все больше бытовуха. Поножовщина и прочие... тяжкие телесные споры

хозяйствующих субъектов.

– Рутина, короче.

– Именно.

– Сколько лет тебя знаю, а ничего не меняется.

Грунющкин скроил скорбную физиономию, но тут же улыбнулся во весь свой безупречный фарфоро-фаянсовый фасад. И улыбка эта предназначалась вовсе не Брагину, а тому, кто возник у него за его спиной.

– Опаздываешь, – проворчал Грунющкин, но прозвучало это не укоризненно, а как-то весело и даже восхищенно. Как будто Лёха уже не надеялся на появление человека, а он взял и появился.

Человеком этим оказалась девушка. И не просто девушка, а... Элка Гусарова. Самая большая любовь брагинской юности, единственная. Умом Брагин понимал, что быть такого не может, а вот поди ж ты – Элка стояла перед ним и никуда не собиралась исчезать.

– Дыру протрешь, – шепнул Брагину Грунющкин.

– Ага. – Брагин и хотел бы отвести взгляд, но он все не отводился.

– Есть у тебя еще минут пятнадцать?

– Ага, – совсем уже на автопилоте подтвердил Сергей Валентинович.

– Тогда имеет смысл познакомиться.

– Ага.

– Это Дарья Ратманова, наш сценарист. Очень талантливая девушка. Многообещающая... во всех смыслах. А это – Сергей Валентинович Брагин. Гений сыска. Профессионал высочайшего класса. Возможно, придется немного поработать вместе. Никто не против?

Ну, конечно, это была не Элка. Хотя внешнее сходство поражало. И теперь, глядя на Дарью Ратманову, Брагин вдруг подумал: а как он вообще мог влюбиться в Элку? Ну да. Славная мордашка, ямочки на щеках, пухлые губы, вьющиеся волосы и умопомрачительная фигура – от Элки Гусаровой за версту веяло какой-то наивной и при этом – совершенно деморализующей сексуальностью. Или это Брагин был так наивен?

Одно не исключает другого.

Воздушно-капельная Элка отлично знала, чего хочет: как о страшном сне забыть о Гепатитах, удачно выйти замуж, желательно – за иностранца, желательно – состоятельного, а за неимением иностранца и русский сойдет. Но к изначально пораженному в правах русскому и требования предъявлялись несколько другие. Не просто состоятельный, а олигарх. Или банкир, или управленец высшего звена; в конце концов, и ямочки, и кудряшки стоят денег, не говоря уже об умопомрачительной фигуре. В результате всё у Элки Гусаровой получилось – и заграница, и муж-

итальянец. Не будь его, нашелся бы и банкир, так что Брагину с его Бармалеевой, неработающей голландкой и предложением руки и сердца ничего особо не светило. Сергей Валентинович по тем временам мог предложить ей только город получше и квартиру получше, но отнюдь не кардинально лучшую жизнь. А тяга Элки к этой лучшей жизни была всепоглощающей, и из капкана, куда загнали ее обстоятельства, она вырывалась отчаянно. Могла бы и лапу себе отгрызть в свободолюбивом порыве, как какое-нибудь животное вроде лисицы.

Дарья Ратманова была свободна по определению. И ей совершенно не нужно было вытравливать из себя Гепатиты или остров Диксон, или Саратов с Энгельсом. Остров Диксон даже предпочтительнее, чем все остальное, – такой себе факт биографии. Простуженной, хрипловатой. Настоящей, а не подсмотренной в интернете, на сайте «Проза.ру». И ямочка у Дарьи была одна – против двух Элкиных: на правой щеке. А глаза – теплые, светло-карие, с янтарными точками. Цвет же Элкиных глаз Брагин позабыл напрочь.

Как оказалось.

Дарья Ратманова сняла полупальто, неуловимо похожее на морской бушлат, и бросила его на подоконник (Брагин и Грунющкин сидели за столом возле широкого и низкого окна). Туда же полетел простенький тканевый рюкзак. А потом девушка устроилась напротив Брагина и принялась бесцеремонно разглядывать его.

– Кофе здесь варят по-турецки. На песке. Аутентично, но ждать придется минут двадцать. – Грунющкин слово в слово повторил фразу, сказанную Брагину. – И есть чай. Тоже аутентично, только быстрее.

– Тогда кофе.

Дарья улыбнулась, и Брагин снова увидел одинокую ямочку у нее на щеке.

И понял, что пропал. В одну секунду.

Это не было уколом в сердце, это вообще никак не касалось сердца, хотя Брагин предпочел бы, чтобы касалось. И правда, почему не вытащить этот несчастный орган на свет божий? А потом призвать дюжину хороших футболистов во главе с Месси и Криштиану Роналду, и чтобы Серхио Рамос в защите, а Буффон на воротах. И пусть пинают брагинское сердце бутсами и гонят его в штрафную площадку, раз за разом создавая голевые моменты.

А Буффон молодец, как ни крути, – вытаскивает самые безнадежные сердца.

Интересно, любит ли Дарья Ратманова футбол? Хотя бы в формате

мундиалю? Брагин цепляется за эту нехитрую мысль, за этот вопрос, который никогда не задаст. Лишь бы не думать о бетонной плите, обрушившейся на него.

Так и есть.

Это не укол в сердце, это – бетонная плита.

Его давнее чувство к Элке Гусаровой, вспыхнувшее, как лесной июльский пожар в Калифорнии (при всей его безнадежности), не было таким уж безнадежным.

Оно было правильным.

Тогда молодой парень Сергей Брагин взял и влюбился в юную красотку Элку, потому что парни всегда влюбляются в девушек. И страшно хотел затащить ее в постель, потому что все парни этого хотят. И хотел жениться на ней, такое тоже случается – и весьма часто. Ничто не стояло между ними, никаких отягчающих обстоятельств.

Сколько лет Дарье Ратмановой?

Брагин вечно путается в женском возрасте, что вполне объяснимо: за два последних десятилетия женщины изменились и так крепко держат молодость за холку, что и в тридцать выглядят на двадцать, а в сорок – на тридцать. Косметика, медицинские процедуры и все такое, включая бег и фитнес. К Дарье Ратмановой это не относится, Дарья молода сама по себе, без всяких ухищрений.

Наверное, ей нет и тридцати.

Те, кому нет и тридцати, вечно пялятся в гаджеты, сидят в смартфонах и планшетах, головы не поднимая. Впрочем, и те, кому есть, – тоже пялятся. И кто значительно старше – Грунюшкин, например. При Дарье Ратмановой нет никакого телефона. Наверняка он существует, но глубоко спрятан – в кармане или в рюкзаке. Ничто не отвлекает Дарью, ничто не мешает ей изучать ландшафт.

Сергей Валентинович Брагин – часть ландшафта.

Не первой свежести мужчина, ничем не примечательный, не похожий ни на Тома Круза, ни на Брюса Уиллиса. *Эка ты хватил, Валентиныч!* И Круз, и Уиллис – давно уже старперы, хотя Том еще пытается держаться, а Брюс всё – поплыл. Спекся. Лучше не смотреть в его сторону, чтобы не видеть, что сотворило время с кумиром юности. *И с тобой сотворит, куда денешься.* А Дарья Ратманова еще долго будет юной.

Вечно.

Студент юрфака Сергей Брагин только о том и мечтал, чтобы переспать с Элкой Гусаровой. Старший следователь Сергей Валентинович Брагин не может допустить даже мысли об этом. И если вдруг она

появится, достаточно будет вспомнить о Кате. О чудесной Кате, умной, ироничной; она не из тех, вслед кому мужчины инстинктивно оборачиваются, но... *дураки вы, братцы!* Сам Брагин всегда считал, что ему страшно повезло с женой. Она – друг и близкий человек, а уже потом все остальное, мужское-женское. Испепеляющей страсти не было изначально, и животного влечения не было, но Брагин не в претензии, не внакладе. В силу своей профессии он несколько раз разгребал последствия таких вот страстей: убийства и тяжкие телесные на почве ревности, превышение необходимой самообороны в состоянии аффекта и – вишенкой на торте – расчлененка. Если сравнить любовные отношения с разожженным камином, то их отношения с Катей – камин электрический.

Это – безопасное и ровное тепло.

Дарья Ратманова обжигает. Не абстрактно, конкретно. Конкретного человека, Сергея Брагина. Каким-то внутренним слухом Брагин слышит, как потрескивают его волосы, его ресницы. Лицо тоже обожжено, интересно, как это выглядит со стороны? Как он сам выглядит со стороны?

Дарья Ратманова улыбается. Брагину кажется, что саркастически.

– Есть одна задумка, – как сквозь толщу воды услышал Брагин голос Грунющкина. – Но прежде, чем реализовать ее, хотелось бы услышать твое мнение.

– Что за задумка?

– Разнести все это сериальное болото. – Дарья Ратманова вклинилась в разговор с веселой яростью. – Взорвать к чертям.

– Ну, не так кардинально. – Грунющкин вздохнул.

– Именно так. Вам самому не противно малохудожественным дерьмом заниматься, Алексей Алексеевич?

– Я – человек подневольный. Есть политика каналов, и никто не позволит нам ее менять. И есть зритель...

– Да-да. Есть зритель – на него и срите.

– Дарья! – Грунющкин покачал головой. – Сергею Валентиновичу наши профессиональные склоки ни к чему.

– Как будто он не смотрит телевизор, – огрызнулась Дарья.

– Я не смотрю телевизор. Времени нет, – теперь уже завздыхал Брагин.

– Хоть кому-то повезло.

Следовательно, с трудом оторвавшись от лица Дарьи Ратмановой, уставился на Грунющкина. Так, как будто видел его впервые. Впрочем, эта версия Лёхи и впрямь была незнакома Брагину. Циничный сукин сын, ни в грош не ставивший женщин, обращался с молодой сценаристкой не то чтобы вежливо, а... С какой-то отцовской снисходительностью.

А Дарья Ратманова принимала это как должное.

Или это – не отцовская и не снисходительность?.. От одной только мысли, что между Дарьей Ратмановой и Грунюшкиным существуют *известные отношения*, по спине Брагина заструился пот. Но, скорее всего, никакого пота не было – просто неприятные ощущения, холодом вгрызающиеся в позвоночник.

Нет.

Он хорошо знает Грунюшкина и его незатейливые вкусы. Девушка (женщин после тридцати Грунюшкин как сексуальный объект не рассматривает, а до тридцати – все девушки) не должна умничать и качать права. Не должна перебивать мужчину и относиться к нему без должного почтения.

Страдаешь ПМС – свободна.

Намекаешь, что неплохо бы сочетаться законным браком, – свободна.

Болит голова и лучше бы приурочить секс к ближайшим выходным – свободна.

Нужны денежки на новые балетки – свободна.

Справедливости ради Грунюшкин – не жмот. Просто терпеть не может, когда хоть кто-то пытается накинуть на него узду, а такой соблазн рано или поздно возникает и у гримерш, и у хлопушек. И лишь старлетки стоят в стороне.

У них – совсем другие интересы. Шкурные.

Правда, в последнее время страсть Грунюшкина к актрисам-дебютанткам сошла на нет – в связи с сотрясающими Голливуд сексуальными скандалами и обвинениями столпов кинематографа в грязном *харассменте*. Понятно, что масштаб Голливуда и затрапезной производящей компании «Телесто-фильм» несопоставим, а Алексей Алексеевич Грунюшкин – ни разу не Харви Вайнштейн, *но от наших полоумных всего можно ожидать, куда конь с копытом, туда и рак с клешней*.

В прошлом месяце, во время очередного *asap'a*, Грунюшкин как раз и жаловался Брагину на чудовищное положение вещей.

– Неизвестно ведь, откуда может прилететь, Серёга. Я-то всех не упомню, ясен перец, но меня они вряд ли забыли.

– Может, пронесет. – Брагин попытался утешить друга, но вышло не очень убедительно.

– И так на дно залег. Веду себя, как писа...

– Ладно, не переживай, в случае чего общественность тебя отобьет. Возьмет, так сказать, на поруки.

– Может, мне куклу купить в секс-шопе? Эта уж точно не сдаст. И помой по соцсетям не расплескает.

Все это напоминало стеб. Да и было стебом. Грунюшкин – неисправимый бабник, без своих *цыпочек* он хандрит и чахнет. И старается быть честным с ними – в своем понимании. Никаких обязательств, кроме обязательства быть нескучным в постели. И вообще – нескучным.

Хорошо, что перед Брагиным такие циклопические задачи не стоят.

– ...Ну, что? – спросил Грунюшкин у Дарьи Ратмановой. – Годится как прототип?

Оба они рассматривали Брагина, как мартышку на проволоке, с неким недоверием во взглядах. И если Дарье это было простительно (она видела Сергея Валентиновича впервые в жизни), то Лёха... *Что с тобой, дружище?* – хотелось спросить Брагину, но он почему-то помалкивал.

Даже странно.

– Ну, не знаю, – ответила Дарья. – Сейчас в детективном тренде – асоциальные герои.

– Какие герои? – слегка струхнул Брагин.

– Главные. Сыщики. Вы – сыщик, да?

– Следователь.

– А-а-а. – Легкое разочарование в голосе девушки снова окатило холодом брагинский позвоночник.

– Но тоже имеет отношение к убийствам, – вступился за друга Грунюшкин. – И прочим тяжким преступлениям.

– Опосредованное?

– Самое непосредственное. – Грунюшкин обиженно засопел.

– Это так? – Дарья Ратманова перевела взгляд на Брагина.

– Да, – коротко ответил он.

– Хорошо.

До сих пор Брагин принципиально избегал детективов, считая их удаленными от реальности настолько, насколько удалена от Солнца планета-гигант Юпитер. Все в них было неправдой, досужими размышлениями авторов на тему, о которой они и понятия не имели. Творческие люди вообще мало о чем имеют понятие – в этом Брагин был убежден абсолютно и не раз пытался донести это убеждение до Грунюшкина.

И Грунюшкин охотно соглашался:

– Ну, а чего ты хотел, Серёга? Никому твоя профессиональная правда не нужна. Ведь что она такое? Смертная тоска, обыденность, гора бумажек. А людям нужен Лас-Вегас. Чтобы фонтаны крови и фейерверк из

оторванных голов. Это с одной стороны... С другой – головы эти должны быть легко узнаваемы.

– В смысле? – удивлялся столь забористой логике Брагин.

– В смысле, что новые знания людям ни к чему. Они про себя кино хотят увидеть. Про тебя им неинтересно.

– Как их головы летят? А они на это смотрят со стороны, лежа на диване?

– Ну...

– Не понимаю.

– Я и сам не понимаю. Но это и есть диалектика искусства.

Очевидно, Дарья Ратманова разбиралась в искусстве (а заодно и в диалектике) намного лучше, чем бывший гуманитарий Грунющкин. И Брагин вдруг почувствовал настоятельную потребность ликбеза: пусть Дарья просветит его, желательно – немедленно.

Пока ее кофе не остыл.

– Ну, а почему герои должны быть обязательно асоциальными? – спросил он.

– Потому что Шерлока Холмса еще никто не переплюнул. От этого уходили, но все равно вернулись.

– Значит, все уже было?

– Даже серийные убийцы отметились. Про запойных алкашей я вообще не говорю. И про наркоманов, у которых все зубы шатаются. Но вы ведь не алкоголик, Сергей... мм-м...

– Валентинович, – услужливо подсказал Грунющкин.

Желание начистить Грунющкину физиономию (совсем как в юности) было таким жгучим и возникло так внезапно, что Брагин едва справился с собой.

– Не алкоголик. Не наркоман. Не серийный убийца. Не педофил и не проявляю никакого интереса к крупному рогатому скоту. К мелкому тоже. Так что прототип из меня получился бы неважный.

– Пожалуй.

Дарья рассмеялась чуть хрипловатым смехом, от которого у Брагина мгновенно пошла кругом голова.

– Вы никогда не были на острове Диксон? – неожиданно для себя спросил он.

– Имеет смысл побывать?

– Если он существует.

– Это где-то на Севере, да? – Она все еще смеялась, что провоцировало все новые и новые приступы головокружения. – Погодите. Вы думаете, что

я девушка с Севера?

– Нет? – Наконец-то Брагину удалось взять себя в руки.

– Вообще-то, я из поселка «За Родину».

– Так и называется? – глупо спросил он.

– Представляете? Это в Краснодарском крае, и это – лучшее место на земле.

Сложно понять, шутит ли Дарья Ратманова или говорит правду. В любом случае каждая из версий восхитительна, и Брагину тоже хочется смеяться – как и Дарье. Брагину хочется смотреть на нее, неотрывно наблюдать за короткими янтарными вспышками в ее карих глазах.

– Остров Диксон таки существует, – заявил Грунюшкин, последние несколько минут копавшийся в своем айфоне. – Общая площадь около двадцати пяти квадратных километров, метеостанция, дизельная станция, аэропорт. Два часа лета от Северного полюса, если кому-то интересно.

– Ну, раз ты в интернете, посмотри еще, что такое Йоа, – сказал Брагин.

– А это важно?

– Для понимания момента.

Вдруг сделавшийся безотказным Грунюшкин нашел и Йоа. Загадочную и накрепко пристегнутую к ездовым собакам. «Йоа» оказалась яхтой, экспедиционным судном полярного исследователя Руаля Амундсена, сохранившимся до наших дней. *Все-таки андрогины предсказуемы*, подумал Брагин о Нике Селейро. И тотчас же забыл о ней.

– Это как-то связано с островом Диксон? – спросила Дарья.

– Это связано с одним убийством, – ответил Брагин и тут же поправился: – С одним двойным убийством.

– И вы его расследуете?

– Да.

– Расскажите о нем?

– Может быть, позже. Это... Резонансное убийство.

– О котором все слышали краем уха?

– Возможно.

Черт знает, что такое. В жизни своей Брагин не распускал перья и не тряс павлиньим хвостом – и вот, пожалуйста! Катя умерла бы со смеху...

Катя.

Он не чувствует угрызений совести – только досаду. Как же все поменялось за те двадцать минут, что Дарье Ратмановой несли кофе. И продолжает меняться, каждую секунду. Жизнь с Катей (особенно в последнее время) – блуждание по пустыне в тщетных поисках дождевых

капель. А ведь где-то есть совсем другая жизнь! Брагин и забыл, что она существует.

– Мне пора, – сказала Дарья.

И добавила что-то еще – Грунюшкину. Что-то о том, что переписывать финальный монолог она не собирается, и пусть редактора канала засунет свои правки себе же в жопу. Эти мудаки и так подставили ее, изменив возраст главной героини и понизив его до фертильного. Потому что, видите ли, *зрителю нашего канала* важно, чтобы героиня встретила свою любовь и забеременела двойней. Грунюшкин почти не защищался, лишь слегка порывивал: он-де и так отстоял многое из придуманного Дарьей Ратмановой, а от двойни, благодаря его усилиям, отказались, в последний момент заменив ее традиционным одиноким младенцем. И Алексей Алексеевич заплатит за кофе, конечно же.

После того как пикировка закончилась (так же неожиданно, как и началась), девушка вынула из рюкзака тонкий блокнот размером с ладонь, что-то быстро черкнула в нем и, вырвав листок, пододвинула его Брагину.

– Мой телефон. Если вдруг решите в подробностях рассказать историю. О которой все уже слышали. Приятно было познакомиться.

Дарья Ратманова ушла, а Брагин все сидел и смотрел на листок с автографом сценаристики. Ему хотелось немедленно схватить этот клочок бумаги, чтобы он, не дай бог, не испарился, не самовоспламенился, не превратился в пепел. А еще его может похитить официант, который спит и видит, как бы побыстрее смахнуть грязную посуду со стола. Выдержав минуту, показавшуюся ему вечностью, Сергей Валентинович со всей небрежностью сложил листок вдвое и сунул его во внутренний карман пиджака. И уставился на Грунюшкина, внимательно наблюдавшего за всеми брагинскими манипуляциями.

– Что это было? – спросил Брагин.

– Стихийное бедствие. Характер у нее отвратительный, согласен. Не знаю ни одного человека, который мог бы ее вытерпеть дольше пяти минут. Я сам ее ненавижу... Иногда. Так бы и отстегал ремнем по заднице, чтобы мозги вправить. Но...

– Что?

– Мозги у нее как раз на месте. Очень талантливая девка. И у меня на нее виды.

Опять это дурацкое желание набить Грунюшкину морду. Оно не посещало Брагина почти двадцать лет, со времен Элки Гусаровой, и вот теперь вернулось. Второй раз за последние полчаса. Справиться с ним не так уж сложно, а вот как справляться со всем остальным?

– В каком смысле – виды?

– Говорю же, талантливая. Три первые ее заявки канал с ходу утвердил. Потом, правда, намучились... Она с гонором. Ну, ты и сам видел. Это еще она тебя стеснялась, потому и держала себя в руках. Я бы плюнул давно, но хорошие сценаристы на дороге не валяются. А тебе она как?

– Никак, – соврал Брагин. – Мне-то что? Я не киношник. А вообще, предупреждать надо. Прежде чем рояль из куста выкатывать.

– Да ладно тебе. – Грунюшкин добродушно хохотнул. – Это я для чистоты эксперимента. На реакцию хотел посмотреть. Вдруг ты струпьями пойдешь, если она к тебе ближе чем на метр подсядет.

– С чего бы ей подсаживаться?

Сердце Брагина, забытое в раздевалке футбольной *dream-team*, неожиданно шевельнулось и остро закололо. Плохой симптом, очень плохой.

– Ты чем слушаешь, Серега? – Грунюшкин даже обиделся. – Если уж отказываешься консультировать на постоянной основе... Встреться с девицей пару раз, байки следственные потрави. Случаи из жизни криминального мира, и чтобы покровавее. Процессуальный культпросвет, опять же, не помешает. Договорились?

– Посмотрю, что можно сделать.

– Посмотрю, – поддразнил Брагина Грунюшкин. – А телефончик-то спрятал!

– С чего ты взял? Просто положил в карман. На столе, что ли, было его оставлять?

– Ну да. Все правильно.

Грунюшкин хотел сказать что-то еще, но это «что-то» перебил короткий и требовательный стук пальцев по стеклу. Оба мужчины синхронно повернули головы к улице за окном: там, посередине тротуара, стояла Ника Селейро.

Ноги андрогина широко расставлены, куртка распахнута (из-под нее проглядывает уже знакомая Брагину жилетка); на стриженую голову наброшен капюшон – он защищает волну над бровью от робких снежинок, когда успел пойти снег?

Брагин удивлен.

Еще больше он удивлен появлению Ники. Не тому, что она оказалась здесь, рядом с забегаловкой «Чабаны», – в конце концов, ее собственный салон находится отсюда в шаговой доступности. А тому, что она пытается привлечь его внимание.

Ника уже сообразила, что Брагин увидел ее, – и исчезла, чтобы

появиться в маленьком зальчике спустя тридцать секунд. Этого времени хватило на пару вопросов, которые Груньюшкин (у него натурально отвисла челюсть при виде андрогина в окне) успел задать Брагину.

– Кто это?

– Так. Свидетель по делу. Только сегодня с ней общался.

– Офигеть, – громко сглотнул Груньюшкин. – Офигеть. Модель?

– Гений татуировки. У нее собственная студия здесь рядом, – пояснил Брагин, а потом, подумав, добавил: – Может, и модель.

Ника Селейро заглядывала сюда не впервые.

Она приветственно помахала рукой тихому баристе, больше похожему на паломника к святым местам, Мекке и Медине. Она погладила черного кота, все так же лежавшего на стойке, – и коту это было совсем не неприятно, напротив: он приподнял голову и тихо замурлыкал, когда пальцы Ники коснулись его шеи.

На пути к столику, за которым сидели Груньюшкин и Брагин, гений татуировки бросила официанту (больше похожему на паломника к святым местам, Гробу Господню и реке Иордан) таинственную фразу. Что-то вроде – *сомванлиг*.

– Никак нам не расстаться, – сказала она Брагину. – Но это даже хорошо.

– Что-нибудь вспомнили, Ника?

– Нет. Но есть соображение.

– Давайте.

– Тот телефонный звонок. Не опоздай к приливу.

– Да, я помню.

– Так вот. «Не опоздай к приливу» вполне может быть заведением неподалеку от Сенной. Что-то среднее между ночным клубом и букмекерской конторой с танцполом. Работает с семи вечера до шести утра. Раньше, во всяком случае, работало.

– Бывали там?

– Имела неосторожность. Та еще клоака. Правда, хозяева менялись раз пять. Иногда не по своей воле. Так что не исключаю, что сейчас там детские утренники в полный рост. И церковь летающего макаронного монстра выездные заседания проводит.

Покопавшись в карманах куртки, андрогин извлек изрядно потрепанную визитку и положил ее на стол рядом с Брагиным. На визитке – вполне ожидаемо – обнаружились волна и лодка без гребцов на гребне этой самой волны. И пара чаек, стилизованных под галки в стандартных бюллетенях для голосования.

НЕ ОПОЗДАЙ К ПРИЛИВУ! – шло по нижней кромке визитки.

– Вот, нашла у себя. Осталась от прошлой жизни. Телефоны наверняка изменились, но адрес тот же.

– Спасибо, Ника. Вы очень помогли. – Брагин слегка наклонил голову и прижал руку к груди в знак признательности.

– И поможете еще больше, – неожиданно вклинился в разговор Грунюшкин. – Если примете мое предложение.

– Предложение? – Татуированная волна над бровью Ники приподнялась.

– Хотите сняться в кино?..

Комиксы

...С пленками из лифтового холла подъезда № 13 ситуация разрешилась намного быстрее, чем предполагал Паша Однолет. Они существовали, – и это был несомненный плюс. Тут Паше явно повезло, оказалось, что перезаливали их гораздо чаще, чем требовала инструкция. О положении дел, слегка смущаясь, поведал Однолету секретарь правления ТСЖ – грузный, обильно потеющий мужчина со смешной фамилией Кудряшкин. Кудряшкин то и дело снимал мизинцем капли с кончика носа и через каждые пять минут повторял одну и ту же фразу: *не мы такие – жизнь такая*.

Кудряшкину казалось, что она все объясняет.

– Вы-то сами здесь живете? – поинтересовался Паша у толстяка, разглядывая перстень-печатку на рабочем мизинце: полкило золота и утопленный в нем шмат какого-то темного камня. С золотой же накладкой в виде переплетающихся букв: VK.

– Жена здесь... Прописана, – проблеял Кудряшкин. И, секунду помолчав, добавил: – И дочь.

– Надо полагать, на одной жилплощади маются?

– Ну зачем так? На разных. У дочери своя семья... Свадьба в следующем месяце. Не мы такие – жизнь такая.

– Записи с лифтовых камер можно посмотреть?

– В принципе можно. Но не везде они работают. Вмонтированы – да.

– Но не подключены?

– Людей не хватает. Вы же сами видите, какое хозяйство. Подъездов десятки. Людей – тысячи...

– Не мы такие – жизнь такая?

– Именно.

В результате общения с толстяком Однолету удалось-таки добраться до пленок, на которых жизнь Сандры на улице Коллонтай предстала в крайне урезанном варианте. Всего-то одна-единственная сцена с участием девушки – возможно, последняя, где жертва убийства была документально запечатлена еще живой.

От Паши потребовалась некая доля воображения, чтобы идентифицировать убитую – девушка выходила из ближнего к камере лифта, и лица ее не было видно. А видна была только наполовину прикрытая спущенным капюшоном голова, рюкзак за плечами (о нем

говорили кондукторша и водитель из автобуса № 191) и бумажный пакет в руках. Не слишком объемный, но, чтобы понять, что в нем, Пашиного воображения оказалось явно недостаточно.

Рюкзак унес предполагаемый убийца или кто-то, подсевший к девушке позже произошедшего убийства, а вот куда подевался пакет?

Грузин-водитель, который видел девушку на остановке (прежде чем та вошла в салон), – ни о каком пакете не упоминал. Не вспомнила его и Маврокордато. А уж она, по мнению Паши, была из породы вахтеров при плавательных бассейнах и консьержек при домах бизнес-класса: эти никогда и ничего не забывают и фиксируют в памяти даже самые незначительные детали. Эти детали не всегда всплывают на поверхность, но, при известных усилиях со стороны заинтересованных лиц, могут и всплыть.

Паша – заинтересованное лицо, это несомненно.

Короткий телефонный разговор с Маврокордато разочаровал Пашу. Та категорически отвергла наличие у Сандры бумажного пакета и, как ни пытал ее Однолет, стояла на своем: за спиной у девушки был рюкзак, а руки оставались свободными.

Для того чтобы попасть на остановку автобуса № 191, Сандра должна была пройти вдоль дома в сторону торгового центра «Лондон» и пересечь малоприметную улицу Нерчинскую, выглядящую как подъездная дорожка. Затем следовал еще один переход – через Коллонтай. В отличие от Нерчинской широкая, как проспект, Коллонтай была серьезной магистралью с интенсивным движением и выделенной трамвайной линией посередине. Искомая остановка находилась на противоположной стороне: от дома ее отделяли два светофора с голосовым сопровождением и два трамвайных пути. Если идти в хорошем темпе, до остановки можно было добраться минуты за три. Но сейчас Паша намеренно не брал в расчет время и сосредоточился на мыслях о гипотетическом содержимом пакета.

Пакет вполне мог оказаться мусорным – во всех смыслах слова.

Возьмем, к примеру, опера Павла Однолета. Он днюет и ночует на работе. Иногда даже пожрать некогда – вот и приходится довольствоваться фастфудом. Коробками с лапшой, гамбургерами навынос и шавермой. А о том, чтобы сходить в супермаркет и затариться чем-то более основательным, и речи не идет. Да хоть бы и не в супермаркет, а просто в магазин эконо-класса по соседству... В любом из них, кроме продуктов, можно купить пакеты для мусора. Но Паша всегда забывает делать это, вот как назло! И тогда под мусор идет все, что угодно, – в основном старые полиэтиленовые сумки из «Дикси», «О'кея» и прочих супермаркетов, но и

бумажные тоже встречаются. Правда, мусор раздувает эти сумки до безобразия, одного взгляда на них достаточно, чтобы понять: все они – первые кандидаты на помойку.

Но пакет Сандры очень уж чистенький и опрятный. Картофельные очистки и жестянки из-под шпрот там даже не ночевали. И, судя по размерам, в нем можно перенести одну вещь, максимум – две. Вопрос в том, что это за вещи и куда подевался пакет. Не пистолет же она туда засунула, в самом деле!..

Пистолет всплыл в сознании Паши в связи с квартирой № 1523, где было найдено тело Филиппа Ерского. Его вещи тоже нашлись, абсолютно все, – от трусов и джинсов до мягкого пуловера. Все эти сдержанные и даже невзрачные на вид тряпки стоили дороже, чем новая стиральная машинка, куда они были засунуты. Но не для стирки (на вещах не было ни пятнышка), а... для чего?

Спросить не у кого. Пока.

Потому что одежду Ерского в машинный барабан отправил убийца. Или сообщник убийцы, кто же еще. Однолету не очень-то хотелось думать в эту сторону, потому что там его поджидала Сандра с бумажным пакетом в руках. Игорь Самуилович Пасхавер, на попечении которого оказался труп Ерского, уже установил время смерти скрипача. Пока приблизительно – экспертное заключение ожидается в ближайшее время. Но и без него ясно, что если девушка покинула квартиру согласно времени, указанному на пленке с камеры в лифтовом холле, то не видеть труп она не могла.

Филипп Ерский был мертв уже как минимум час.

А насчет вещей Пашу просветил следователь районной прокуратуры Телятников, оказавшийся со своей бригадой на месте преступления раньше, чем Брагин и вечно ворчащий Пасхавер. От недолгого общения с Телятниковым у Паши остался не слишком приятный осадок. Похожий на бурую засохшую жижу, какая бывает на дне чашки с остатками какао, – если чашку не вымыть вовремя. От нее так просто не избавиться, хоть ногтями скреби. Вот и Телятникова хотелось с себя соскрести: он зачем-то прилип к оперу Однолету и всё поучал и поучал Пашу. По полкам разложил все его профессиональные косяки – нынешние и будущие. Мол, Паша неправильно сработал с местом преступления и с малолетним свидетелем. После нравоучений он перешел к красавчику Филиппу и как будто даже радовался тому, что с красавчиком произошло.

Аполлон, эти его мать. Тьфу.

Сам Телятников был далеко не Аполлон, скорее – сатир, если следовать греческой мифологии, но такая неприкрытая зависть к мертвому

человеку – к чему она? При жизни Филипп был знаменит и удачлив, в отличие от районного хмыря Телятникова, но смерть все обнулила. Смысл обсуждать расты в его волосах, ботинки и пуловер, извлеченный из недр стиральной машинки?

«*Пол и Шарк*», фирма такая, – заявил Телятников, вон, и акула вышита. Производит одежду для состоятельных яхтсменов и всякие парусные регаты спонсирует, но носят все, кому не лень. Вернее, только те, кому не лень, и носят. Тема яхты всплыла не просто так: в заднем кармане джинсов обнаружился заграничный паспорт покойного. И фотография, заткнутая за обложку: на ней как раз и была заснята яхта, которая поначалу показалась Паше едва ли не круизным судном. Филипп Ерский и неизвестный мужчина лет пятидесяти, обняв друг друга за плечи, смотрели в камеру и улыбались. Наверное, так же улыбались друг другу неведомые Однолету *Пол и Шарк*, заработав миллионы на шмотье.

Пускай Телятников думает о миллионах, хе-хе.

Потом Паша вдруг вспомнил, что shark по-английски и есть акула. И Полом в этом дуэте явно выступал красавчик, а его дружок по обнимашкам – конченным Шарком, судя по физиономии. Холеной и благообразной, но и хищной одновременно. Такой тип легко перекусит тебе хребет и дальше пойдет, вернее – поплывет, лениво помахивая плавниками.

Снимок, найденный в паспорте, был сине-белым: белая яхта, синее море, Филипп – с мокрыми волосами, завернутый в клетчатый сине-белый плед; Шарк в белоснежной рубашке, в красном шейном платке и капитанке с черным лаковым козырьком и золотым крабом на тулье. Красный платок – единственное, что выбивается из цветовой гаммы. За мужчинами, на нижней части рубки, висел спасательный круг с надписью «Стикс».

Очевидно, именно так и называлась яхта.

Установить ее владельца – чисто техническая проблема при таких вводных: имя и снимок с элементами конструкции... или это называется такелаж? Паша Однолет не силен в яхтинге. И физиономист неважный. Ему, к примеру, кажется, что спутник Филиппа – финансовый воротила, член совета директоров чего-нибудь градообразующего, и вообще упырь офшорный. А он может оказаться безобидным капитаном «Стикса». Или одним из приглашенных на яхту: директором филармонии, знаменитым нейрохирургом, да мало ли кем еще?

А проблема (и отнюдь не технического свойства) заключается в самой фотографии. Почему убийца оставил ее в паспорте? Не заметить снимка он не мог, как не заметить паспорта: убийца – человек основательный. Хладнокровный, внимательный к мелочам. Тот еще чистюля и аккуратист.

Как ни билась следственная группа в полном составе, обнаружить в квартире хоть какие-нибудь отпечатки она не смогла.

Всё вычищено и подтерто.

И вынесен мусор, если он вообще был. Странно, что коробки из-под пиццы остались. В одной валяется несколько потрепанных книг карманного формата, сплошь известные имена – Питер Хёг, Ю Нёсбе, Харуки Мураками. Но уважаемого Пашей Бегбедера среди них нет, – и выборку никак нельзя считать репрезентативной. Кроме книг (странное все же место найдено для крошечной библиотеки), уже в другой коробке, спрятана испачканная краской ветошь. Наверное, это как-то связано с рисунками на холодильнике.

Убийца предпочел не связываться с коробками, слишком уж громоздкие, но всё остальное приведено в идеальный порядок.

И всё говорит о том, что фотография в паспорте была оставлена намеренно, а вовсе не *не замечена* или забыта. Перебрасывая трап от мертвеца прямиком на яхту «Стикс», – какую цель преследовал убийца? А может, и не преследовал никакой: и фотография, вопреки тайным надеждам Однолета, важной информации не несла и замыкалась сама на себе. Ну встретились два мужика, ну щелкнулись – и разошлись. Каждый по своим филармониям и советам директоров. Живем дальше.

И умираем.

Тут сам капитан Вяткин голову бы сломал, что уж говорить о Паше Однолете?..

Если имя владельца яхты все еще было скрыто в тумане, то собственница квартиры выяснилась довольно быстро. Ею оказалась Лидия Генриховна Дезобри (1966 г. р.). Имя и фамилия показались Паше смутно знакомыми и, отвязанные от отчества, сложились то ли в новогоднюю праздничную подсветку на Троицком мосту, то ли в огни святого Эльма. А поисковый запрос подтвердил Пашины догадки, вывалив на голову опера сотни фотографий и десятки видео, биографическую статью в «Википедии» и кучу интервью в самых разных изданиях.

Лидия Дезобри была женщиной-мимом. А также – основательницей и бессменным руководителем театра пластики «Птичка Тари». И Дезобри, и пестуемый ею коллектив годами катались по Европам, Азиям и Америкам, собирая урожай из всевозможных премий на самых разных площадках. А с фотографий на Пашу взирала похожая на Пьеро девчонка. В отчаянно ярком театральном гриме и с отчаянно-рыжими, торчащими в разные стороны волосами. Были и снимки без грима, но Дезобри все равно оставалась рыжей девчонкой, несмотря на свои *слегка за пятьдесят*.

Эксцентричную Лидию Генриховну Паша без труда представил на яхте «Стикс» – третьей в компанию к Полу и Шарку. Но представить ее убийцей не получалось никак, хоть ты тресни. Должны, должны быть объяснения – и Однолет их раздобудет обязательно.

Объяснения не заставили себя ждать, и через несколько часов Паша оказался счастливым обладателем мобильного телефона Л. Г. Дезобри, – и даже двух. Один традиционно начинался с семерки и был отключен. Второй – с тридцати четырех. Код – *испанский*, как пояснила офис-менеджер мима – Соня, чем-то неуловимо похожая на свою шефиню. Чем именно – Паша так и не решил: то ли преувеличенные реакции на всё и сразу; то ли резкие и раскоординированные жесты, – как у куклы-марионетки в неопытных руках. Но Соня, в отличие от Лидии Генриховны, была полновата. И напоминала не позитивного, хотя и меланхоличного Пьеро, а Чаки – куклу-маньяка из фильма ужасов. Визит Паши совсем ее не обрадовал, и в беседу она вступила с неохотой. И только после того, как Однолет потряс в воздухе своими корочками, Соня сообщила, что Лидия Генриховна второй месяц находится с «Птичкой Тари» на гастролях в Европе. Южной. А в Испании собирается встречать Новый год, как и все последние несколько лет. И в Питере появится только в конце января, не раньше.

– Вы бы не могли связаться с Лидией Генриховной? – спросил Паша у офис-менеджера.

– Зачем? – Левый глаз у Сони дернулся.

– Это касается... м-ммм... ее недвижимости.

– Какой недвижимости? – Теперь уже пришли в движение оба глаза, а пальцы принялись отстукивать на столе что-то, сильно смахивающее на «Джингл Беллз».

– Квартира на улице Коллонтай.

Паше показалось, что Соня облегченно вздохнула. Как если бы ждала песчаной бури, находясь где-нибудь на окраинах Абу-Даби, а буря взяла и прошла стороной.

– Я не в курсе дела, – сказала наконец она.

– А кто в курсе?

– Лидия Генриховна. Это же ее недвижимость.

– Другой нет?

Паша спросил об этом просто так, но веки офис-менеджера мгновенно сомкнулись и тут же распахнулись снова, явив оперу совершенно остекленевшие расширенные зрачки.

– Я занимаюсь организацией спектаклей и гастролей, а не

квадратными метрами.

Нет, это все-таки было не стекло, а дерево. Будь зрачок стеклянным, он бы уже разлетелся от напряжения. От мўки, которую почему-то испытывала девушка. А дерево выдержало, и ничего ему не сделалось.

– Ясно. Тогда просто сообщите ей, что позвонит лейтенант Однолет из уголовного розыска. Это я. Предупредите, так сказать. Деликатно.

– А что, собственно, произошло?

– Небольшая проблема, – ушел от ответа Паша. – Но, думаю, она решится в ходе нашего разговора.

– Я попробую, – после некоторых колебаний заявила кукла-маньяк. – Но не уверена, что получится...

– А давно Лидия Генриховна увлекается яхтами?

Вот так сказал! Паша сам не ожидал от себя подобного вопроса, потому что за секунду до этого хотел спросить о Филиппе Ерском, знакомы ли с ним Дезобри.

«Отвалил бы ты уже, лошара!» – явственно читалось на Сониной физиономии. Но ответ прозвучал вежливо, хотя и несколько надменно:

– Может, и увлекалась бы, если бы всю себя не отдавала искусству. Она, между прочим, заслуженная артистка России.

– Очень рад за нее. И за... ваш прекрасный коллектив. Так вы передадите мою просьбу?

Вот и дерево не выдержало, пошло трещинами. И голос куклы мгновенно стал скрипучим, словно сухая ветка колотилась в стекло:

– Ничего не могу обещать.

– Послушайте, Соня. А есть ли кто-то еще, с кем имеет смысл переговорить? Члены семьи госпожи Дезобри. Муж, дети... Близкие родственники, так сказать. Я вполне могу ограничиться ими, чтобы не тревожить... м-м-м... диву по пустякам.

На диву вихрастая и беспокойная, как енот-полоскун, Лидия Дезобри не тянула, но очень уж Паше нравилось это слово.

Дива.

Впервые он услышал его от Бо. Ну, может, не впервые, да и контекст, в котором Бо его подавала, был, скорее, уничижительным. Когда речь зашла о какой-то ее врагине, дремучей провинциалке, пытающейся оттяпать место под столичным солнцем, Бо зашипела, как кошка, и выплюнула из себя: *тоже мне, дива*. Но в девственном сознании Паши «дива» немедленно сомкнулась с дивом. Чудом, укутанным жемчугом, униженным перстнями. Чудом, предстающим перед миром в ореоле грозových волос – черных, как вороново крыло.

– ...Ее семья – театр, – проскрипела Соня. – Никаких близких родственников нет, насколько я знаю.

– Не замужем, значит? – зачем-то переспросил Однолет.

– Бог миловал, – отрезала офис-менеджер, давая понять, что разговор окончен.

– Так я на вас надеюсь. Может быть, прямо сейчас наберете Лидию Генриховну? И быстренько уладим дело.

– Сейчас не наберу. Боюсь, что она вне зоны доступа.

– Хотелось бы решить этот вопрос оперативно.

– Этот вопрос решится как получится.

Вот и все, Павлундер. Опустилась гробовая крышка.

...Выйдя из офиса «Птички Тари», Паша направился в ближайшую кофейню: тащиться в отделение не имело смысла, а распланировать остаток дня – имело, и еще какой. Однолет заказал себе большую чашку капучино, улитку с мясом и шоколадный эклер и уселся на высокий стул за стойкой у окна. Отсюда хорошо просматривалась улица, забитая медленно ползущими и бесконечно сигналящими машинами. Яндекс сообщил Паше о девятибалльных предпраздничных пробках, чем вызвал у опера чувство удовлетворения. Ботинки «Тимберленд» были не единственной его мечтой и не самой главной. Оставались еще «колеса», какой-нибудь подержанный автомобильчик-кореец, недорогой в обслуживании. В принципе не такая уж это запредельная вещь – обзавестись автомобильчиком, под него и кредит взять не проблема. Но все упиралось в отсутствие прав. Паша никогда не сидел за рулем, и сесть было самое время – поступить в автошколу, тем более что рядом с Пашиным домом их имелось целых две. Вот только времени на автошколу категорически не хватало, и, поразмыслив, Однолет решил отказаться от мечты о корейце.

Временно, конечно.

Зато такие бесконечные пробки примиряли его с отказом от мечты: на своих двоих Паша Однолет, вошедший в сговор с общественным транспортом и метро, был намного мобильнее, чем на колесах. И к тому же сэкономил время и нервы.

В три прикуса записав в себя улитку, Паша раскрыл блокнот, щелкнул ручкой и написал сверху страницы:

ФИЛИПП ЕРСКИЙ

Затем, обведя имя в комиксовый кружок, пририсовал к кружку две стрелки. Ниже расположились еще два имени:

ШАРК ДИВА

Под «Шарком» Паша вывел **«установить личность»**, а под «дивой», олицетворявшей Лидию Генриховну Дезобри, – **«позвонить и выяснить, кому именно сдавалась квартира или кто проживал в ней»**. Отдельным пунктом шел бумажный пакет Сандры, и пункт этот со всех сторон оказался окружен вопросительными знаками разной конфигурации: были здесь и приземистые толстяки, и поджарые переростки баскетбольного типа. После дюжины безыскусно оформленных вопросительных Однолет нарисовал еще один – высокохудожественный, отдаленно напоминающий *Девочку на шаре* Пикассо. Или – жонглера на цирковом цилиндре. И подумал, что – по большому счету – он, Паша, и есть искомая девочка-жонглер. И вот-вот рухнет наземь, не удержав равновесия и больно ударившись. Все из-за проклятого пакета, следы которого найти так и не удалось, как бы лейтенант-горемыка ни старался. Однолет не единожды прошел весь гипотетический путь Сандры от подъезда к остановке, не пропуская ни одной двери, ни одной точки с мусорными контейнерами. Он еще раз побеседовал с продавцами в магазинчиках и владельцами контор, но никому из них загадочная короткостриженная брюнетка пакет не оставляла. И никто бесхозного пакета не находил. Дворники и охранники (сплошь креатуры ТСЖ-божка Кудряшкина) тоже пролетели мимо. И у новых знакомцев Паши – Макса и Алекса – спрашивать было бессмысленно (в искомый день и час они действительно находились в Сертолово, в питомнике «Инферно-Сиберику»), да и заходить к ним лишний раз не хотелось. Как не хотелось констатировать вполне очевидный факт: *до пакета лейтенанту Однолету не добраться*.

Что бы в нем ни находилось – мусор, орудие преступления или важные улики.

Неразрешимая пакетная проблема мучила Пашу чем дальше, тем сильнее. И в конечном итоге ему стало казаться, что чертов пакет – краеугольный камень, альфа и омега расследования, и без него невозможно не то что двигаться дальше, а и просто слепить мало-мальски пристойную версию. А потом он неожиданно вспомнил одну из неписаных заповедей капитана Вяткина: природа не терпит пустоты, если где-то убыло, то где-то обязательно прибудет. В переводе с общечеловеческого языка на профессиональный полицейский это означало: *не ссы, малец, нужные сведения рано или поздно приплывут. Главное – не забыть сеть закинуть*.

Паша ни за что не забудет.

Чтобы не терять драгоценное время, лейтенант снова переключился на

Дезобри. Для начала он внес в контакты оба ее номера – питерский и испанский, начинавшийся с +34. После чего сделал то, что обычно делал с тех пор, как у него в смартфоне завелись мессенджеры, – прошерстил их все: и вайбер, и вотсапп, и телеграм. Наличие мессенджеров существенно облегчало общение с Костомукшей, где у Паши осталась не только мать, но и несколько друзей, еще школьных. И главное, делало его бесплатным.

Вот и теперь Однолет пробежался по программам, автоматически синхронизирующимся с записной книжкой, и заякорил-таки Лидию Генриховну – в вотсаппе. Вернее, сразу двух Лидий – испанскую и питерскую. Под питерской обнаружился не стандартный слоган «Hey there! I am using WhatsApp», а собственноручно набранный в настройках:

Пошли все вон!

С испанским тоже было не легче, там Однолета встретило эпическое:

Горите в аду!

С некоторой натяжкой это можно было считать жизненным кредо госпожи Дезобри, так что общение с женщиной-мимом (если оно вообще состоится) виделось Паше совсем не в радужных тонах.

Потом он вспомнил о кукле-маньяке из офиса: интересно, позвонит она или нет? Если ответ не прилетит в течение часа, Однолету придется брать инициативу на себя и тревожить диву без всяких светских уведомлений. И – удивительное дело! – как только Паша подумал о Соне, она немедленно материализовалась на противоположной стороне улицы, в десяти метрах от офиса, откуда совсем недавно вышел сам Паша. Под мышкой у Сони торчал большой темно-желтый пакет, в которых экспресс-почтой обычно доставляют корреспонденцию – заказные письма и документы. Направляясь к перекрестку, девушка на ходу с кем-то говорила по телефону. И продолжала говорить на пешеходном переходе и на тротуаре, – пока не остановилась на углу, где находилась кофейня. Не то чтобы вид у куклы был сильно расстроенный; скорее – напряженный и даже испуганный (песчаную бурю в окрестностях Абу-Даби никто не отменял, и она наконец наступила). Изредка Соня кивала головой, слушая собеседника, и видимо, это была не очень приятная беседа. Капитан Вяткин подобную ситуацию определял стойким идиоматическим выражением «хером по всей морде».

И впрямь по всей, подумал Паша. Но это было обманчивое впечатление. Стоило только Соне отключиться, как на лице ее возник налет брезгливости и недовольства. Они сочились из всех пор – долго сдерживаемые и, наконец, выпущенные на волю. Но и этот парад эмоций не продлился долго. И десяти секунд не прошло, как Соня вернулась к себе

самой, какой ее с самого начала увидел Однолет: деревянное, не слишком хорошо прописанное лицо куклы-маньяка. Сунув телефон в сумку, она принялась за конверт и на ходу вскрыла его. Что хранилось в конверте Паше разглядеть не удалось: Соня свернула за угол. И, проводив несчастную офис-менеджера глазами, Однолет принялся за эклер.

Она отзвонилась минут через семь:

– Павел?

– Да.

– Я передала вашу просьбу Лидии Генриховне. Она готова поговорить с вами.

– Отлично, – возрадовался Однолет, а потом осторожно спросил: – У вас все в порядке?

– В каком смысле?

– Ну... Мне показалось, что вы грустная.

– Вам показалось, – ответила кукла-маньяк и отключилась, не попрощавшись.

После этого Паша нацепил наушники и сделал серию коротких энергичных выдохов, какие обычно делал, когда таскал железо в тренажерном зале. Как иначе, ведь сошествие в ад требует хотя бы минимальной подготовки. Потом он с минуту вглядывался в аватарку женщины-мима и даже увеличил ее, чтобы получше рассмотреть. Лидия Генриховна предстала перед Пашей в образе августейшей особы: круглые, обведенные белилами глаза, свекольного цвета щеки и маленькая корона, набекрень насаженная на облако рыжих волос. Как только она там держится – одному богу известно.

Или сатане.

Госпожа Дезобри ответила почти сразу, после второго гудка:

– Слушаю вас.

– Здравствуйте, Лидия Генриховна. – Паша попытался придать своему голосу значительность. – Меня зовут Павел Однолет, и я из уголовного розыска... Вас должны были предупредить о моем звонке.

– Меня предупредили. А что, собственно, случилось?

– Нас интересует квартира по улице Коллонтай, 5. Номер 1523. По документам вы числитесь ее собственницей. Все верно?

– Да.

– Но не проживаете там постоянно.

– Я нигде не проживаю постоянно. – Лидия Генриховна хихикнула. – Я – свободная птица. Птичка Тари.

– Значит, квартира сдается?

– Может, чья-то и сдается, а моя – нет.

Так с Пашей могла бы разговаривать соплячка Бо, но отнюдь не дама пятидесяти лет. И ему впору было бы рассердиться и вывалить все про труп посередине комнаты, но... Он имел дело с лицедейкой, которая всю жизнь корчила рожи со сцены и ни минуты не была сама собой. А может, только собой она и была?

– Просветите меня наконец, что произошло? Прорвало трубы? А, нет... – тут же поправила себя Дезобри. – Вы же из уголовного розыска! Стоп-стоп-стоп! Не говорите ничего, я сама догадаюсь!

– Ну, попробуйте.

Это произнес работник правоохранительных органов? Пашу на секунду взяла оторопь – *да что же такое происходит?* Во всем виновата женщина на том конце провода, ее клоунский голос, мгновенно меняющий регистры. С нижнего на верхний, с верхнего на нижний. Он то пускается в галоп, то намеренно буксует, да так, что в паузах между словами можно разбить бивак и заночевать. Секунду назад он был совсем юным, детским, а потом вдруг неожиданно повзрослел, приобрел бархатистость и глубину. Вот Однолет и повелся, и ждет продолжения спектакля, и сам хочет в нем участвовать.

– Неужели труп нашли? – трагическим шепотом произнесла Дезобри и тут же рассмеялась мелким дробным смехом. Таким заразительным, что Паша едва удержался, чтобы не прыснуть следом.

– Представьте себе, Лидия Генриховна. Труп.

– Поди, засахарился уже?

– Труп? Не успел.

– Значит, бинго? – Дезобри все никак не могла остановиться.

– В точку, – подтвердил Однолет.

– И... как он там оказался?

– Это мы и выясняем. У кого были ключи от квартиры?

– Нет, ну я так не могу, – захныкала только что отсмеявшаяся женщина-мим. – Не могу разговаривать с невидимкой! Не вижу лица, не вижу глаз. А на пустоту и черноту я уже насмотрелась, увольте!

– Что же вы предлагаете?

– А что у вас с интернетом?.. Шустрый? Как, вы сказали, вас зовут?

– Павел.

– Чудесное имя. У меня была собака Павел. И двоюродный брат – тоже Павел. Потрясающий был человек, альпинист, поэт, ученый... Большой ученый. Доктор медицинских наук.

Голос Дезобри обволакивал Однолета, убаюкивал; как будто целая стая

белых, как снег, голубей ворковала где-то поблизости. Благородных почтовых, а не каких-нибудь городских сизых пернатых, гадающих на памятники.

– Нейрохирург? – глупо спросил Однолет.

– Почему нейрохирург? Кардиолог. Погиб при восхождении на пик Коммунизма.

– А такой существует?

– Когда-то существовал. Сейчас, наверное, тоже. Под другим именем. Коммунизм теперь не актуален. Но мы отвлеклись. Попробую перезвонить вам.

Дезобри отключилась, а Паша несколько секунд просидел в полнейшей прострации. Что это было, во что он позволил втянуть себя, разве могут какую-то там собаку звать Павел? Если с братом-кардиологом (на кой ляд вообще понадобилось его поминать!) история худо-бедно прокатывается, то собака – совершеннейшая дичь. Почему Дезобри отключилась – неожиданно и под смехотворным предлогом? А про труп и вовсе прозвучало цинично, и Паша не нашел ничего умнее, чем подыграть этому дурацкому клоуну. Этому выцветшему Пьеро!..

Закатать себя в асфальт до конца Паша не успел: Лидия Генриховна Дезобри вызвала его вотсапповским видеозвонком.

– Ну, покажитесь! – скомандовала женщина-мим, и Паша безропотно сунул свою обновленную хипстерскую бороду в экран смартфона.

– Еще раз здравствуйте, Лидия Генриховна.

– Душка, – проворковала Дезобри. – Милаш!

– Это вы мне?

– А больше я никого не вижу, молодой человек Павел.

Зато Лидия Генриховна была не одинока. Компанию ей составлял бокал с вином, который она постоянно подносила к лицу. Именно к лицу, а не к губам, – перекрывая то один глаз, то щеку, то подбородок. В этих странных и хаотичных на первый взгляд жестах тем не менее существовала жесткая драматургия. Уловить ее смысл Паша не мог, как не мог зафиксировать лицо Дезобри. Оно никак не хотело собираться полностью и распадалось на отдельные авангардные куски. Иногда даже – сюрреалистические.

– Ну, я прежде всего лейтенант Павел. Служу в уголовном розыске, а потом уже все остальное.

– Да-да, – тут же согласилась Лидия Генриховна. – У вас очень серьезная организация.

– Тогда давайте и поговорим серьезно.

Дезобри быстро-быстро закивала и так забавно захлопала ресницами, что Паша едва удержался, чтобы не расхохотаться. В который уже раз!

Немедленно возьми себя в руки, Павлундер!

– Человек по имени Филипп Ерский вам знаком? – спросил Паша строгим голосом. – Скрипач. Лауреат международных конкурсов?

– Он и есть труп?

– С чего вы взяли?

– Опираясь на наш предыдущий разговор, включила логику. Она, конечно, у меня со странностями, моя логика... С прибабахом, по всеобщему утверждению...

– Просто ответьте на вопрос.

– Ну, что же... В моей записной книжке около полутора тысяч контактов. Возможно, найдется и... Как вы сказали?

– Филипп Ерский, – повторил Паша.

– Да.

– Может, тогда посмотрите?

– Для этого мне придется отключиться, а не хотелось бы. Такая приятная беседа, такая хорошая связь... Хотя – странно.

– Что именно?

– Я люблю скрипку. Ты плачешь, скрипка Паганини... На чьем рыдаешь ты плече?

Последние пару фраз Лидия Генриховна пропела хорошо поставленным низким голосом. Это было так неожиданно, что Паша едва не выронил из рук телефон.

– Лидия Генриховна!

– Ах! Обожаю эту песню! Как божественно ее пел Карел Готт! Вы, конечно, его не застали в силу возраста... Мы отвлеклись, да?

– Похоже на то.

– Так вот. Я люблю скрипку и люблю скрипачей. В юности у меня даже был роман с одним выдающимся маэстро. Имени я вам не назову... В силу его нынешнего положения на музыкальном олимпе... Этот Филипп, он что – величина?

– Надо полагать, – осторожно заметил Паша.

– Рекомендуете?

– Я ничего не могу рекомендовать. Я уже битых полчаса пытаюсь поговорить с вами о квартире на Коллонтай.

– Но вы же сами упомянули о скрипаче...

Теперь за винным бокалом пряталась обиженная девчонка, и как только Дезобри удастся намертво фиксировать эмоции? Она обижена,

задета за живое – и пожалуйста, обе брови сложились в «домик», и это очень крепкий домик. Ничем его не сдвинешь.

– Виноват, – пробормотал Паша. – Давайте о квартире. Кто там проживал?

– Никто. Я купила ее для отца. Давно хотела перевезти его в Питер из Старой Руссы, вы бывали в Старой Руссе?

– Нет.

– Чудеснейший городок, особенно если рассматривать картинки в интернете. Папочка сопротивлялся всеми силами, не хотел переезжать, а потом вроде бы согласился. Вот я и раскошелилась. Новый дом, приличная планировка и места вполне достаточно для одного. Даже со всей папочкиной библиотекой и коллекцией парусников. Папа всю жизнь занимался судомоделированием, а у вас есть хобби, Павел?

– В детстве марки собирал, а так нет. – Однолет вдруг почувствовал настоящую потребность поделиться с этой женщиной самыми сокровенными вещами.

– Зря. Хобби необыкновенно расширяет горизонты. Распахивает настежь окно возможностей. А папа... В общем, он меня подвел.

– Отказался в самый последний момент?

– Умер. Кровоизлияние в мозг, тяжелейший инсульт. Спасти его не удалось.

По омертвевшему лицу Дезобри катились слезы – два крошечных неостановимых водопада; они пробивали себе дорогу в скальной породе и выглядели необыкновенно красиво.

Да, именно так. Это было красиво – глаз не отвести. И Паша пялился и пялился на лицо Дезобри, которое – вопреки костомукшскому обыкновению – не распадалось на пиксели, не роилось мелкими квадратами, а было четким. Ни одна деталь не ускользала, ни одно, даже микроскопическое, движение.

– Мои соболезнования, Лидия Генриховна. Простите.

– Ну что вы, милый мальчик. Это старая история. Полуторагодичной давности. Но до сих пор болит. Вы меня понимаете?

– Надеюсь, что да.

– Зовите меня Лидия. С отчеством я чувствую себя неуютно. Как будто я уже старуха. Скажите, а я уже старуха?

Паша не совсем в этом уверен, хотя до разговора с женщиной-мимом считал, что пятьдесят – это все-таки больше старость, чем молодость. *Область сумерек*, где действуют совсем другие законы, чем в мире, в котором существует щенок Однолет, и Бо с ее фичами, и Сандра с

бумажным пакетом (куда же все-таки он подевался?). А вот Фукуяма, Славой Жижек и даже лохматый Бегбедер уже там. Перешли демаркационную линию, хотя прямых репортажей оттуда и не ведут.

Они заняты совсем другими вещами.

Полезными. Продвигающими человечество вперед.

Лидия Генриховна тоже куда-то и что-то продвигала. Скорее всего – искусство. И она не была старухой. Еще и потому, что старость – это то, что происходит с людьми. Теперь же Паша не уверен до конца, что бессменный руководитель театра пластики «Птичка Тари» вообще человек. Но и на рептилоида Дезобри не похожа.

Она что-то совсем иное. Совсем.

– Ну, какая же вы старуха!

– Тогда – Лидия, да?

– Я попробую.

– Ловлю вас на слове! Так вот, насчет этой квартиры. Она потеряла для меня всякий смысл после смерти папы. Слишком далеко, нереально. Прямо Ямало-Ненецкий автономный округ какой-то. И потом... Там все время зима, на этой Коллонтай, понимаете?

– В смысле? – удивился Паша.

– В самом прямом. Когда бы ты туда ни приехал, хоть в августе, хоть в апреле... Там зима. Вечная мерзлота.

– А в июле и мае – не пробовали?

Однолет всего лишь пошутил (на его взгляд – весьма удачно), но Лидия Генриховна отнеслась к его реплике со всей серьезностью.

– Пробовала. Тот же результат. Вот сейчас там что? Холодрыга и тьма египетская?

– Вроде того, – вынужден был признать опер. – Но сейчас декабрь.

– Вот видите! Какой месяц ни возьми – все не слава богу!

– Так почему вы ее не продали, эту квартиру?

– Я хотела. А потом подумала – пусть останется.

– Решили ее сдавать.

– Ну, что вы... Сдавать – головная боль. И легально – головная, и нелегально тоже. Бумажки всякие, счета. А я ненавижу бумажки! А еще... как же это называется... Сейчас, сейчас... Коммуналка, ага! У меня с этими проклятыми простынями никогда концы с концами не сходятся, так что бедной Софико приходится самой этим заниматься. А у нее и без того забот полон рот.

Софико, ага. Кукла-маньяк, которая всеми силами отрешивалась от «квадратных метров»!

- Вы имеете в виду вашего офис-менеджера?
- Кого же еще!
- Значит, это она курирует квартиру на Коллонтай?
- Нет, конечно. Никто ее не курирует. Там живут, и то не постоянно, а время от времени. Ставят меня в известность и получают ключи.
- Кто именно?
- Свои люди. Потому что чужие там не ходят. В основном – мои актеры. Сейчас не вспомню, кто именно. Но можете поинтересоваться у Софочки, она чрезвычайно пунктуальный человек. У нее все по полочкам разложено.
- Мне она сказала, что у нее совсем другая сфера деятельности. И вопрос с квартирой ее не касается.
- Все верно, не касается. Но она подвижница, преданная нашему театру всей душой. Вот и взваливает все на себя сверх меры. Никого-то у нее нет, у бедной трогательной толстухи. Никого, кроме меня и пташек.
- Пташек?
- Мои актеры. Пять прекрасных птиц, которых я очень ценю. Вы должны увидеть их на сцене. Да хоть бы и не на сцене... Просто увидеть. Воспарить с ними над нашей грешной землей. Мне кажется, у вас получится.
- Лидия Генриховна (или просто Лидия) так и норовила увести Пашу от магистральной темы. Иначе к чему все эти разговоры про коммуналку, толстух и пташек? Злого умысла в них нет, но и вылущить истину из манерной болтовни Пьеро никак не получается.
- Обязательно приду к вам на спектакль, – пообещал Однолет. – Если пригласите. Так кто проживал на Коллонтай в последнее время?
- Дезобри снова соорудила домик из бровей и закатила глаза: это должно было означать усиленную работу мысли.
- Я сказала, что чужие там не ходят?
- Что-то вроде того.
- У меня есть давний приятель. М-мм... Егор Караев. Однокурсник по театральному. Ухаживал за мной, бедняжка, даже жениться хотел. Ну, тогда на мне полкурса хотело жениться, верите?
- Конечно.
- Целовались мы с ними отчаянно, но дальше этого дело не пошло. Так вот. Театральная карьера у него не сложилась, ни здесь, ни в Москве, и он уехал на свою малую родину. То ли Омск, то ли Томск, то ли станция Зима – не помню точно. Отношений мы с ним не поддерживали, за тридцать лет дай бог, чтобы с десятков поздравительных открыток

набралось. Как вдруг...

Ну вот как? Как это у нее получается? Лицо Дезобри, все еще задрапированное бокалом, морщится и как будто собирается в крошечный бутон, чтобы тут же взорваться фейерверком, брызнуть во все мультяшной улыбкой.

– ...Как вдруг... Тада-да-дам! Появляются соцсети! И позабытый-позаброшенный Егор находит меня после стольких лет разлуки. Ну, не меня конкретно, я ненавижу весь этот интернет-стриптиз... Страничку нашего театра. Не буду утомлять вас подробностями, скажу лишь, что откликнулась на просьбу Егора помочь его сыну. Мальчик всю жизнь мечтал о Питере, решил сюда перебраться, вот я и подстраховала его с жильем. Согласилась приютить, пока он не найдет что-нибудь более подходящее и не утрясет вопрос с работой.

– Он был последним, кто жил на Коллонтай, этот парень?

– Думаю, да. Но вам все же лучше поговорить с Софочкой.

– Как зовут парня?

– Иван. – Голос Лидии Генриховны неожиданно стал мечтательным. – Иван Караев. Мне кажется, он очень перспективный молодой человек. Художник, специализируется на этих... как их... комиксах. Подождите. Так что все-таки произошло?

Она определенно не от мира сего. Как сказал бы капитан Вяткин – *совсем сорвало колпак у дамочки*. Сколько времени Дезобри корчит рожи в экран и несет пургу? До фига. А действительно ценной информации наберется на три минуты, не больше. А самое неприятное то, что когда сеанс связи закончится, Паше еще придется выковыривать эту информацию, отдирать ее от пика Коммунизма и искать на ощупь среди тьмы египетской.

Хорошо еще, что за звонок платить не придется. И что тайна наскальных комиксов в квартире № 1523 и коробки с художественным хламом вроде бы перестала быть тайной – тоже хорошо.

– Я уже объяснял вам, Лидия... Эм-мм... Лидия. В принадлежащей вам квартире произошло преступление, а именно – убийство. Мы его расследуем и потому обратились к вам.

– И кого... убили?

– Я уже называл вам имя. Филипп Ерский.

– Ну да. Скрипач. И вы еще о чем-то спросили меня...

– Знакомо ли вам это имя.

– Не буду утверждать, что никогда его не слышала. Но и обратного не скажу.

– А Иван Караев? Как я могу его найти? Может быть, у вас сохранился телефон?

– Зачем же мне его телефон? Он и звонил-то пару раз, когда только приехал. А потом контактировал с Софочкой. От нее и ключи получил.

– Где он находится сейчас вы не в курсе?

– Нет.

– А ваша помощница?

– Вам будет проще спросить у нее самой. Я поговорю с ней. Попрошу, чтобы была с вами поласковее...

– Это лишнее, – неожиданно смутился Однолет. – Достаточно будет конструктивного сотрудничества.

– Именно это я и имею в виду, милый мой.

Самое время было откланяться и нажать «отбой», но Паша почему-то медлил. Когда еще представится возможность поболтать с заслуженной артисткой России? Бо с ума бы сошла... Нет, Бо не сошла бы. Плевать ей на артисток, плевать ей на рептилоидов, а единственный клоун, который (по мнению Бо) заслуживает внимания, – это незабвенный Пеннивайз из кинговского «Оно». Лидия Генриховна Дезобри тоже – та еще клоунесса, хотя совсем не кровожадная. Но и... *верить ей нельзя.*

Эта мысль воткнулась в Пашину голову гвоздем около минуты назад, как раз в тот самый момент, когда Дезобри всеми силами открещивалась от Филиппа Ерского. И, видимо потеряв контроль, направила свой смартфон куда-то в сторону. До сих пор она довольно четко выдерживала мизансцену: лицо на экране и винный бокал, периодически исполняющий свой томный менуэт. Но теперь появилось и кое-что другое. То, что окружало Лидию Генриховну здесь и сейчас. Расхристанные карликовые пальмы вперемешку с олеандрами (Испания же!), часть террасы и огрызок стоящего на террасе стола. На столе стояла маленькая чашка (очевидно, с кофе) и пепельница, полная окурков.

А ведь Лидия Генриховна не курит. Во всяком случае, на всем протяжении беседы не изъявляла желания покурить.

Но не это смутило Пашу. А спинка пустого стула, возвышающаяся позади пепельницы. Впрочем, не такой уж пустой она была: на спинке небрежно висел плед. Или накидка, или одеяло. Скорее, все-таки плед, и его расцветка показалась Однолету знакомой: белые и синие крупные квадраты. Что-то очень похожее было накинуто на плечи Филиппа Ерского во время его пребывания на яхте «Стикс».

Конечно, это было всего лишь совпадением. С одной стороны. С другой стороны – разве могут собаку звать Павел?..

– Как там Испания? – поинтересовался у Лидии Генриховны Однолет.
– Чувствует себя прекрасно.
– Собираетесь встречать там Новый год?
– До разговора с вами собиралась. Но теперь подумываю вернуться. Вдруг мое присутствие понадобится на родине.

– Ваше присутствие совсем не обязательно. Тем более что все прояснилось. А дополнительные сведения я надеюсь получить от вашей помощницы.

– И вы всегда можете переговорить со мной. Тем более сейчас, когда у нас появился персональный канал связи.

Произнеся это, Дезобри раздвинула губы в улыбке (показавшейся Паше плотоядной), высунула кончик острого, слишком уж красного языка – и тут же втянула его обратно. И Однолет вдруг снова подумал о демоническом Пеннивайзе – теперь уже в отрыве от Бо, просто так.

Верить ей нельзя. И приближаться тоже.

Но очень хочется приблизиться. Почему-то. Это все равно что подергать тигра за усы.

– Я благодарен вам за помощь, Лидия Генриховна.

– Лидия, – тут же поправил новоиспеченный Пеннивайз. – Мы ведь договорились. Буду вам писать иногда, милый юноша, если вы не против. Все-таки произошедшее касается меня напрямую, как это ни прискорбно.

– Да, конечно.

– Нужно было сразу избавляться от этой проклятой квартиры. Но я редко бываю в городе. Постоянные гастроли.

– Ваша помощница говорила мне...

– Ничего не поделаешь, рвут на части. Особенно в Европе. Только что закончили полуторамесячный тур. Пташки упорхнули на родину, а я осталась в теплых краях. Хорошо, что есть старые и совершенно бескорыстные друзья, которые любят и ценят.

– С виллами и яхтами друзья, надеюсь? – положительно, сегодня шутки так и сыпались из Паши: уже вторая за полчаса.

– Ну, не завидуйте виллам и яхтам. Как не завидую я. А просто всем этим пользуюсь с чистой душой.

Дезобри снова показала Паше кончик языка, и в тот же момент где-то в отдалении, за пальмами, раздалось несколько ударов, похожих на удары колокола. Не церковного, а какого-то маленького и легкомысленного – то ли гонга, то ли... корабельной рынды.

– Мне пора, *кориньо*, – тут же засобиралась женщина-мим. – Так говорят здесь, в Испании, таким душкам, как вы. Обещаете держать меня в

курсе?

– Да, конечно.

Лидия Генриховна давно отключилась, а Паша все сидел над пустой чашкой капучино и размышлял о сине-белом клетчатом пледе, так некстати вылезшем из-за спины Дезобри. Напрямую связать его с жертвой убийства не получается – мало ли одинаковых вещей существует в природе? Даже люди встречаются (не обязательно близнецы), а Генриховна – все равно молодец. Отработала спектакль *на твердую пятероньку*, как любит выражаться капитан Вяткин. Не соврала ни в чем, но и правды не сказала. Про покойного отца – скорее всего правда. А про собаку – извините. И про брата-кардиолога, катящегося в тартарары с пика Коммунизма. А вот со старым другом из Омска-Томска даже трогательно получилось, как вся жизнь перед глазами прошла. И про Соню – трогательно. Хотя и дураку понятно, что мымра, гастролирующая по континентам со своим пернатым шапито, использует несчастную толстуху и в хвост, и в гриву. Софико-Софочка у них на все руки от скуки. И швец, и жнец, и на дуде игрец.

И Хранитель ключа.

Ее-то Паша и прижмет к стенке при первой же возможности.

Сухой лист

...Когда-то Д. играл в футбол. За гаражами, на пустыре, обсаженном пыльными кустарниками. Сначала левым крайним защитником, потом, два лета кряду, – вратарем. Он был хорошим вратарем, просто отличным; вытаскивал самые безнадежные мячи, точно определяя направление удара. Будь это другая страна, какая-нибудь Бразилия, или Испания, или Англия, или Аргентина, вообще – любая, не его, – судьба Д. была бы предрешена. Судьба профессионального футболиста. Великого, как олеандровый бражник или бражник *Мертвая голова*.

Царь царей.

Или если бы сам Д. был другим. Более целеустремленным, волевым и нестигаемым. Способным идти по выбранному пути, не отвлекаясь на боковые дорожки, как бы симпатично (или, наоборот, жутковато) они ни выглядели. Но Д. отвлекается. Постоянно. Начинает что-нибудь делать и тут же бросает. И свою нынешнюю работу (ту самую, которая – поденщина) он давно бы бросил, если бы заработать можно было как-то по-другому. Но по-другому не получается, поскольку существуют обстоятельства непреодолимой силы.

Сейчас Д. тоже стеснен обстоятельствами непреодолимой силы. Повержен. И это очень, очень беспокоит его.

Ему отдавали должное как вратарю, но никогда не любили. Никто не обнимал его после выигранного матча, никто не хлопал по плечу одобрительно. Без него не могли обойтись, но только на поле, в штрафной площадке. А когда всё заканчивалось и солнце футбольным мячом улетало за горизонт, Д. оставался один. Среди гаражей и пыльных кустов. Возможно, все дело было в его левой брови.

Она белая.

Правая – самая обыкновенная, черная. И волосы – черные. И сам Д. – смуглый, кареглазый парень, что правильно. А бровь-альбинос – неправильно. Она отделяет Д. от всех остальных. Отделяла – в те времена, когда он был богом на вытоптанном множестве ног футбольном поле.

Царем царей.

Или это не бровь виновата, а что-то другое? То, что сам Д. был не в состоянии разглядеть? Хотя (из-за проклятой брови) пялился в зеркала намного чаще, чем сверстники, – почти как девчонка. Когда ему исполнилось четырнадцать, Д. сбрил бровь старой отцовской бритвой. Не

слишком удачно все вышло, из рук вон, что уж там говорить. Во-первых, обращаться с бритвой он не мастак, – оттого и порезался. И долго не мог остановить кровь, она сочилась и сочилась, стекала с голого лба на голое веко. Ощущение неприятное, но и захватывающее одновременно: от крови тепло, как бывает тепло от печки в январский день. И в своем тягучем движении кровь похожа на живое существо. Насекомое.

Бражники – первое, что приходит Д. в голову.

Его единственные друзья, самые преданные болельщики: это они облюбовали кустарник, который окружает пустырь. Заняли лучшие места. Собственно, оттого кусты и кажутся пыльными – из-за засилья бражников. А может, из-за чего-то другого.

Уходя с пустыря, Д. обязательно касается ближайшего куста рукой, в знак признательности. И бражники отвечают ему легким подрагиванием сотен крыльев. Иногда Д. кажется, что связи между ним и чудесными насекомыми чрезвычайно прочны. Что он – один из них, только (по неизвестной причине) увеличившийся до нечеловеческих размеров.

С точки зрения бражников, конечно.

А так Д. – вполне себе человек. Смуглый парень с карими глазами, когда-то игравший в футбол. Он запросто отражал удары любой сложности, но главное его достижение – «сухой лист». Из поединка с ударом «сухой лист» Д. выходил победителем в девяноста восьми случаях из ста, – а ведь это совсем не просто. Слишком непредсказуема траектория у мяча, посланного подобным образом. И может еще больше измениться в самый последний момент, – и тогда мяч почти отвесно рухнет вниз, за спину вратаря. Удивительное дело, но Д. всегда угадывал траекторию, так что оставалось только раскрыть объятия и метнуться в правильный угол. Или вовсе никуда не двигаться, стоять на месте.

И всё, дело сделано.

Д. никогда не жалел о несостоявшейся футбольной карьере, – до тех пор, пока не встретил Девушку. Ведь знаменитому футболисту (каким он мог бы стать) гораздо проще завладеть женским вниманием, чем остальным, ничем не примечательным парням. В случае с Д. дела обстоят еще хуже; он – непримечательный чужак. Бровь-альбинос могла бы выделить его из тысяч чужаков, каких полно в этом огромном Городе, но ее больше нет. В том – первозданном виде, периода бражников на пустыре. В какой-то момент Д. пришла в голову мысль красить ее – как женщины красят волосы в парикмахерских и у себя дома. Для первой покраски сгодилась басма в пожелтевших от времени пакетиках – из бабушкиных запасов. И для последующих – тоже, благо, бабушка давно полуслепая и

старая, и краска ей ни к чему.

Д. любит бабушку, он – исполненный почтения внук. Сын, племянник, брат. Лучшего и придумать невозможно, все так считают. Он и сам так считал, когда только собирался отправиться в Город; собственно, в этом и состояла его миссия *образцового родственника*. В трудную минуту подставить плечо семье, заработать денег на операцию по удалению бабушкиной катаракты и прочие нужды. И поначалу все так и было: он исправно высылал деньги. И сейчас высылает, но промежутки между переводами увеличились. В разговорах с матерью Д. объясняет это глобальным кризисом и проблемами с трудоустройством, что является правдой и неправдой одновременно. Абсолютная же правда состоит в том, что теперь он свободен и может быть самим собой. Не довольствоваться бледной ролью, которую ему всю жизнь навязывали родные (детские вратарские подвиги сюда не входят), а выбрать более соответствующую его темпераменту.

Отчаянные открыточные ронины^[6] Кампэй или Энъя Хангана из «Тюсингуры» подошли бы, вот только финал их жизни не особенно утешает: оба совершили ритуальное самоубийство сэппуку, вспоров себе живот. На открытке это выглядит эффектно, но как насчет реальной жизни?

Д. все еще в поисках роли.

И, как бы то ни было, – к прошлому он не вернется. Там существует не только футбольный пустырь, бражники, бровь-альбинос и бабушкина басма, но и Лола. Старшая сестра. Д. ради Лолы в лепешку готов расшибиться, печень себе выклевывать, – так он к ней привязан. Это – общепринятое семейное мнение. На самом деле, если бы Д. мог – он убил бы Лолу. Каким-нибудь неопасным, бескровным способом. Хорошо бы уменьшить ее до размеров насекомого и спрятать в спичечном коробке. А коробок положить под подушку, чтобы по ночам, перед сном, вынимать его, прикладывать к уху и слушать, как Лола скребется внутри – из последних сил. И однажды, в одну из ночей (несомненно, прекрасных) она затихнет навсегда. И Д. останется только вытряхнуть из коробка пыльцу. И невнятные ломкие палочки размером с мебельный гвоздь.

Ничего такого с Лолой не случится.

С ней вообще никогда ничего не случалось. Чтобы что-то случилось – нужно выйти из дома и пройти хотя бы несколько десятков метров по длинной улице без деревьев. Для Лолы это никогда не было легким делом, одна нога у нее сильно короче другой, а за правым плечом притаился горб. При всем этом Лола (если отрешиться от тела и сосредоточиться на лице) – очень красива. Ее красотой можно любоваться вечно: миндалевидные

глаза, опущенные длинными ресницами, кожа – без единого изъяна, прямой маленький нос и крошечная родинка над верхней губой.

А. Вот еще.

Губы. Они всегда влажны и приоткрыты, и если хорошенько присмотреться, то можно увидеть за ними раздвоенный змеиный язык. Это и есть главная особенность Лола, о которой никто не знает: Лола – змея, самая ядовитая из всех возможных. Так, во всяком случае, кажется Д. Хорошо бы еще она была гремучей змеей, со специальной погремушкой на хвосте, – и тогда ее местоположение можно было бы определить по звуку. Но Лола, несмотря на увечье, передвигается быстро и бесшумно. И возникает за спиной Д. в самый неподходящий момент. Но не сразу обнаруживает себя, а только после того, как он совершит что-нибудь, находясь в безопасном (как ему кажется) одиночестве.

Таким образом Лола умудрилась вызнать почти все тайны Д., начиная от двух немецких порнооткрыток и заканчивая бражниками. Открытки надежно спрятаны в тетради, а та, в свою очередь, надежно спрятана в стопке старых журналов времен бабушкиной молодости, до них никому нет дела. В тетрадь Д. иногда зарисовывает мысли, с которыми не в состоянии справиться, это тебе не удар «сухой лист». Мыслей не больше двух, и они каким-то образом уравнивают порнооткрытки. Они – долгие, тягучие, тащат за собой множество маленьких, малопонятных даже самому Д. рисунков-каракулей. Зато Лола давно все поняла. Она добралась до тетради, и худшие опасения оправдались: ее брат – извращенец и совсем не дружит с головой. Расскажи она об этом хоть кому-нибудь, и Д. в тот же момент заберут в психушку. При чем тут психушка – неясно, но...

«мы всегда можем договориться».

Согласно провозглашенному Лолой договору, Д. должен исполнять все ее поручения, желания и прихоти, о которых нет никакой охоты вспоминать. Власть ее над братом абсолютна.

Ровно до того момента, пока Лола не оказывается в спичечном коробке, выписанном прямым из полуночного воображения Д. Вернее, ровно до того момента, как он отправляется за тридевять земель, в Город, где должен заработать деньги для семьи. И где его обязательно подстрахует бабушкин внучатый племянник – прекрасный и очень надежный человек. Он уже давно перебрался туда и чувствует себя неплохо. Прямого сообщения между Городом и местом, где живет семья Д., нет, так что приходится делать одну железнодорожную пересадку в Москве, а само путешествие растягивается едва ли не на неделю. В путешествии Д. последний раз видит сестру: у луны, которая мелькает за пыльным окном

поезда, Лолино лицо. И здесь она пытается подсматривать за ним, гадина! К исходу вторых суток горбунья-истязательница наконец исчезает – вместе с луной. Знать, что она не всесильна, – невероятное облегчение.

– Найди мне богатого жениха, братец, – шепнула Лола ему на ухо прежде, чем расстаться. – Кому, как не тебе, об этом позаботиться?

– Не уверен, получится ли, – сказал он. – Но я постараюсь.

– Врешь.

– Нет.

– И не думай, что отделался от меня.

Но именно так он и думает – *отделался!*

И, хотя жизнь в огромном человеческом муравейнике не сахар, и внучатый бабушкин племянник оказался не таким уже надежным человеком, и выкручиваться с работой ему пришлось самому, – Д. ни за что не покинет Город. В котором он свободен и может в любой момент затеряться. Исчезнуть, что никто и концов не найдет, а потом всплыть там, где не ждали, – и это тоже называется свобода. А еще Д. любит кино, магазины, где торгуют книжной стариной, и ходить по музеям. Он уже посетил музей Варезки, и музей граммофонов, и музей электрического транспорта, но все никак не доберется до зоологического с его огромной коллекций насекомых. Что-то вечно останавливает Д.

А теперь еще и Девушка.

Лицо Девушки такое же невыразимо прекрасное, как у Лолы. Нет, в сотню раз прекраснее, в тысячу! И при этом – никаких уродств вроде горба или ноги-недомерка. Идеальная фигура. И это рушит все представления Д. о человеческой красоте. Ведь красота обычно таит в себе какой-то подвох, и миндалевидные глаза уравниваются раздвоенным змеиным языком.

С Девушкой все не так.

Вернее, все не так с Д. Он испытывает чувства, которых не испытывал никогда прежде, – и даже не подозревал об их существовании. Он как будто бы снова стоит в футбольных воротах, но привычная сноровка потеряна. И множество мячей – вместо того чтобы быть отраженными – со всего размаху ударяются ему в торс, плечи и голову. Это даже не мячи, а пушечные ядра, потому что от каждого такого удара Д. испытывает боль. Когда он подолгу не видит Девушку, боль становится совсем уж невыносимой. И хорошо бы разыскать виновницу его страданий, благо это не составило бы большого труда. Разыскать и попросить помощи, ведь просить помощи – не зазорно, даже если ты мужчина. Так всегда говорила бабушка, и Д. склонен верить ей.

Но это невозможно.

Они незнакомы и никогда не были знакомы.

Нельзя же в самом деле считать знакомством те несколько минут, что они провели в кафе, за длинной стойкой перед окном. Девушка села рядом, на высокий стул с длинными чугунными ногами, хотя мест за столиками (с обычными стульями) было полно. Не из-за Д., который забился в самый угол, потому что чувствует себя комфортно лишь тогда, когда его не замечают. Не из-за него, а... из-за чего?

Возможно, ей просто хочется сидеть на высоком стуле и смотреть на улицу.

Хотя ничего особо примечательного в этой улице нет. Ни шкафов до потолка, как в магазине с книжной стариной; ни сцены с актерами, как на открытках театра Кабуки. А есть лишь широкий проспект с трамвайной линией посередине. Светофоры, остановки, заляпанные грязью машины, похожие друг на друга высотные дома.

Девушка пила кофе, на что-то отвлеклась и уронила ложку. А Д. поднял, за что удостоился легкого кивка головы. Хоть бы и так, уже хорошо.

Волосы у Девушки темные и красиво взъерошенные, изгиб профиля хочется немедленно повторить, проведя пальцами в воздухе – или коснувшись ими запотевшего стекла. От нее так сладко, терпко и волнующе пахнет, что у Д. сразу же начинает кружиться голова, а в голову лезут самые глупые и непредсказуемые мысли.

Предсказуемые.

Вот бы она уменьшилась до размеров бражника! И тогда Д. положил бы ее в коробок, а коробок спрятал бы под подушку. Но не для того, чтобы Девушка испустила дух, а чтобы... навсегда осталась с ним. Чтобы Д. мог любоваться ею каждую минуту. Когда только пожелает.

Но это невозможно.

Несмотря на то что они иногда (на самом деле очень редко) случайно сталкиваются, Д. никак не проявляет себя. Да и что он может сказать? *«Привет, я тот парень, который поднял ложку, которую ты уронила»*. Вот если бы у него еще оставалась бровь-альбинос (полностью прекратившая свое существование после экспериментов с басмой)! Или его карьера великого вратаря состоялась...

Привет, я тот парень, у которого самая необычная бровь в мире. Ну, ты видишь и сама.

Или:

Привет, я тот парень, который великий вратарь, который выиграл чемпионат, который показывали по телевизору.

Ложка на этом эпическом фоне выглядит смехотворно. И навеки запечатывает рот Д., способный исторгнуть из себя приветствие. И все же его не покидает предчувствие, что рано или поздно они с Девушкой обязательно столкнутся.

Близко.

Даже хлопья театрального снега не смогут втиснуться между ними.

...Чтоб ты сдох, – подумал Брагин. Хотя смешно желать смерти и без того умершим.

Едва начав копаться в прошлом Филиппа Ерского, которое привело к столь печальному настоящему, Сергей Валентинович сделал сразу несколько открытий. Не то чтобы неприятных, но в какой-то мере – неожиданных.

Филипп Ерский определенно был баловнем судьбы. Писаным красавцем, и к тому же – талантищем, которые появляются на музыкальном небосклоне раз в десятилетие, а то и реже. Его концерты были распланированы едва ли не на два года вперед; он перемещался по миру свободнее, чем Брагин по своей Петроградке; он выступал с самыми прославленными оркестрами, с самыми выдающимися дирижерами. Его можно было обнаружить на фото с политическими деятелями и еще сохранившимися кое-где августейшими особами. Дом под Валенсией, квартира в Карловых Варах, двухсотметровый пентхаус в Питере... Стоило ли обзаводиться всем этим добром, чтобы найти конец в однокомнатной берлоге на окраине города?

И что вообще привело туда Филиппа Ерского?

Вся его предыдущая жизнь не давала даже намек на ответ. Вернее, та часть жизни, которая стала достоянием общественности и к которой (посредством интернета и бесед с посвященными) приобщился Брагин. Было несколько странностей, и они никак не хотели вписываться в ландшафт, обычно окружающий знаменитость. Об «этом Хаммурапи» следователь собирался подумать позже – когда соберет достаточно материала для анализа и систематизации данных. Но самая главная странность все равно торчала где-то поблизости – ножом в солнечном сплетении. Как ни старался Брагин соединить Ерского и неизвестную девушку из автобуса № 191, ничего не выходило. Не было у них точек соприкосновения, хоть волком вой.

Добро бы она была просто девчонкой, или просто шлюхой, или просто девицей из эскорт-службы в дорогом белье – но она была скрипачкой, как и Филипп. Но вместо того чтобы упростить, это усложняло дело. И все только запутывало.

Никто из коллег Ерского не опознал ее по фотографии, которую Брагин неизменно прикладывал к концу беседы о лауреате и дипломанте. А

беседы между тем получались занимательные, вне зависимости от их длительности. И в сухом остатке всегда выпадало одно и то же:

Филипп Ерский – не тот человек, по которому кто-то будет особенно горевать.

Или, по-простому, *сдох Максим – и хер с ним.*

Эту мысль (с разной степенью корректности) высказывали абсолютно все. Иногда не напрямую, завуалированно и в полном соответствии с латинским изречением «о мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды». Но и особой правды Брагин не добился. Лишь однажды просочилось что-то похожее на откровение, когда Брагину удалось пообщаться с Петром Гусельниковым, несколько нервным молодым мужчиной лет тридцати четырех. Через несколько часов Гусельников улетал во Вроцлав, чтобы занять место альтиста в местном Камерном оркестре, и страшно боялся опоздать на рейс – наверное, потому и нервничал.

Появление Брагина не добавило ему спокойствия, но парень согласился переговорить со следователем, «пока не придет такси».

– Вот и ладушки, – сказал Брагин. – Сколько у нас времени?

– Минут десять есть.

– Считайте, что все двадцать. А то и двадцать пять. Новый год на носу. Пробки. Но попробуем уложиться в десять.

Они стояли в подъезде дома Гусельникова – на втором этаже панельной хрущевки, у низкого широкого окна. В подъезде было чисто прибрано, а на выкрашенных масляной краской стенах висели самодельные плакаты с призывом не курить, не сорить и не бросать мелкий мусор в горшки с цветами. Горшки с разросшимися фикусами и юкками находились тут же, их было штук пятнадцать или около того. И посреди всех этих импровизированных джунглей стоял чемодан Гусельникова, на который был наброшен чехол с костюмом – очевидно, концертным.

– Расскажите мне о Филиппе Ерском.

– А нечего рассказывать. – Гусельников покрепче ухватил футляр с альтом и посмотрел на Брагина исподлобья.

– Говорят, вы приятельствовали.

– Не смешите. У Филиппа не было приятелей. Ни в этом городе. Ни в этой жизни.

– Вы вместе учились?

– Номинально да. Последний год в Консерватории.

– Номинально?

– Ему не нужна была Консерватория. Для диплома разве что. Но в

Консе я его не видел. Он уже тогда мотался по миру с сольниками. Гений смычка. Новая реинкарнация Паганини.

– Завидуете? – не выдержал Брагин.

– Завидую, конечно. – Честный парень Гусельников даже не стал отпираться. – Знаете, сколько я ждал это свое место во Вроцлаве? Три года. Три! А ведь это не самый выдающийся оркестр. А если бы там появился Филипп...

– Он занял бы место первой скрипки, минуя лист ожидания?

– Не в этом дело. Оркестр сразу стал бы выдающимся, понимаете? Любой оркестр. Филипп его таким бы сделал. Он действительно гений.

– То есть утрата Ерского для музыки невосполнима?

– Для музыки – скорее всего. И для тех, кто покупал билеты на его концерты за бешеные тысячи... Я говорю не о рублях.

– А для тех, кто не выкладывал тысячи? Кто мог поздороваться с ним по-свойски? Выпить по рюмке после концерта...

– Не знаю ни одного человека, кто выпил бы с ним по рюмке. Он вообще не пьет. Или напивается в одиночестве.

Гусельников бросил взгляд на часы, в надежде, что время вот-вот выйдет.

– Пробки, – напомнил Брагин.

– Я ведь не первый, с кем вы о нем разговариваете?

– Не первый.

– И что сказали остальные?

– Особо расстроенных я среди них не видел. Просто завистью это не объяснишь. Что тогда?

– Я не знаю.

– Не знаете?

– Не знаю, потому что не могу сформулировать, вот и все.

– А вы попробуйте.

– Ну хорошо.

Видно было, что честный парень Гусельников лукавит. Что он задумывался о Филиппе Ерском и раньше и худо-бедно сумел всё сформулировать, как бы ни утверждал обратное. Но теперь пришла пора обкатки его теории на публике, и тут Гусельников слегка притормозил.

– Что бы вы сказали о человеке... – наконец-то начал он и тут же осадил сам себя: – Черт. Черт-черт-черт... Ладно. Еще раз. Что бы вы сказали о человеке, который сбил на дороге старого больного пса? Не случайно наехал, нет. Сбил специально, а потом добавил псину колесами.

– Вешать надо таких сволочей, – спокойно произнес Брагин.

Ответ Брагина несколько не интересовал Гусельникова, потому что был единственно возможным. По-другому на столь запредельные вещи реагировать нельзя. *Только вешать*. Но Гусельников – плохой помощник в таком святом деле, как суд Линча. Вместо того чтобы подать веревку, он отвлекается на какие-то переживания внутри себя, близоруко щурит глаза и дергает кадыком.

– ...И даже выключил музыку, чтобы лучше расслышать, как трещат собачьи кости. Кажется, это был Малер. «Песни об умерших детях».

У Брагина неожиданно закололо сердце. Давненько этого не было, со времен последнего Катиного срыва, – и вот, пожалуйста. Он-то думал, что сердечная сумка крепка, как никогда, и способна переносить любые тяжести, да видно рано радовался.

– Выходит, Филипп Ерский, несмотря на всю его гениальность, конченный подонок? Живодер?

– Что?

Гусельников выглядел так, как будто его только что вывели из гипнотического сна.

– Вы ведь про него мне только что рассказали? Про Филиппа? Это ведь он сбил собаку? Не случайно, нарочно? А вы где были? Сидели рядом и слушали... Малера?

– Нет. Вы не поняли.

– Что тут понимать, – неожиданно разозлился Брагин.

– На самом деле этого не было... Не было того случая с собакой.

– Не было, ага.

Гусельников – милый парень. Несмотря на известную громоздкость. В джунглях (настоящих, а не здешних, представленных ограниченным кругом растений) он ни за что бы не выжил. Слишком мягкий, слишком пухлый, похожий на медвежонка. Но не из тех, кого продают в дорогих магазинах игрушек, а дешевого, потертого; кочующего из одного – не слишком счастливого – детства в другое. *Глаз куда-то подевался? Так мы вместо него пуговицу пришьем, всего делов-то*. Но, вопреки этому (или благодаря – кто знает), он вызывает симпатию. И у Брагина вызывал – до последней минуты. Теперь же ему хочется чем-нибудь стукнуть Гусельникова по его дурацкой башке – да хоть бы и его дурацким альтом! Только хрен этот альт отберешь, – Гусельников вцепился в него так, как будто от этого инструмента зависит вся его жизнь.

Может быть, так оно и есть. И даже скорее всего.

– Знаете, как это называется, Петр? Клевета.

– Почему клевета? – искренне удивился Гусельников.

– Вы только что обвинили известного и популярного человека в отвратительных вещах. А теперь решили откатить назад. Нашлись ложечки, да? А осадок-то остался.

Медвежонок выглядел потерянным. Грустным. Как будто заранее знал, что Брагину ничегошеньки втолковать невозможно, как бы медвежонок ни старался.

– Вы меня не поняли.

– Тогда постарайтесь еще раз.

– Ну, хорошо. – Гусельников крепко зажмурил веки. – Не было того случая с собакой. Но я его не придумал... Нет, не так. Я бы не смог такое придумать, если бы однажды не заглянул в глаза Филиппу. Понимаете?

– Нет.

– Когда смотришь в глаза Филиппу... Ну, если у тебя хватает смелости смотреть в глаза Филиппу... То видишь именно это. Как он давит собаку на дороге. И больше ничего.

– То есть это ваш досужий вымысел.

– Считайте, как хотите. Вы просили рассказать о Ерском – вот я и рассказал.

– А кому-нибудь еще рассказывали?

– Нет.

– Интересно, возникают ли у других похожие ассоциации?

– Не знаю. Не обязательно похожие. У людей слишком разные страхи.

– Значит, Филипп Ерский вызывает страх?

– Напоминает о нем. Ты всегда должен быть начеку. Как-то так.

Странные все-таки люди, музыканты.

– Зато теперь можно расслабиться, да, Петя? – Брагин неожиданно подмигнул Гусельникову.

– Теперь да, – абсолютно серьезно ответил тот.

– А страхи у всех людей одинаковые.

– Те, что лежат на поверхности, – да. А те, что глубоко запряты, – у каждого свои. – Медвежонок позволил себе легкую дозу философствования, ну надо же!

– Как думаете, кто мог желать смерти Филиппу Ерскому?

– Никто. Все. Тот, кто устал бояться.

– Звучит чересчур э-э... эмпирически, нет? Другие мотивы исключаются? Более земные? Деньги, личностный или профессиональный конфликт? Зависть, месть?

– Вы ведь следователь. Не я.

Где-то в кармане Гусельникова звякнул телефон. Вытащив его,

медвежонок мельком взглянул и экран и выдохнул. Как показалось Брагину – с облегчением.

– Такси пришло.

– Да. Еще один вопрос.

– Такси пришло. Мне пора.

Брагин вынул из нагрудного кармана фотографию Неизвестной из автобуса и протянул ее Гусельникову:

– Видели когда-нибудь эту девушку?

– Никогда, – ощупав снимок глазами, твердо сказал медвежонок.

– Посмотрите внимательнее.

– Я посмотрел.

– Есть предположение, что она была знакома с Ерским. Возможно – близко. Она тоже скрипачка.

– Это ничего не меняет. Я никогда не видел ее прежде. Потому что если бы увидел – не забыл.

– Ну что ж, спасибо. Желаю вам удачи во Вроцлаве.

Гусельников перекинул через руку чехол с костюмом, подхватил чемодан и направился к лестнице. И, проскочив один пролет, неожиданно остановился, повернулся ко все еще стоящему у фикусов Брагину и прокричал:

– Я не знаю этой девушки. Но я знаю другую. Вера Протасова. Поговорите с ней.

...Найти координаты Веры Протасовой, в прошлом – второй скрипки Губернаторского симфонического оркестра, оказалось несложно. И уже через час Брагин сидел в гостиной старой петербургской квартиры на Загородном проспекте. Как и полагается старым квартирам, она была сумрачной, слегка запущенной, заставленной множеством вещей – комодами, буфетами, ломберными и шахматными столиками, напольными вазами с сухостоем. С карнизов уныло свисали тяжелые концертные шторы – то ли бархат, то ли вельвет. Вера – хрупкая светловолосая молодая женщина в широком льняном платье, – казалась инородным телом среди всего этого антикварного великолепия. Ничто из здешних вещей никогда не принадлежало ей и не могло принадлежать. Кроме разве что небольшой пластиковой совы со встроенным в нее дисплеем – радионяни: Вериному сыну недавно исполнился год. Застенчиво улыбаясь, Вера сообщила, что, возможно, будет отвлекаться, но это не должно помешать беседе.

Так они и сидели друг напротив друга за большим круглым столом: Брагин, Вера и сова между ними. Низко над столом висела большая лампа под бордовым (под цвет обоев) абажуром. Лампа не горела, и

единственным источником света оставалось настенное бра позади женщины. Вот и получилось с самого начала, что Брагин с совой оказались достаточно ярко освещены, в то время как лицо Веры скрывала тень.

Сове было все равно, а Сергей Валентинович то и дело прикидывал: случайна ли такая мизансцена, или Вера выстроила ее заранее, в преддверии разговора о Филиппе Ерском?

Брагин не стал плохим гонцом – Протасова уже знала о гибели скрипача.

– Не удивлены моему визиту? – поинтересовался следователь.

– Нет. Удивилась бы, если бы вы не пришли. Это если бы Ерский был жив, никто бы обо мне и не вспомнил.

– Имеете в виду прессу?

Известие о смерти Филиппа Ерского уже просочилось в таблоиды, иначе и быть не могло. Но пока, благодаря усилиям начальника Брагина В. К. Столтидиса, которому вовсе не улыбалось раздувание скандала вокруг столь прискорбного *Хаммурапи*, всё свелось к сухой констатации: трагическая гибель, не более того. Но появления всяких неприятных слухов можно было ожидать с часу на час. Что последует потом – ясно как божий день: массовый наплыв самых разных телетерминаторов во главе с программой «Пусть говорят».

Неужели и до Веры Протасовой добрались? Оперативно.

– Кто вас сюда направил? – ушла от ответа Вера.

– А вы как думаете? – ушел от ответа Брагин.

– Не так много людей знает обо мне. Тем более – в контексте Ерского.

– Петр Гусельников.

– Петя, да. – Брагину показалось, что Вера улыбается. – Отличный парень. Он очень мне помог когда-то. Что еще он сказал?

– Просто назвал вашу фамилию, и все. А еще сказал, что есть смысл побеседовать с вами о Филиппе.

– Нет никакого смысла. Но давайте поговорим.

Чертова темень, заключенная в женский силуэт! Черное солнце в протуберанцах волос: легкие, как пух, они хорошо видны на свету. И лишь лицо Веры постоянно ускользает от Брагина.

– Что вас интересует?

– Личность покойного. Назовем это так. Любая мелочь, которая могла бы хоть немного объяснить произошедшее с ним.

– Он сам. Вот вам и объяснение.

– Хотите сказать, все к тому и шло?

– Нет.

Чертовы музыканты, чертовы альтисты и скрипачи! Ни слова в простоте, даже мудрствования Грунющкина кажутся на фоне всего этого пересказом школьных прописей в той части, где «Мама мыла раму». Ладно, зайдем с другого конца.

– Что вас связывало с Филиппом?

– Мы были любовниками, – просто сказала Вера. – Несколько лет назад. Даже жили вместе. Когда он возвращался сюда после гастролей. Если возвращался. Полноценной семьей это не назовешь, но он и не стремился.

– К полноценной семье?

– Просто к семье.

Обычное поведение баловня судьбы. Смешно отдавать себя на заклятие одной-единственной, пусть и хорошенькой, девушке, когда за ближайшим углом стоит несколько потешных полков из красавиц. Или даже дивизий.

– Вам хотелось другого? Хотелось именно семьи?

– Нет.

Опять не слава богу!

– Мне хотелось смотреть на него не отрываясь.

– Понятно, – осторожно произнес Брагин. – Вы были влюблены.

– Я была инфицирована.

Если бы Вера не встретила его в прихожей, где было достаточно света, чтобы разглядеть ее, Сергей Валентинович подумал бы после сказанного: лицо женщины, возможно, как-то по-особенному изуродовано той самой инфекцией. Коллоидные рубцы или что-то похожее.

Ничего похожего.

Чистая кожа, легкий румянец на щеках, светло-зеленые прозрачные глаза. Веру Протасову можно было бы назвать красивой, но это очень сдержанная красота, неброская, никому себя не навязывающая. Догадался о ее существовании – молодец, вытащил счастливый билет. Нет – никогда ни о чем не узнаешь. А если и узнаешь – все равно не будешь жалеть, что синичка спорхнула с руки, так и не поклевав крошек.

Катя – такая же.

Старшая Верина сестра. Эта мысль только сейчас пришла в голову Брагину, вместе с другой: нужно присмотреться к Вере повнимательнее. Насколько позволяет скупой свет от бра.

– Инфицированы. Даже так.

– Ерский всегда был эпидемией. Пандемией.

– Большое количество жертв? – спросил следователь и тут же

поправился: – Я имею в виду женщин... инфицированных им.

– Возможно, где-то они и существовали, но я с ними не пересекалась.

– Что не мешает вам говорить об эпидемии.

– Я же не совсем дура. И примерно понимаю, как действует на женщин очень красивый, очень талантливый и очень успешный молодой мужчина.

– Вы не ревновали его к другим? К поклонницам. Наверняка у него было море поклонниц.

– Океан. Но я не ревновала, нет.

– Он не давал поводов?

– Я их не искала. И... я всегда понимала... Наши отношения не продлятся вечно.

– Вас это огорчало?

– Убивало. Он ведь был инфекцией. И все глубже забирался под кожу. Я ни о чем не могла думать, кроме него. И его музыки, конечно.

– Гусельников сказал – Филипп Ерский был гениален.

– Слишком приблизительно звучит. Но раз люди ничего умнее не придумали... Давайте назовем это именно так.

– Он ушел от вас?

Вопрос не был невинным. И, если бы не сова на столе, Брагин не задал бы его. Или задал чуть позже, с другой подводкой. Как можно более аккуратно. Нежно. Но сова... Она спутала Брагину все карты. Где-то там, в пластиковом чреве совы (а на самом деле – в одной из комнат, обступивших гостиную, как деревья опушку), слышалось легкое посапывание. Иногда – крик. Там сладко спал Верин сын, так что бывшую вторую скрипку Губернаторского симфонического оркестра можно было считать защищенной от воспоминаний. Хотя бы частично.

– Ушел?

Одуванчиковый пух волос закачался, а потом послышался Верин смех – тихий и мелодичный, похожий на все сразу. На трамвайные звонки, на музыку ветра, подвешенную к дверям этнических лавок – китайских и индийских; на мелочь, брошенную на тарелку в студенческом кафе. Вера смеялась и никак не могла остановиться, а Брагин терпеливо ждал.

– Это я ушла, – неожиданно оборвав музыку ветра, сказала она.

– Почему?

– Хотите чаю? У меня отличный чай. Крымский, с шалфеем и чабрецом.

Все не случайно, подумал Брагин. Вера совсем не случайно не включила большой свет – ей нужно было спрятаться в полутенях, в

полутонах.

И чай.

Она могла бы предложить его с самого начала, как это принято в старых, славящихся чопорным гостеприимством питерских домах. Но не сделала этого. Потому что ждала *не невинных вопросов*. Рано или поздно, наплевав на сову или прислушиваясь к ней, Брагин все равно бы их задал. И вот тогда, чтобы выиграть время или выстроить определенную линию поведения, Вера и отправилась бы за шалфеем и чабрецом. Потому что Брагин обязательно ответил бы: «Не откажусь».

Но он откажется. Откажется.

– Спасибо. Может быть, позже. – Сергей Валентинович попытался придать своему голосу максимальную мягкость. – Значит, вы ушли.

– После того как Ерский проломил мне голову и раздробил кисть правой руки. С тех пор я больше не могу играть на скрипке.

До Брагина не сразу дошел смысл произнесенного: так буднично сказала об этом Вера. Как будто речь шла о легкой размолвке по поводу шампанского на праздничном столе – брют или полусладкое. Или культпохода в кино – мелодрама или блокбастер. Не то и не другое.

Триллер.

Добротный, выматывающий душу психологический триллер о жертвах домашнего насилия. Брагин не особый любитель, слишком уж муторно наблюдать за сюжетом. Все равно что идти вдоль анфилады комнат, в каждой из которых спрятана какая-нибудь не слишком приятная вещь, иногда – так и вовсе символически-ужасающая для обывателя: окровавленное тряпье, куклы с отрезанными головами, высохшие личинки насекомых, занавешенные зеркала.

У него в производстве было несколько дел о домашнем насилии. Их фигуранты мало походили друг на друга: разный социальный статус, разный материальный достаток; разное образование и положение в обществе. В откровенных гопниках числился только один. Все остальные подпадали под категорию приличных людей. Часто – востребованных в профессии и довольно успешных. Общим местом было только одно: изощренный садизм по отношению к близким, как правило – женщинам; женам и любовницам. Моральный, физический и сексуальный террор. Будучи не в состоянии управлять собственным гневом они творили страшные дела за наглухо закрытыми дверями собственных квартир. А в миру – на работе, среди приятелей и сослуживцев, слыли прекрасными парнями.

А Филипп Ерский – еще и гений.

Чтоб ты сдох, – подумал Брагин и только потом вспомнил, что его пожелание запоздало на несколько дней. Но все равно исполнилось.

История про собаку, раздавленную на трассе под Малера, никогда не случалась. Так утверждал Петр Гусельников. Теперь Брагин не уверен в этом. Скорее, он уверен в обратном. И не только в отношении собак.

Вспомнить бы новомодное словечко, которым принято сейчас метить всех этих деятелей.

Абьюзер, ага. Звучит слишком кокетливо, чтобы сразу вникнуть в суть. Но пусть его. Тем более что теперь понятно, почему смерть гниды-абьюзера никого не тронула. Наверняка слухи о произошедшем с Верой Протасовой разошлись по всему музыкальному сообществу, как круги по воде. Жаль, что они не достигли Брагина и таких, как Брагин.

Иногда это происходит из-за жертв. Постоянно подвергаясь издевательствам, балансируя на грани жизни и смерти, они до последнего стараются не выносить сор из избы. Они не подают заявления, а если подают – то в скором времени забирают. И объясняют это примирением сторон. Стороны примиряются и примиряются, вплоть до сто пятой статьи Уголовного кодекса. Понять это Брагин не в состоянии, кто бы ни объяснял ему психологические механизмы и мотивации. От судебных психологов, с которыми иногда приходится сотрудничать, до собственной жены Кати. То есть умозрительная конструкция симбиоза домашнего насильника и его жертвы вроде бы выстраивается. И тут же разваливается, стоит только Брагину начать усиленно препарировать ее.

Но факт остается фактом, даже если Брагин с ним в корне не согласен: эти самые абьюзеры и их спутницы безошибочно находят друг друга и составляют устойчивые пары.

Водой не разольешь.

Вот и Вера...

– Я знаю, о чем вы подумали, – сказала Вера. – О том, что я – типичная жертва домашнего насилия.

– А что бы подумали вы, услышав о проломленной голове?

– Да, конечно. Это первое, что приходит на ум.

– Заявления в полицию вы не подавали.

– Нет.

– Бесплезно спрашивать, почему – не так ли?

– Это ничего бы не изменило.

– Как долго он истязал вас?

Снова этот смех. Но теперь в нем звучат нотки высокомерия: как будто Вера Протасова знает что-то такое, о чем Брагин и большинство других

людей даже не догадываются.

– Он вообще меня не истязал. До того случая он и пальцем меня не трогал. Это были обычные отношения любовников. И он старался быть не просто любовником, и иногда ему удавалось.

– Что именно?

– Быть влюбленным в меня. Во всяком случае – выглядеть влюбленным.

– А потом что-то пошло не так?

– Все было так, как нужно. До самой последней секунды.

– Если вам трудно говорить... Вспоминать...

– Нет-нет. Все в порядке.

– Выходит, он прикидывался влюбленным и до поры до времени мог контролировать свою ярость. Не давал выход гневу. Но потом корабль все равно дал течь.

– Да, – задумчиво произнесла Вера. – Примерно так все и думают, когда сталкиваются с подобной ситуацией. Примерно так думали врачи, которые вытащили меня с того света. И я не стала никого разубеждать, когда пришла в себя. Потому что людей нельзя лишать их заблуждений.

– Напрасно вы позволили преступнику остаться безнаказанным.

Она ответила не сразу. Возможно, просто не хотела реагировать на банальность. Абсолютно любой человек, если он не конченный негодяй, сказал бы ей то же самое. А то, что Филипп Ерский остался безнаказанным, – медицинский факт. Иначе скандальная история со знаменитостью обязательно всплыла бы во всевидящей Сети. На таких историях наживают капиталы все, от них кормится желтая пресса. Но ничего похожего Брагиным найдено не было. Все упоминания о звезде сводились к гастрольной деятельности Филиппа и реакции публики на его непревзойденное исполнительское мастерство. В этой части комментаторы не скупилась на похвалы и выражали сожаление лишь об одном: отсутствии подробностей во всем, что касается личной жизни. Произошедшее с Верой объясняло это – но лишь отчасти.

И была в этом какая-то червоточина. Не в девушке, сидящей сейчас напротив, – в самой ситуации с Ерским. Что-то такое, что не укладывалось в обычную криминальную схему, и Брагин печенкой чувствовал это.

Вера между тем протянула руку и осторожно погладила сову.

– Слишком просто назвать его преступником. Но это ничего не объясняет и не объяснит.

– А что – объяснит?

– Вы имеете с этим дело, не я. Но мне кажется – преступниками

становятся, когда переступают какую-то черту. Которая делает немыслимое, невозможное – возможным. Так вот, он не переступал черту. Он с самого начала был там. За чертой.

– Человек, который старался быть влюбленным?

– Для него это был эксперимент. Как и то, что он сделал со мной. Вы что-то говорили про ярость и гнев. И неспособность ими управлять.

– Убийства и тяжкие телесные повреждения часто вырастают именно из этого.

Понимают ли они с Верой друг друга? Брагин не уверен. Просто потому, что ему кажется: Вера пытается объяснить что-то сама себе. И понимание следователя, которого она видит первый и последний раз в жизни, – дело пятое. Если не сто двадцать шестое.

– Он был абсолютно спокоен, когда взял в руки молоток. И ему было ужасно любопытно, что произойдет дальше. После того как молоток раскроит мне череп. Я много думала об этом, когда пыталась восстановить ход событий. И его глаза я не забуду никогда.

– В них было что-то особенное?

– В том-то и дело, что ничего. Ну, разве что они стали совсем детскими. Иногда дети познают мир через жестокость, разве их можно за это винить?

– То есть... Насмерть забить камнями щенка – это в порядке вещей?

Брагин вдруг почему-то страшно разозлился на Веру. Еще неизвестно, кто более безумен – ее обидчик или она сама, при таких-то сентенциях.

– Вы говорите совсем как Петя Гусельников.

– Про щенка?

В истории Гусельникова фигурировала старая больная собака, но сути дела это не меняет.

– Про бабочку, которой отрывают крылья. Про ящерицу, брошенную в костер. С чем еще могут справиться дети?

Хорошо бы спросить у мальчика, спящего в сове, вот только вряд ли он умеет говорить.

– Со всем, кроме взрослых. – Брагин не совсем уверен, что дело обстоит именно так.

– У вас самого есть дети?

– Нет.

Главный минус доверительных бесед состоит в том, что и тебе могут задавать вопросы личного характера. К этому нужно быть готовым, но Брагин вечно оказывается не готов. Лучше вернуться к обсуждению оторванных крыльев.

– Не дав ход этому делу, вы совершили большую ошибку, Вера.
– Зато я дала возможность его музыке звучать. Еще несколько лет.
– Странная позиция.
– Вы когда-нибудь слышали его игру?
– Нет.
– Если бы услышали, то не назвали бы мою позицию странной.
– Сомневаюсь. Наказание за преступление должно быть неотвратимым. Это мое глубокое убеждение.

– У австрийского композитора Альбана Берга есть один скрипичный концерт – и Ерский был в нем особенно хорош. Распахивал в душе такие двери, о которых даже не подозреваешь. Настежь, настежь! – Вера вдруг сжала кулаки, ухватив ими скатерть. – Концерт называется «Памяти ангела». Он и есть неотвратимость. А все остальное – не так уж важно.

– Не понимаю.
– Что именно?
– С вами ведь работали дознаватели. Должны были работать – после того, как вы пришли в себя.

– Помнится, кто-то меня допрашивал. Или как это называется? Уточнял обстоятельства.

– Что вы им рассказали?
– Ничего.
– Но ведь имя Филиппа не могло не всплыть. Кто-то же доставил вас в больницу. Вызвал «Скорую»...

– Думаю, это был Петя Гусельников.
– Вы не знаете точно?
– Я не общаюсь ни с кем из прошлой жизни.
– И с Гусельниковым, вашим спасителем?
– И с ним.
– Безотносительно этого... Должны были начаться проверки...
– Повторяю. Я не подавала никаких заявлений.

Хоть трижды не подавай – обычную в таких случаях практику это не изменит. Если только...

– Простите, но я вынужден спросить. Травмы ведь были тяжелые.
– Говорят, нейрохирурги совершили чудо. Почти месяц я пролежала в коме. Еще год ушел на восстановление. Руку тоже удалось сохранить.

Месяц в коме. Тяжкие телесные. Покушение на убийство. Дело должны были возбудить в любом случае. Почему Филиппу Ерскому все сошло с рук?

– Значит, вы не в претензии, Вера.

Его голос прозвучал насмешливо, а ведь Брагин хотел совсем не этого. Понять, почему любовь все время отодвигает границы дозволенного, – вот что ему нужно. И почему на этих границах добро, выскочив из окопов, с таким энтузиазмом братается со злом.

– Нет, не в претензии.

– Спасибо, что живы?

Импровизированное струнное трио уже некоторое время раздражало Брагина: сама Вера – то ли сумасшедшая, то ли блаженная. Потерянный медвежонок Гусельников, втюхавший Сергею Валентиновичу придуманную историю про собаку (хотя настоящая – с избитой женщиной – была в разы страшнее). И наконец, покойный Филипп Ерский, чье поведение тянуло на поведение маньяка. Человека с явными психическими отклонениями как минимум. И все-таки странно... Очень странно, что расследование так и не было проведено.

– Я больше не играю профессионально, но... Могу обучать этому детей. У меня чудесный муж. Он нейрохирург, очень перспективный. Один из тех, кто спас меня. Через полгода мы уедем в Мюнхен. Ему предложили работу в хорошей клинике. И у меня замечательный сынишка. Хотите взглянуть на него?

– Нет, – почему-то перепугался Брагин. – Не стоит тревожить малыша. Вдруг проснется?

– Все равно ему уже пора просыпаться. Скоро буду его кормить.

Это был тонкий намек на то, что пора сворачивать беседу. Брагин и сам понимал, что больше ничего, заслуживающего внимания, он из Веры не выудит. Но все-таки спросил:

– А ваш муж? Неужели он смирился с тем, что Филипп Ерский остался безнаказанным?

– Лёва? Он знает не больше, чем все остальные.

– Вы даже не рассказали ему?

– Нет. Он очень мягкий и неконфликтный человек. И очень, очень порядочный. С правильными представлениями о жизни. Если бы я рассказала... Ему бы пришлось соответствовать этим представлениям и... как это принято говорить... выйти из зоны комфорта. А любая борьба, если это не борьба за человеческую жизнь у операционного стола... Она плохо сказывается на Лёве.

– Решили оградить мужа от мужских поступков?

– Поверьте, есть силы, столкновения с которыми лучше избегать.

– В таком случае зло никогда не будет наказано, – пожал плечами Брагин.

– Зло никогда не будет наказано. Я знаю, что говорю, поверьте.

Несколько минут они сидели молча. Брагин что есть сил вглядывался в Верино лицо – черное солнце, тихий омут; овраг, заросший по краям одуванчиками. И кажется, вгляделся. Во всяком случае, он увидел то, что Вера Протасова предпочла бы скрыть: звериную тоску в ее глазах.

Звериная тоска, да.

Возможно, именно такое чувство возникает, когда оказываешься внутри скрипичного концерта «Памяти ангела».

Часть вторая. Песни об умерших детях

Расточки

...Неизвестно, кто придумал этот новогодний ритуал – записывать желания на крошечных полосках бумаги, скручивать их в тонкие жгуты, поджигать и дожидаться, когда они сгорят – хотя бы на две трети. После чего пепел бросается в бокал с шампанским и выпивается со всем содержимым. Начать нужно с первым ударом курантов, а закончить – до того, как пробил последний. Уже лет восемь это – основа всех духовных практик Брагина и его жены Кати.

Мысль материальна, – утверждает Катя. Нас услышат. Не могут не услышать.

Брагину остается только подчиниться.

Он прекрасно знает, *что именно* Катя напишет на своем клочке. Обычно он пишет то же самое, просто так, по инерции. Но еще и потому, что Кате вполне может прийти в голову проинспектировать его собственную бумажку: загадал ли он то, что нужно? Не отклонился ли от магистральной линии? Такое уже было однажды, когда Катя, еще до президентского поздравления, потребовала у Брагина показать, что там написано.

Проверку Сергей Валентинович прошел.

Тогда она извинилась. Сказала, что год был тяжелым (год и впрямь был не из легких), и *пусть Сережа простит свою девочку*. Брагин и не думал злиться; крошечная усталость – вот и все, что он почувствовал тогда. От всего. От этого дурацкого ритуала, и от Катиной одержимости. И от Нового года – всегда одинакового.

Лишь однажды Брагину повезло. Когда они с Вяткиным и Пасхавером, аккуратно под елочку и бой курантов, оказались на выезде. Это было двойное убийство, – иногда подобное случается с теми, кто стал праздновать сильно заранее, а потом несколько часов кряду заметал следы. И – за всеми стандартными мероприятиями – сложилось так, что к новому году столу никак не успеть. Вот и пришлось отмечать праздник втроем, на месте преступления, рядом с уже упакованными телами. И с фляжкой коньяка, обнаружившейся у Пасхавера. И под беспечные вяткинские крики «Ого-го! С Новым годом, святые пассатижи, с кем его встретишь, с тем и проведешь!». Конечно, Вяткин намекал на трупы, но в его исполнении это почему-то не выглядело кощунственно: всего лишь жизнь, неотделимая от смерти. И наоборот. Где-то через час после полуночи припозднившаяся

служебная машина развезла их по домам, но Брагину никто и не подумал предъявлять претензии.

Катя спала.

Ничего удивительного, маленькая женушка Брагина по натуре – жаворонок, так уж она устроена. Ночные бдения не для нее. И в церемонии встречи Нового года ее интересует только одно – проклятый пепел желания в бокале шампанского.

Желания, так до сих пор и не сбывшегося.

Катя одержима ребенком.

Когда они только поженились, этот вопрос даже не обсуждался, все подразумевалось само собой: в свое время (и с этим нельзя затягивать) на свет должен появиться маленький Брагин – Сергеевич или Сергеевна. Катя забеременела сразу, к своему собственному неистовому счастью и радости Сергея Валентиновича, но на третьем месяце случился выкидыш. И никто так и не смог объяснить Кате внятно, почему это произошло. Ее трагедия была такой же неистовой, как и счастье ожидания. А самое ужасное – она стала первой в цепочке других. Четыре замершие беременности, бесконечное хождение по врачам, сотни анализов, которые вынужден был сдавать и Брагин. Никто не ставил Кате диагноз «бесплодие», сперма Брагина тоже оказалась вполне пригодной, никакой фатальности в генетике – но ничего, ничего не получалось. После первого неудачного ЭКО Катя ударилась в религию, ездила по святым местам, неделю провела возле Синь-Камня на Плещеевом озере – вроде бы он помогал забеременеть тысячам женщин.

Но не Кате.

После второго ЭКО, тоже окончившегося крахом, православие сменил шаманизм. Алтай, Тува и Бурятия, причем в Бурятии Катя приобщилась еще и к буддизму, но на благополучный исход это никак не повлияло. Не было его, благополучного исхода.

Брагин уже стал забывать, что женился на умной и ироничной женщине. Обаятельной и открытой, несмотря на природную сдержанность. Из Катиной жизни (которая стала их общей жизнью) как-то сами собой исчезли подруги с детьми. Имевших детей коллег не приглашал в гости уже сам Брагин – из чувства самосохранения. Исключение было сделано только для Вяткина и Грунюшкина – бесполезных одиноких животных. И для Лизон – самой близкой Катиной подруги, еще школьной. Но и Лизон была отправлена в отставку, стоило ей только выскочить замуж за строилу из Ивано-Франковска, ремонтировавшего ей квартиру, и родить двойню. Эта двойня стала сущим издевательством над бедной Катей. Предательством,

какое трудно себе вообразить.

Непьющая, истязаящая себя самыми разными диетами, процедурами и витаминными комплексами Катя тогда страшно напилась. Она плакала в коленях у Брагина и через каждые три минуты задавала один и тот же вопрос: почему так несправедлива жизнь? Почему у Лизон – целых две крошки, а Кате бог не дает и одной? Или эти похабные девки, шлюхи, давалки, раздвигающие ноги с тринадцати лет и бегающие на аборт каждые полгода? Почему бог их не накажет, а раз за разом наказывает Катю? *Почему так, почему, Сережа?*

Тогда-то Брагин и сломался.

– Пойдем, – сказал он. – Пойдем, отнимем у Лизон лишнего ребенка. И у каждого будет по одному. Это же справедливо?

Кажется, Катя испугалась и заплакала еще горше, и Брагин полночи утешал ее, крепко обнимая и прижимая к себе. А на рассвете он проснулся оттого, что жена смотрела на него, не отрываясь.

– Что? – тихо спросил он.

– Ты меня бросишь, – еще тише ответила она.

– Не говори глупостей. Я люблю тебя и не собираюсь бросать.

– Это я во всем виновата.

С некоторых пор тема ее вселенской вины стала основной в жизни Кати.

– Не говори глупостей, – рассердился Брагин.

– Рано или поздно это произойдет.

– Что именно?

– Ты встретишь женщину... Девушку... Которая родит тебе детей. Продолжателей рода. Ведь для мужчины это важно – продлить свой род.

Она ждала очевидного ответа, хотя не задавала вопроса, просто констатировала факт. Она ждала, но Брагин молчал.

– Ты ее встретишь и уйдешь от меня. И будешь прав, и мне не в чем будет тебя упрекнуть. Ты и так слишком долго... – Она не смогла договорить и сухо, бесслезно зарыдала.

И Сергей Валентинович не выдержал. Он сгреб Катю в охапку, прижал к себе ее тело – легкое и такое родное, так привычно пахнущее ванилью и миндалем (ей нравятся кремы с ванилью и миндалем и лавандовое молочко) – и еще чем-то очень чистым, очень детским.

Их нерожденным ребенком, да.

– Что же нам делать? Что нам делать, Сережа?

Катя билась в руках Брагина: сначала сильно, а потом все слабее и слабее, как замерзающая на лету птичка, а он все никак не мог согреть ее.

– Давай усыновим ребенка.

Эта мысль и раньше приходила ему в голову – как естественная защита против надвигающегося Катиного безумия (если все и дальше пойдет такими темпами, то оно не заставит себя ждать). И как спасательный круг. Для них обоих и для какого-то неизвестного малыша, который будет расти в любящей семье, а не в детском доме. До сих пор он не озвучивал такую простую и единственно верную мысль, но теперь время пришло.

– Что? – переспросила Катя.

– Давай усыновим ребенка.

– Это невозможно.

Она выпросталась из мужниных объятий, отодвинулась от Брагина и теперь смотрела на него, склонив голову к плечу. Действительно, птичка, да и только.

– Почему невозможно? Раз уж так получилось... Может, хватит истязать себя? Тысячи пар это делают. Каждый день. И живут счастливо. Все счастливы, понимаешь?

– Это невозможно, – снова повторила она. – Все счастливы, да? Ты не знаешь, о чем говоришь!

– Ты знаешь?

– Я знаю, кто оказывается в детских домах. Дети из неблагополучных семей. С дурной генетикой, потому что ничего другого, кроме дурной генетики, наркоманы и алкоголики не продуцируют. И если сначала это не выходит на поверхность, то потом обязательно вылезет.

– Ну, не все же там – дети алкоголиков и наркоманов. Жизненные обстоятельства бывают разными.

– Может, и не все, но... Одна моя знакомая как-то усыновила сразу троих. Сначала девочку, а потом ее младших брата и сестру. Давай, спроси меня, что было потом!

– Что было потом? – на автопилоте спросил Брагин.

– Старшая со временем стала уходить из дому и жить с какими-то бомжами, которые дом обнесли, – с каким-то губительным сладострастием начала рассказывать Катя. – А потом нашла родного папашу-наркомана... А мать к тому времени загнулась от передоза. Так вот, девчонка заявила, что с папашей ей лучше. Лучше, понимаешь? Ей лучше спать на зассанном тряпье, чем в нормальной постели, в своей собственной комнате. И лучше ширяться, чем учиться в школе и ходить в художку. Или на музыку. А у мальчика обнаружили шизофрению... – А третья девочка оказалась аутисткой.

Брагин зло прервал ее:

– И что это за знакомая? Я ее знаю?

– Нет. Не знаешь. Это... недавняя знакомая.

– Что же она сделала с детьми? Вернула обратно?

– А что еще оставалось? Хочешь сам через это пройти?

– Да.

– Это будет не твой ребенок. Не твоя плоть и кровь. И он никогда не станет твоим, хоть убейся. И ведь даже претензии никому не предъявишь.

– А если просто попробовать полюбить? Вдруг получится?..

Больше они не возвращались к этому разговору – как будто его и не было. И внешне ничего не поменялось, и Катя все так же сдавала анализы и таскала на них Брагина. Вот только прежнее неистовство ушло, как будто все у Кати выгорело изнутри.

Остался только накопившийся за годы новогодний пепел.

И хорошо, что Брагин не увидел сына Веры Протасовой. Нет, безумие ему не грозит, вот только грусть иногда заполняет до краев. Но Катя не должна замечать его грусть. Усталость – да, и озабоченность – потому что у него такая работа, всегда на грани. Они – его постоянные спутники; сизая дымка, заслоняющее солнце, которое щедро светит остальным людям.

Но в Питере еще нужно извернуться и обнаружить солнце там, где его не бывает в принципе.

После визита к Протасовой Брагин все никак не мог отделаться от этой истории. Если отбросить экзистенциальную шелуху, в сухом остатке выходило, что правоохранительные органы сработали неправильно. Вернее, не сработали совсем. И у этого должна быть своя причина.

Первое, что приходит в голову, – статус: Филипп Ерский – знаменитый музыкант. Пусть и классический, – следовательно, гораздо менее популярный, чем ведущие персонажи шоу-бизнеса. Но он хорошо известен на Западе, а это – дополнительные очки.

И все же...

Статус – ни разу не индульгенция. Машина правосудия таких статусных людей перемалывает мгновенно, если их не окружают надежные бетонные блоки. Покровители в высоких эшелонах, один звонок которых способен если не остановить следствие, то, во всяком случае, сильно затруднить его.

Возможно, в случае с Верой Протасовой сработала именно эта схема. Пока женщина находилась в коме, следствие буксовало. А потом, когда она отказалась подавать заявление на Ерского, и вовсе заглохло. Не само по себе. Нельзя исключать вероятности, что следователям, разбиравшимся с

проломленным черепом скрипачки, поступили... рекомендации. Да и с Верой успели к тому времени поговорить. Припугнули. И, припугнув, настоятельно рекомендовали не ворошить прошлое. Заплатили отступные. Скорее всего – немаленькие, ведь и преступление было не рядовым. Брагин абсолютно уверен, что именно так и всё и произошло, и несколько лет Вера честно держала рот на замке, выполняя свою часть сделки. Что произошло потом?

Подстрелили орла, вот что. Нет больше Ерского. Был – и сплыл, вот язык у его жертвы и развязался. Вопрос в том, были ли другие. Если были, то где они сейчас? Все ли живы или кому-то повезло меньше, чем Протасовой? Как показывает практика, типы, подобные Ерскому, сами не останавливаются.

И девушка.

Теперь, после Вериных откровений, логично было предположить, что девушка из автобуса вполне могла стать одной из тех, кто испытал на себе вивисекторское любопытство знаменитости. И она была скрипачкой, а значит, априори, – человеком с по-другому устроенным слухом. Тем самым, который позволял оценить талант Ерского по достоинству и распахивал абсолютно все дверцы в душе.

Брагин же этих дворец, дверок, форточек, а также лазов для кошек и собак понять не может. Вместо катарсиса получается один сплошной сквозняк. Заинтригованный сверх меры историей про скрипичный концерт «Памяти ангела», Сергей Валентинович даже нашел его на Ютьюбе. Правда, не в исполнении Ерского, но дела это не меняет.

Унылое говнище этот ваш концерт. Да. Противопоказанное людям со здоровой психикой.

После первых пяти минут прослушивания Брагину пришла в голову новаторская мысль: «Памяти ангела» нужно давать прослушивать самым отпетым негодяям перед допросом. Признательные показания в обмен на прекращение музыкальной экзекуции гарантированы.

Общественность, населяющая филармонии и концертные площадки (по обе стороны рампы), думает иначе наверняка. Вот и скрипачка из автобуса могла попасться в сети гениальности Филиппа Ерского. А потом было уже поздно что-то менять.

Инфицирование произошло, вирус уже в крови.

И остается только наблюдать со стороны, как рушится твоя жизнь.

Начало теории выглядело довольно правдоподобно, как и побудительные мотивы Неизвестной: сюда даже вписывались следы от наручников на запястье девушки. Проломив башку одной крале, Филипп

мог приковать к чему-нибудь и вторую, с него станется.

Но, едва двинувшись по этому пути, Брагин неожиданно забуксовал: всё бы ничего, только убил девушку явно не Ерский. Он уже был мертв, когда та покинула квартиру. Настежь распахнутые лоджия и окно на кухне впустили в квартиру декабрьский холод и несколько замедлили процесс разложения трупa. Так что точное время убийства скатилось на приблизительное: плюс-минус несколько часов. И это все, что Брагин смог вытрясти из Пасхавера. Но даже если продолжать придерживаться версии, что Филиппа убила девушка (пусть и защищая себя), – то кому понадобилась ее собственная смерть? К тому же такая безотлагательная. Ведь истязатель мертв.

Или были другие истязатели? Или были... кто?

Брагин злился на себя. Злился на камеры, которым не удалось зафиксировать никого, кто выходил бы с красным рюкзаком из автобуса № 191 по всему маршруту следования. В записях неплохо был представлен Невский с толпой китайцев у Гостинки, пробивающих себе путь в салон чемоданами и сумками. И что это только приключилось с ними? И куда подевался транспорт, на котором обычно передвигаются группы? Одиночные пассажиры, а также пары и несколько малочисленных компаний тоже имели место быть, но и здесь рюкзак не отыскался.

Об этом Брагин узнал из отчета Гавриковой и Солопченко – двух практикантов, которыми честный человек В. К. Столтидис усилил группу. *Сказано – сделано, получай, Сергей Валентинович, людей.* И Гаврикова (строгая девушка), и Солопченко (юноша, находящийся в патологической зависимости от строгой девушки) показались Брагину толковыми ребятами. Готовыми тратить время на рутину в ущерб шерлокхолмсовской высоколбой аналитике. Не старой, а новой, воплощенной английским актером Бенедиктом Камбербэтчем в лихом, но чрезвычайно оторванном от всех правоохранительных практик сериале.

Кроме того, креативная Гаврикова предложила кинуть клич по владельцам автомобильных видеорегистраторов, оказавшихся на пути следования маршрута: если уж уличные камеры не помогли, вдруг кое-что зафиксировали именно регистраторы?

После небольших прений от этой идеи было решено отказаться. Слишком много времени прошло со дня преступления, слишком широко пришлось бы забрасывать невод. Но в порядке внерабочей инициативы...

Тут-то Брагину следовало прикусить язык. Одна из внерабочих инициатив опера Однолота закончилась Филиппом Ерским, лежащим на матрасе, в пустой квартире, с простреленной головой. Однолету же удалось

оперативно поговорить с хозяйкой квартиры, оказавшейся известным и постоянно гастролирующим театральным деятелем. Кто конкретно и в какой последовательности проживал, деятель не помнила, и, судя по всему, там был самый настоящий проходной двор. Таким образом подтверждались все ночные пророчества районного следака Телятникова, который высказался в том духе, что сраной богеме ни в коем случае нельзя доверять. Сама измажется черт знает в чем – и остальных измажет.

Филипп Ерский, по здравом размышлении, тоже был сраной богемой, только куда более занимательной, чем все остальные ее представители. Более опасной. И... он совсем не был похож на классических музыкантов, терзающих инструменты в сольных партиях. Достаточно было вспомнить виртуозов, которых они с Катей видели в Мариинке, Филармонии, Большом зале Консерватории, и залах поменьше – у Финляндского вокзала, например.

Люди как люди все эти солисты. Ничего выдающегося, даже наоборот. Стертые физиономии, тонкие (или наоборот – в три обхвата) руки; ну и ноги – соответственно комплекции. Музыкальные самоистязания не оставляют времени на спортзал, чтобы подкачаться и привести себя в относительный порядок.

Не то – Филипп Ерский.

Писанный красавец, с отличной фигурой. Не великан, но и не карлик, – так что среднестатистическая женщина без всякой опаски может взгромоздиться рядом с ним на каблуки. Понятное дело, что среднестатистической женщине хотелось бы эти каблуки не надеть, а снять. А заодно снять верхнюю одежду и нижнее белье – и рухнуть в объятия новоявленного Алена Делона. А потом в изнеможении перебирать его искусственные косички. Паша Однолет даже сообщил Брагину, как называются косички, но слово напрочь вылетело из головы Сергея Валентиновича.

Какое-то совершенно несерьезное.

Слово забылось, да, но сами косички Брагин помнил во всех подробностях. Уж очень любопытные вещицы были к ним прикручены. Крошки-инструменты (и здесь солировала скрипка), микроскопические игральные кубики, монетки, фигурки людей и животных. И не только фигурки – но и бусины, и камешки в сетке. Этот летучий отряд так запал в сердце Игорю Самуиловичу Пасхаверу, что тот даже провел его экспресс-анализ. И оказалось, что фигурки не простые, а золотые, в прямом смысле этого слова. А кое-какие – даже платиновые. И камни, вплетенные в косички, – драгоценные. Не сплошь все, есть и просто поделочные, но пару

необработанных алмазов Пасхавер выловил.

– Тысяч на двенадцать-пятнадцать гринов потянет, – заявил судмедэксперт Брагину. – Больше вряд ли, хотя мог бы. С умом человек подошел.

– Думаешь?

– А то! Они, конечно, в глаза не бросаются, но какой-нибудь опытный чудила на таможне заинтересоваться может. И погонит к красному коридору, декларацию заполнять. А у парня все под зеленый коридор заточено, до десяти тысяч вывезти – святое дело.

– Отъездился уже, – меланхолично заметил Брагин.

– Это да.

Самое смешное, что косички легко и непринужденно расстались с головой покойного Филиппа: они были просто вплетены в подшерсток. Основа из ниток мулине, обвязанная такими же нитками. Работа выполнена аккуратно, но ее исполнитель так и не нашелся. Очевидно, Филипп Ерский развешивал свое богатство на волосах вдали от родины – в Валенсии или Карловых Варах.

Эх. Хорошо бы съездить туда в командировку, но В. К. Столтидис никакой командировки не даст. В лучшем случае – в Кириши или Подпорожье, но как раз они никакого отношения к Филиппу Ерскому не имеют.

Это – еще ладно бы. Но то, что до сих пор не нашлось никаких родственников, не объявились родители, – странно. Кому достанутся косички? А дом в Валенсии?

Понятно, что через довольно короткое время начнется гандикап по борьбе за нешуточное наследство, и схватка будет жаркой, но должны быть и другие люди. Не коллеги, не музыканты, не поклонники, а те, кому его смерть причинила боль.

Отец и мать.

О них нет ни одного упоминания. Ни в нескольких лирических интервью, где Ерский довольно живо рассказывает о своей музыке. Ни в его жизнеописаниях, – их немного, но они все же существуют. Эти жизнеописания похожи на купание в лягушатнике для тех, кто не умеет плавать. Зайти в воду по пояс – уже геройство, но не дай бог свалиться в глубины. Потому что выплыть оттуда может все что угодно. Вот и приходится ходить по кромке последних пятнадцати лет. Здесь возвышается коралловый риф, куда впаян последний год Консерватории, Вера Протасова и те, кто хотел бы занять ее место; Петр Гусельников с завиральными историями про собак, гастроли, лучшие сцены мира, снова

гастроли, фотосессии, – и музыка, музыка, музыка.

Музыка доносится и из-за рифа, но разглядеть, что там еще, – невозможно.

Чем больше Брагин погружается в поиски истоков, тем меньше у него остается шансов найти их. Кажется, Филипп Ерский никогда и нигде не рождался, а катапультировался с небес (или, скорее, выполз из преисподней) непосредственно в скверик справа от Консы, – там, где стоит памятник композитору Глинке.

Но это – сугубо внутренние ощущения Сергея Валентиновича. С ними спорит такая прозаичная вещь, как внутрироссийский паспорт, где указано, что Ерский Филипп Аркадьевич родился в городе Северск Томской области 17 января 1986 года. Кроме того, среди документов Ерского сохранилась копия свидетельства о рождении, где матерью Филиппа значится:

ЕРСКАЯ ЕЛЕНА АРКАДЬЕВНА – 1970 г. р.

В графе «отец» стоит прочерк, куда подевался оригинал свидетельства – неизвестно.

Ответ на запрос, отправленный в Северск, многое объяснил, но и породил еще больше вопросов. Да таких, что впору было отправляться в этот забытый богом медвежий угол, а заодно и еще несколько углов – поцивилизованнее. И нельзя сказать, что этот ответ оказался полной неожиданностью и сбил Брагина с ног. Тем более в свете постоянных мантр Кати о том, что мысль материальна, и неудачного дебюта Сергея Валентиновича в качестве проводника идей усыновления.

Филипп Ерский воспитывался в одном из детдомов города Томска, куда его в трехлетнем возрасте сдали родственники. После того как мать Филиппа покончила жизнь самоубийством, едва ей исполнилось восемнадцать.

За скупыми официальными строчками разворачивалась самая настоящая Одиссея, трагическая и вместе с тем – прекрасная. Она обязательно понравилась бы Грунюшкину, а новая знакомая Брагина Дарья Ратманова влюбилась бы в нее с первого взгляда. Единственное, что остановило бы строптивую девчонку, – кисло-сладкий привкус большого Голливуда.

Нет, она не станет потрясать Голливудом, но, возможно, вспомнит андерсеновского гадкого утенка. Потому что именно так выглядит эта история для тех, кто рискнул вскарабкаться на коралловый риф. Брошенный всеми мальчик просто обязан был пропасть на заснеженных просторах Сибири; спился бы, или сторчался в местном леспромхозе, или замерз после двухдневного блуждания по тайге. Быть задраным медведем

и впоследствии объединенным песцами – тоже ничего себе таежный сиквел. Но у крохи оказался ангел-хранитель – музыка. Музыка звучала в клетке-душе все громче и громче, и всего-то и нужно было, что открыть дверцу и выпустить ее на волю. Он и открыл – скрипичным ключом.

Лучше всего продаются истории успеха. Особенно когда у героя нет никаких шансов на успех. Найдешь такую историю – аудитория обеспечена, – делился как-то своими профессиональными секретами Грунюшкин. А Брагин взял и запомнил. Потом благополучно забыл, а теперь вспомнил снова. И сразу же впал в недоумение: почему Филипп Ерский ни с кем такой вкусняшкой не поделился – хотя бы в формате интимно-доверительного шоу в прайм-тайм. Когда к замочным скважинам приникают миллионы обывателей в надежде рассмотреть, как там, за наглухо закрытыми дверями, живут, совокупляются, предаются и лгут знаменитости. Несомненно, вылейся детдомовское прошлое Ерского на экраны – оно прибавило бы ему очков.

Он и так знаменит.

А был бы еще знаменитее – и не в узком кругу ценителей классики, а в самом широком, затрагивающем все часовые пояса. Не говоря уже о том, что медийное узнавание легко монетизируется, нужно лишь оказаться в нужное время в нужном месте.

Он и так богат.

А стал бы еще богаче. Не говоря уже о вале рекламных телеконтрактов, которые могут последовать за уже имеющимися...

Стоп.

Нет у Ерского никаких рекламных контрактов при всей его модельной внешности, – что тоже странно. Существуют же вполне благородные, не вызывающие раздражения товары – безопасные бритвы там, или дезодоранты, или мужской парфюм. Кто-то из знакомых Ерского вспомнил о переговорах, которые вела с ним одна крупная компания по производству крема для бритья. Филипп долго морочил им голову и в конечном итоге отказался.

Почему?

У него отсутствуют аккаунты в соцсетях – в то время, как их заводят даже тараканы (не говоря уже о тварях покрупнее). Прессы, посвященной Ерскому, намного меньше, чем он того заслуживает как крупный музыкант. Все его фотосессии носят случайный характер, а фото с сильными мира сего делаются в основном за границей, для зарубежных изданий. Он почти не дает интервью, а если дает – то ограничивается рассуждениями о музыке и общечеловеческих ценностях; никакой конкретики, никаких

подробностей, дверь в его личную жизнь всегда плотно закрыта.

Была плотно закрыта.

Теперь, когда Ерского больше нет, Брагина не покидает ощущение, что разгадку его смерти нужно искать в прошлом, или в проекции этого прошлого на настоящее. А сам Филипп кажется наивным мальчишкой, стоящим посреди замерзшей водной глади. Лед слишком тонок, чтобы выдержать парня, малейшее движение – и ледяная слюда под ним пойдет трещинами, хрустнет и разойдется. Но даже если он не будет двигаться – исход необратим.

Стоять нельзя двигаться.

Где бы ни была поставлена запятая, она не в силах спасти мальчишку со скрипичным ключом.

Добро пожаловать в дивный новый мир с прозрачными, напичканными оптоволоконным стенами: здесь можно отследить каждый шаг. И, по цепочке шагов – самое начало пути. Его невозможно замести снегом, забросать опавшими листьями или обрывками афиш. Даже купюрами выложить невозможно – все равно что-то да вылезет.

Какой-нибудь прискорбный факт, о котором хотелось бы забыть навсегда.

Брагин даже пожалел несчастного Филиппа. И жалел до тех пор, пока не вспомнил о визите к Вере Протасовой. И о ее проломленной голове, и о месяце, проведенном в коме. Как она сказала? «Зло никогда не будет наказано».

И еще – «Есть силы, столкновения с которыми лучше избегать».

Остались ли они, после того, как Филипп Ерский перестал существовать, или свернули свою работу? Если зло Филипп – то его уже наказали. Но история явно не закончена, потому что есть еще и девушка из автобуса № 191.

Теперь же некоторые – почти сокровенные – надежды Брагин связывал еще с одной девушкой, Лерой Гавриковой. Он долго решал, кого бы отправить за тридевять земель, в Сибирь, в Томск и Северск, – Гаврикову или Солопченко. По всему выходило, что Артема Солопченко: здоровенного бугая под два метра ростом, обладателя борцовской шеи, кулаков, размером с хорошую хеллоуиновскую тыкву и похожих на колонны ног. Солопченко вполне мог сменить любого из эрмитажных атлантов, если бы тому приспичило прогуляться и размять плечи, – и никто не заметил бы подмены. Да, Солопченко был парнем хоть куда и легко бы справился с внешними обстоятельствами. И перевернул бы Северск, и нахлобучил бы его на Томск, да еще и соседнему Омску досталось бы. Но

внешние обстоятельства – не всё. Существуют и внутренние вызовы. И вот тут Солопченко, со своими тыквами, колоннами и воловьими глазами, явно не годился. Сложно шепнуть что-то на ухо человеку, голова которого прячется за облаками. А Брагину как раз и нужен был шепот. Потому что тайны на площадях и под барабанный бой не разглашают. И хрупкой девушке иногда доверяют то, что не всегда доверят мужчине. Именно такой хрупкой девушкой и была Гаврикова. А еще она была хорошенькой блондинкой с кукольным личиком и непреходящей синевою глаз.

Недолгое общение с Гавриковой навело Брагина на мысль, что внешность бывает не только обманчива. С ней можно даже расстаться, одним движением руки дернув за невидимую молнию. Кукольная головка отвалится сама собой – и миру явится миниатюрный Камбербэтч с раскосыми, как у северокорейских патриотов, глазами.

Строгие северокорейские патриоты одержимы укреплением ядерного потенциала и еще черт знает чем. Строгая Лера Гаврикова одержима поисками истины и ради этого, как показали камеры и видеорегистраторы (еще не проинспектированные до конца), готова на все.

В том числе – лететь через полстраны в трехдневную командировку (с возможностью продления, если обнаружится что-то архиважное).

Брагин сам отвез Леру Гаврикову в Пулково. И последние наставления давал уже за шлагбаумом, на подъезде к аэровокзалу.

– Постарайся найти как можно больше людей, которые пересекались с матерью Ерского, и выяснить причину ее самоубийства.

– Я все помню, Сергей Валентинович. Родственников тоже откопаю.

– Так. Теперь детский дом. Наверняка его там не забыли. Собирают материалы о выдающемся воспитаннике. Важно найти тех, кто был знаком с ним в то время. Детдомовские друзья-приятели. Какие-нибудь местные музыканты. Музыкальные школы прошерсти, училища. Не с кондачка же он начал на скрипке играть. И скрипку наверняка не сразу раздобыл, что-то этому предшествовало.

– Я поняла. Не волнуйтесь.

После того как Гаврикова скрылась в здании аэровокзала, помахав ему напоследок растопыренной пятерней, Брагин несколько минут простоял на аварийке. Он размышлял, правильно ли поступил, отправив в ключевые для следствия места желторотую девчонку. И не лучше было бы полететь туда самому, все разузнать, переговорить с людьми и вообще... Дотянуться до вещей, которые ни в какой официальный рапорт не втиснутся.

Не лучше.

При всем видимом объеме, задача перед Гавриковой стоит не

запредельно трудная: собрать и систематизировать сведения. Даже выводов делать не нужно, они будут сделаны позже, уже здесь. И возможно, на их основе и возникнет какая-нибудь удобоваримая версия.

Из раздумий Сергея Валентиновича вывел телефонный звонок: звонила Катя.

– Буду на месте через двадцать минут. Ты уже освободился?

– Эм-м?

– Сережа? Все в порядке?

Только теперь он вспомнил. А вспомнив, покрылся испариной. Сегодня была одиннадцатая годовщина их свадьбы. Несколько раз – вприглядку, исподволь, они уже успели обсудить это: куда пойдут, как будут праздновать и имеет ли смысл заказать столик заранее или свободное местечко по обыкновению найдется? *Имеет смысл*, потому что заказывают столик они всегда, да и рестораны особо не меняются. Последние несколько лет это «Пряности и радости», симпатичное гинзовское заведение наискосок от «Ленфильма», на Малой Посадской. Выглядит всё так, что никто и не готовится особенно, – *мы ведь не какие-нибудь сентиментальные дураки, да и возраст...* Но для Кати это важно. Такой себе ритуальный жест, почти как пепел в шампанском. Вот она и напоминает ненавязчиво, а Брагин делает вид, что не слышит, – чтобы в самый последний момент все состоялось. И прошло на высшем уровне – и букет, и подарок, и тихий семейный разговор.

Не о ребенке.

Просто – вечер воспоминаний, преимущественно смешных и забавных; воспоминания нанизываются друг на друга, как бусины, не всегда равноценные. *Стеклянные, деревянные, оловянные*, о да! Часто одно и то же воспоминание (а за долгую совместную историю Брагина и Кати их накопилось множество) у каждого из супругов выглядит по-разному. Причем настолько по-разному, что тут же произвольно делится, как клетка. И обе вновь образовавшиеся клетки отдаляются друг от друга с приличной скоростью. И начинают жить отдельной жизнью.

Да это просто «Расёмон» какой-то, обычно смеется Катя, им обоим когда-то очень понравился этот старый японский фильм.

Ни один год не обходится без своего Расёмона, но сейчас у Сергея Валентиновича даже подарок не заготовлен. Как это могло произойти? Ведь всю последнюю неделю тема с подарком периодически всплывала в сознании Брагина. Он никогда не бывает оригинален: серьги, или кольцо, или кулон на цепочке. То, что можно вынуть из кармана и торжественно вложить в руку жены. Правда, однажды он подарил Кате поездку в

Красную Поляну, и они собирались отправиться туда вдвоем, покататься на лыжах. То есть каталась бы Катя, а не приспособленный к зимним видам спорта и плохо обучаемый Брагин просто наблюдал бы за ней. Но в самый последний момент на Сергея Валентиновича навалились дела, и Катя улетела в Красную Поляну с Лизон.

И теперь дел выше крыши, но празднование годовщины еще никто не отменял.

– ...Все в порядке, милая. Вернее, ничего не в порядке, но это рабочие моменты. Скоро буду, не скучай без меня.

– Смотри... Если что-нибудь важное... – Катин голос дрогнул.

– Сегодня вечером нет ничего важнее тебя.

Не слишком ли пафосно это прозвучало? И так ли уж искренен Брагин? И почему, вместо того чтобы думать о сегодняшней годовщине (цветы – не проблема, но еще нужно отыскать подходящую ювелирку), он думает о Дарье Ратмановой?

А мог бы – о Неизвестной из автобуса. Или о Филиппе Ерском. Но, черт возьми, все последние дни он и так думает о них постоянно. А сейчас – его личное время.

И это личное время он хотел бы провести не с женой, а с Дарьей Ратмановой. Дерзкой девчонкой, так похожей на его первую любовь. Неприятное открытие, переводящее приличного человека Сергея Валентиновича Брагина в разряд подлецов. Бабников и дешевых ловеласов. Но запретить себе вспоминать единственную встречу с Дарьей он не может. И в его силах сделать так, чтобы встреча стала не единственной. Достаточно позвонить и сказать, что готов поделиться занимательными сыщицкими историями с деятелями кинематографа.

Она приедет обязательно.

Конечно же, Брагин никуда не позвонил. Вместо этого он купил в круглосуточном «Оранже» первый попавшийся букет, а в большом ювелирном на Московском проспекте – первое попавшееся кольцо. И ему еще повезло с отсутствием сколько бы то ни было значимых пробок – предрождественским и предновогодним бичом любого мегаполиса. Но сейчас бич явно пощадил Сергея Валентиновича, просвистел мимо. И – в общем и целом – получилось, что опоздал он всего лишь на час. А если вычесть Катины двадцать минут, – и того меньше.

Катя ждала его за столиком у окна. С двух сторон столик окружали вьющиеся растения в кадках, осторожно сплетаясь ветвями вверх. Вот и получалось, что сидит она в импровизированной беседке. Перед Катей стоял бокал с вином и маленькая чашка американо. Кажется, в прошлом

году они сидели на том же месте.

Брагин телефоновал Кате от Инженерного замка, заявив, что будет совсем скоро и хорошо бы ей начать заказывать ужин. *Пока еще приготовят – чего время терять?*

– Тебе как обычно? – спросила Катя.

«Обычно» – означало харчо, шашлык и хачапури по-имеретински. И хинкали для полного комплекта. И «Наполеон». Как долго Брагин пробавляется этим на годовщину? Уже и не сосчитать, сколько хинкали сожрано и заполировано «Наполеоном». И неужели не осталось ничего, что выходит за пределы колеи, по которой они с Катей, почти не оглядываясь по сторонам, бегут столько лет?

– Закажи мне рыбу, – бросил он.

– Какую? – Голос жены прозвучал удивленно.

– Какую угодно. Лосось, сибас. Без разницы.

Стейк из лосося оказался очень даже ничего, а вот букет, который притаранил Брагин, – не очень. Стоило только официанту сунуть цветы в специально принесенную вазу, как тотчас же выплыли их несовершенства: несколько роз моментально поникли головками, сами собой отвалились листья (слава богу, не все!), а сморщенные бутоны, спрятанные в середину, даже не обещали раскрыться. Катя не могла не заметить всего этого цветочного секонд-хендовского безобразия, но перенесла его стоически. Как и то, что Брагин – впервые в жизни! – облажался с размером кольца.

– Очень мило, – сказала она, меланхолично наблюдая, как кольцо поочередно соскальзывает с безымянного, среднего и указательного пальцев. – Спасибо, родной мой. Очень красивая вещь.

– Мне казалось, что будет впору...

– Просто пальцы немного похудели. Ничего страшного.

– Можно отнести в ювелирную мастерскую... Там заузят.

– А вдруг пальцы снова поправятся? – резонно заметила Катя. – Опять растачивать в мастерской?

В ее голосе не было никакого упрека, но Брагин заметно приуныл. *Так тебе и надо, дураку,* – корил он себя на все лады, и чем у тебя только голова забита?

Дарьей Ратмановой, но Катя никогда не узнает об этом.

– Чем у тебя забита голова в последнее время? – Катин вопрос застал Брагина врасплох, и он едва не подавился последним куском лосося.

– Ничем особенным. Работа, ты же в курсе.

– Та девушка из автобуса?

– Тут, по ходу, еще один пассажир к ней приклеился. Некто Филипп

Ерский. Известный скрипач, чтоб ему...

Параллельно Брагин вдруг подумал о том, что не посвящал Катю в историю со знаменитостью, а это было совсем на него не похоже. Обычно он делится с женой случившимся за день, – перед сном, уже лежа в постели. Рассуждает вслух, пока Катя, подперев рукой голову, слушает его. Строит версии и тут же выбрасывает их за ненадобностью. А потом обнимает Катю, целует ее в теплую макушку, и новая версия рождается сама собой.

Он давно не целовал Катю в макушку.

Может, потому и приличных версий нет.

– Филипп, – задумчиво произнесла Катя. – Кто-то говорил мне, что он умер. Не помню, кто. Выходит, правда.

От неожиданности Брагин выронил вилку и несколько секунд смотрел на Катю в упор. Неожиданный поворот сюжета! Он, Сергей Валентинович, бегаёт по всему Питеру, как в задницу ужаленный, по крупичкам собирая все, что так или иначе относится к Ерскому. А прямо у него под боком собственная жена называет публичную персону запросто – Филипп!

– Ну, не совсем умер. Вернее, умер не по своей воле. – Брагин был так взволнован, что даже не сумел толком подобрать слова. – Его убили. Выстрелили в голову.

Катя сковырнула со стоящего перед ней десерта ягоду клубники, окунула ее во взбитые сливки и молча начала есть, откусывая по маленькому кусочку.

– Вы знакомы? – не выдержал Брагин.

– Когда-то давно были знакомы, – сказала Катя. – И потом виделись несколько раз, у Михаила Борисовича.

Брагин даже не сразу вспомнил, кто такой Михаил Борисович. И только потом до него дошло, что это – Лутонин, Катин крестный, старинный друг ее родителей. Лутонин был известным в городе коллекционером. И коллекционировал он все, что касалось музыки. В основном инструменты, но были в его коллекции и партитуры, некогда принадлежавшие великим музыкантам; и первые экземпляры оперных либретто, и черновики нотной записи, и даже некоторые личные письма композиторов.

Летом прошлого года Лутонина убили, а его огромную квартиру на Кронверкском проспекте ограбили, – и это было самое нелепое убийство, совершенно бессмысленное. И самое нелепое ограбление: вор даже не понял толком, с кем и с чем имеет дело.

И если смерть Михаила Борисовича Брагин изучил достаточно

подробно, поскольку сам принимал участие в коротком расследовании, то в его жизнь особо внедряться не хотелось. И Брагин ограничился фактами, которые узнал от Кати.

Шестидесятитрехлетний Лутонин расстался с женой, с которой прожил почти три десятка лет, сразу после того, как их дочь Наденька получила университетский диплом и отбыла за границу (то ли в Кёльн, то ли в Берн) на стажировку. Там она и осталась, удачно выйдя замуж за аборигена – то ли немца, то ли швейцарца. С шиком отгуляв на свадьбе и спустив на нее целое состояние (*знай наших, черти нерусские!*), Лутонин и предложил своей жене «расстаться, пока хорошие».

– И ведь ничто не предвещало, – сказала тогда Катя.

– На пустом месте вспучило? – удивился Брагин.

Он-то, исходя из своего специфического опыта, знал что ни с того ни с сего у граждан может вспучить только по пьяни или по обкурке, – и то не факт. Вот и теперь Катя, подумав, согласилась, что место было не таким уж пустым. Но обсуждать эту тему (в связи с деликатностью ситуации) отказывалась. Так что Брагину пришлось самому приоткрыть завесу над следствием:

– Ладно, детка, все и так знают, в чем там собака порылась.

– И в чем же она порылась?

– Ходят мутные слухи.

– Ты же следователь, – вспыхнула Катя. – Как ты можешь питаться слухами?

– Что поделать, если это – моя основная пища. Там сопоставишь, здесь кусок воткнешь – глядишь, и картинка нарисовалась. И что мы видим на картинке?

– Не ввязывай меня в это. Михаил Борисович прекрасный человек.

– Ну кто же спорит? Оскар Уйальд тоже был прекрасным человеком, не говоря уже о Петре Ильиче...

– Замолчи, пожалуйста.

Брагин и сам понял, что перегнул палку. В конце концов, Лутонин являлся Катиным крестным, пусть они и не так тесно общались. Особенно в последние годы. Брагин и Лутонин даже не были представлены друг другу; возможно, виной всему оказалось то, что в лутонинском разводе Катины родители, не сговариваясь, приняли сторону его жены Иветты. И призывали к тому же Катю, постоянно капая ей на темя. А ведь Лутонин, как благородный человек, полностью обеспечил покинутую Иветту и до самой своей смерти оплачивал небольшой коттедж в курортном Сестрорецке, куда его бывшая жена переселилась.

Чтобы дышать воздухом взморья.

Самому же Лутонину перед самой смертью пришлось подышать запахом обойного клея: через сайт Авито он пригласил заезжего строителя – переклеить обои в одной из комнат своей квартиры на Кронверкском. Неизвестно, чем руководствовался Михаил Борисович, нанимая жопорукого (по меткому выражению капитана Вяткина) молдаванина. Вернее, известно чем: двадцатилетний парень Виорел-Константин Матей был красив, как молодой бог, и так же хорошо сложен. Он еще не успел как следует заматереть, но тело его уже налилось силой. Кожу Виорел-Константин имел лилейно-белую, выгодно оттеняемую юношеским румянцем; кудри – смоляные, глаза – светло-зеленые и прозрачные до невозможности.

– Немудрено, что старый козел поплыл, – высказался тогда капитан Вяткин. И добавил неполиткорректно: – Тьфу, пропидор чертов. Последнее дело – искушать малых сих. Бедный парень этот Матей.

– Да уж. И ведь все яснее некуда, – добавил Брагин.

– Во-во. По делам их узнаете их, – согласился Вяткин.

Дело и впрямь было несложным. Пришедшая поутру домработница Ксения (она убиралась на Кронверкском раз в три дня) застала ужасающую картину: хозяин, Михаил Борисович Лутонин, лежал посреди гостиной в луже крови, придавленный pedalной арфой восемнадцатого века. Рядом валялись металлический кларнет начала двадцатого и никельхарпа – шведская скрипка. Никельхарпа, изготовленная в далеком 1513 году, была одной из звезд лутонинской коллекции инструментов.

Самым неприятным во всей этой криминальной ситуации оказались спущенные штаны Михаила Борисовича. Они прозрачным образом намекали на «сексуально-девиантный» характер преступления. Впоследствии, когда убийца был задержан, он подтвердился.

Но и без того картина выглядела яснее ясного. Остатки царского ужина на кухне (икра, санкционные сыры, хамон, сырокопченая колбаса, шампанское, водка «Кремлевская», водка «Абсолют Кристалл», водка «Белуга»). Все в доме перевернуто вверх дном, многие инструменты разбиты. Ящики письменного стола выдвинуты, дверцы буфета начала девятнадцатого века – сломаны. Из квартиры похищена наличность (около трех миллионов рублей), кое-какие драгоценности, два планшета, айфон последней модели и ноутбук «МакБук Про», диагональ 15 дюймов. Кроме того, преступник прихватил несколько раритетных партитур, польстившись, очевидно, на их необычный и слишком уж экзотический вид.

Недотепа Виорел-Константин засветился сразу на нескольких камерах наблюдения: лифтовой и подъездных – с огромным баулом, в котором выносил награбленное. Так что задержать его не составило труда – ровно через сутки после того, как домработница Ксения переступила порог квартиры на Кронверкском и наткнулась на педальную арфу. И за эти сутки прыткий молдавский юноша успел посетить несколько ломбардов, куда заложил ноутбук, платиновые запонки, три золотых печатки с вензелями «МЛ», нательный крест, усеянный сапфирами и топазами, и... *маленький латунный рожок проводника «Восточного экспресса».*

С этим рожком случилась довольно странная история: Виорел-Константин сдал его в ломбард, но через пять минут вернулся, чтобы выкупить рожок обратно. Сообщив, что жить без него не может и что почти такой же был у его дедушки, начальника поезда «Кишинев – Окница».

– Олигофрен, что ли? – по-отечески поинтересовался капитан Вяткин у задержанного гражданина Матея. – Йобобо конченный? Ты зачем печатки в ломбард притараканил? Они же именные. И остальные вещи тоже приметные.

– А надо было не так? – Виорел-Константин выглядел искренне удивленным.

– Конечно. На дно бы залег для начала. А там... Хотя... Чего дурака учить. Ты вокзальной шлюхе с Витебского айфон подарил, с каких пирогов?

– За отсос, – покраснев, брякнул Виорел-Константин. – То есть это... За минет.

– Оно того стоило?

– Ага. Здорово было.

– А знаешь ли ты, дурашка, что в каждом таком гаджете есть функция «найти айфон»? И твою девку мы за пять минут вычислили. А тебя – вообще без всякого айфона. Куда ноты дел, которые украл?

– Продал, – пожал плечами глупый молдавский бог. – Не знаю кому. Пьяный был.

– Задорого продал?

– За сто рублей.

– Это после того, как ты три лимона вынес и драгоценности в придачу? И технику? – изумился Вяткин. – На хрен вообще было бумажки трогать?

– Они красивые.

– А продал тогда почему?

– Они красивые.

- А почему дешево так?
- А больше не давали.
- Кто купил?
- Не помню. Пьяный был. Мужик какой-то. Или парень. Он на машине потом уехал.
- Что за машина, помнишь?
- Нет.
- А может, он на велосипеде уехал?
- Может.
- Или на трамвае?
- Может. Говорю же, не помню.

Все остальное Виорел-Константин тоже помнил довольно смутно. Он помнил, как закончил работу (обои были поклеены отвратительно), и хозяин, благообразный пожилой мужчина, пригласил его поужинать. И весь ужин подливал и подливал юнцу водки. Напившись, молдаванин уснул, а когда посреди ночи пришел в себя, – оказалось, что окаянный дед возится с его штанами, пытаясь приложиться к члену. Тогда-то Виорел-Константин, пылая праведным гневом (*я же не гомик какой!*), и избил старика.

Тем, что под руку подвернулось: сначала кларнетом, а когда тот погнулся – никельхарпой, тоже оказавшейся не слишком крепкой.

Возможно, Михаил Борисович остался бы жив, если бы не арфа, сброшенная на несчастного в самом финале неравной схватки. Слишком уж она неудачно обрушилась на голову несостоявшегося любовника: несколько колков угодили в висок, да и сам череп треснул под тяжестью инструмента.

Поняв, что содеянного не исправить, убийца обчистил дом, а потом по-дурацки попался, не мог не попасться. *Тут и сказочке конец.*

История выглядела отвратительно, печально и смешно одновременно. Как и положено истории, треснувший фундамент которой базировался на роковом стечении обстоятельств. Стоило вынуть любой из самых маленьких компонентов, и она бы никогда не состоялась: сайт Авито, необходимость клеить обои, арфу-убийцу, молдаванскую красоту – простодушную и провокационную одновременно. К тому же Михаил Борисович всю свою жизнь скрывал пожирающие его желания: не только от близких и друзей, но и от себя самого. Терпеливо дожидался, пока подрастет и оперится дочь, всячески опекал бывшую жену, чувствуя неизбежную вину перед ней. Вообще, несмотря на приличное, нажитое за долгие годы состояние и некоторые сделки сомнительного характера, Лутонин оставался достаточно совестливым человеком. Но страсти,

казавшиеся ему порочными, подтачивали Михаила Борисовича изнутри. Не в силах с ними бороться, уже на склоне лет, он выпустил своих демонов наружу и... остался перед лицом вечности в спущенных штанах.

Первый опыт оказался не только неудачным, но и последним.

Брагин был в курсе особых отношений Катиной семьи с Лутониными и потому сделал все, чтобы по максимуму приглушить весь этот макабрический сюжет – во всяком случае, для прессы и досужих обывателей. Да, самые близкие друзья о чем-то таком догадывались, но, памятуя о почти безупречной репутации коллекционера и – местами – благотворителя, предпочли держать язык за зубами.

А безутешная бывшая жена, передав большую часть коллекции в дар городу и продав злополучную квартиру на Кронверкском, выехала к дочери Наденьке на ПМЖ в Европу.

Лутонины – все вместе и каждый по отдельности – растворились в прошлом, как облачка в небесах; оказались заслоненными естественным течением жизни. И Брагин почти не вспоминал об этой истории. Почти забыл ее, пока Катя вдруг не вспомнила о Михаиле Борисовиче.

И когда? – в день их одиннадцатой годовщины.

И в связи с чем? – с делом, над которым бился сейчас Брагин.

– ...Расскажешь мне эту историю?

– Нечего особенно рассказывать. Это было еще до нашего знакомства.

Ого.

Сергей Валентинович вдруг почувствовал, как у него нехорошо засосало под ложечкой. «Нечего особенно рассказывать»?

А вот хренушки.

По тому, как неожиданно вспыхнул румянец на Катиных щеках, и по тому, как она подобралась и несколько раз повторила магическое «еще до нашего знакомства», Брагин понял – что-то такое наклевывалось. Или произошло.

«Еще до нашего знакомства» предполагает полную свободу от нынешних отношений. Тогда совсем юная Катя даже не помышляла о замужестве и вольна была менять кавалеров, как перчатки. Собственно, тем же самым занимался и Сергей Валентинович. Сначала носившийся с Элкой Гусаровой, а потом, когда та его продинамила и укатила в Италию, – с не меньшим энтузиазмом переключившийся на Псков, Опочку и Темиртау.

А теперь еще и сценаристка Дарья Ратманова. *Алё, Сергей Валентинович, вы берега не попутали?*

И все равно – даже намек на гипотетическую связь между покойным Ерским и его женой отдавался в Брагине дребезжащей болью и запоздалым

чувством тревоги за Катю. Если все, что рассказала Вера Протасова, – правда, значит, любая женщина, приблизившаяся к Филиппу, находится в зоне риска. Но... Вот она, Катя. Сидит напротив своего дражайшего муженька, живая и здоровая. А то, что было – быльем поросло. Брагин так и должен ко всему относиться.

Оки, он попробует.

– У вас был роман?

– Нет. Не было особого романа.

Опять эти идиотские обороты – *нечего особенно рассказывать, не было особого романа*. Слишком долго Брагин прожил с Катей, чтобы не заметить: эти воспоминания ей не просто неприятны. Ей бы хотелось, чтобы их не было. Тогда зачем она вообще призналась в знакомстве с Ерским?

– Значит, особого романа не было.

– Угу.

– А какой был? – Брагин спросил об этом с максимальной мягкостью, на которую только был способен. Лишь бы Катя не посчитала его самодуром-мужем, ревнующим свою жену к прошлому.

– Так. Целовались пару раз. И всё.

– Но ты до сих пор об этом помнишь.

– Ну глупости же, Сережа! Я могла вообще не рассказывать.

Вот да. Возможно, теперь Брагин получит ответ на этот вопрос.

– Прости. Продолжай.

– Я даже не была влюблена. Это как-то по-другому называется.

– Инфицирована? – неожиданно вспомнил Сергей Валентинович словечко Веры Протасовой.

Катя улыбнулась мужу давно забытой им полуиронической улыбкой: глаза прикрыты, голова покачивается, губы растянуты, и при этом их кончики слегка опущены вниз.

– Очевидно, ты общался с какими-то... более поздними женскими наслоениями в его жизни. Когда он уже стал тем, кем стал. И сразу от него было подцепить легче легкого.

– Что ты имеешь в виду?

– Не я произнесла слово «инфицирована». И не ты его придумал. Тебе бы это просто в голову не пришло. А тогда, когда мы познакомились, он был просто мальчишка, никакой не гений музыки. То есть гением он уже был, но мало кто об этом догадывался. Он только приехал в Питер из провинции.

– Из Томска?

– Я не помню. Кажется, там фигурировал другой город. – Катя нахмурилась. – А это принципиально, какой именно?

– Совершенно не принципиально.

– По-моему, это был Красноярск. Или Новосибирск. Что-то крупное. Ему даже негде было жить тогда.

– И как все разрешилось?

– Письмо. Он приехал с письмом от какого-то знакомого... – Тут Катя на секунду запнулась, как будто чувствовала боль, не сильную, но беспокоящую, что-то вроде занозы в пальце. – Знакомого Михаила Борисовича. Тоже связанного с музыкой. Скорее всего, преподавателя, я так думаю.

– Выходит, Лутонин помог Филиппу Ерскому на первых порах?

– Любой бы помог, достаточно было хотя бы раз услышать, как он играет. Михаил Борисович поднял все свои связи – тогда и возникла консерватория и остальное.

– И тогда же возникла ты, да?

– Примерно. – Катя рассмеялась, но это был какой-то вымученный смех, усталый. – Тогда или чуть позже.

– И он на тебя запал?

– Говорю же... Он был мальчишка, а я была существенно старше.

– Несущественно, – возразил Брагин.

– В определенном возрасте пять лет – это целая пропасть.

Снова это неприятное ощущение пустоты под ложечкой, *весело справляем годовщину, ничего не скажешь!* Столько времени прошло, а Катя до сих пор помнит об этой разнице в возрасте. И возлагает на нее вину... Ничего она не возлагает!

– Но это его не остановило, правда? Для таких парней пропасть – естественная среда обитания.

Катя посмотрела на Брагина так, как будто видела его впервые. И возможно, себя – но не нынешнюю, а ту, прошлую. Периода пары поцелуев.

– Я, скорее, думала о небесах.

– Он тебя купил, – догадался Брагин. – Своей музыкой. Как и всех остальных.

– Ты догадлив, муж мой. – Катя протянула руку через стол и коснулась пальцами щеки Брагина.

– Ну, так следователь же! Краса и гордость правоохранительных органов.

– Гордость и предубеждение.

– Я не предубежден, я просто пытаюсь понять, почему случилось то, что случилось. И здесь ценны любые свидетельства.

– Скрипичные концерты Моцарта в качестве свидетелей подойдут? Четвертый и Пятый?

– Значит, с тобой был Моцарт. Филипп рассказывал о себе?

– Крайне скуп. Ему хотелось музыки и целоваться.

– Но о чем-то же вы говорили? О его семье, родных...

– Там была какая-то трагическая история, о которой он особо не распространялся.

– С матерью, – сказал Брагин.

– Разве? Вроде бы он говорил об отце.

До сих пор отцом Филиппа Ерского был прочерк в свидетельстве о рождении. С другой стороны, всеми брошенный ребенок вполне мог придумать себе историю про отца и поверить в нее. Это с матерью все было однозначно, документально подтвержденное самоубийство не давало возможности для разночтений. А с отцом, сочиненным в набитой музыкой голове, можно было двигаться куда угодно.

– Что именно говорил?

– Я не помню. И это не было особенно важным. Так, упоминание, не больше.

Она помнила. Брагин видел это.

– Вы долго встречались?

– Мы не встречались. – Брагин укоризненно покачал головой, и Катя тут же поправилась: – Пару недель, может быть, месяц. Сначала он жил у Михаила Борисовича, потом Иветта нашла ему квартиру на Васильевском, на Пятнадцатой линии, возле Смоленки... Огромную, с мансардой, полностью убитую. Но ему нравилось.

– А тебе?

– И мне, – просто сказала Катя. – И всем, кто туда приходил. Там было много места для музыки. Два окна в небо, два – на Смоленку. И там есть маленький сквер, такой заросший, растрепанный, с сиреневыми кустами.

Голос Кати показался Сергею Валентиновичу чересчур мечтательным – совсем не так вспоминают несущественные отношения, случившиеся много лет назад.

– Я знаю этот сквер, любовь моя. И Смоленское кладбище напротив. И лютеранское наискосок. Окна на них случайно не выходили?

– Может быть.

– Даже если выходили, никто бы не стал в них смотреть. Все предпочитали пялиться в небо, не так ли?

– Ты как будто хочешь меня в чем-то уличить.

Катя не обиделась, просто погрустнела. И выглядела такой несчастной, *такой девчонкой*, что Брагину немедленно захотелось свернуть этот никому не нужный разговор и прижать жену к себе. Но вместо этого он сказал:

– Если я кого-то и хочу уличить, то только Филиппа Ерского.

– Его больше нет.

– Это ничего не меняет. Мне не нравится этот тип.

Вот он и произнес крамольные слова. Привнес личное отношение в дело об убийстве знаменитого скрипача, а ведь следователь должен быть беспристрастен. И в подавляющем большинстве случаев – выступать на стороне жертвы. И всегда – на стороне истины.

– Надеюсь, не из-за меня? – спросила Катя.

– Ты никогда не слышала о Вере Протасовой?

– Нет. Кто это?

– Одна близкая знакомая Ерского. Эм-мм... пострадавшая от его любви.

– Исход не был смертельным?

– Почему ты об этом спрашиваешь? – удивился Брагин.

– Я не знаю... Просто была одна история... Еще на Смоленке. Он довольно долго там прожил, несколько лет...

Катя подняла руку и помахала в воздухе рукой, как будто защищаясь, – то ли от воспоминаний, то ли от очередных вопросов Брагина, суть которых могла сводиться к одному: *выходит, ты следила за его судьбой?*

– Я не следила за его судьбой. И историю мне рассказала Иветта, она любит посплетничать. Да и квартира на Смоленке принадлежала каким-то ее приятелям...

– Так что за история?

– Девушка. Кажется, театровед. Очень красивая, как утверждала Иветта. Она и имя ее называла, но я забыла. Девушка жила в той квартире.

– Жила там с Ерским?

– Очевидно. Так вот, она выпала из окна и разбилась.

– Вот просто выпала? – хмыкнул Брагин. – Окна, что ли, мыла, бедняжка?

– Я рассказываю это не для того, чтобы ты оттачивал здесь свое остроумие. Она не мыла окна. Просто разбилась насмерть. Свидетелей не было.

– А Ерский?

– В это время он вроде бы выходил в ночной магазин.

– Вроде бы или выходил?

– Наверняка выходил. А девушка к тому же была наркоманкой. Может, именно это все и спровоцировало.

– Ломка?

– Ломка. – Голос Кати прозвучал не очень уверенно.

– Значит, гений жил с наркоманкой. Днями и неделями наблюдал, как она старчивается под его скрипичные концерты. А потом, когда ломка подоспела, вышел в магазин. За кефиром, поди? И больше никого в доме не было?

– Этой истории сто лет, – поморщилась Катя. – Подробностей и тогда было немного.

– Сто или не сто... Но ты сама ее вспомнила. Что-то в ней не так, да?..

– Если я и думала об этом когда-то, то сейчас – точно нет.

Катя больше не смотрела на Брагина, она снимала порчу с цветов, спокойно и методично. Обрывала мертвые лепестки и бросала их на стол.

– Что-то не так у нас с тобой, Сережа.

Не так. Мало того что Брагин совершенно позабыл о торжестве, принес дрянной букет и крупно подставился с кольцом, так он еще превратил их едва ли не единственный в году тихий семейный вечер в филиал комнаты для допросов. И где-то там, за зеркалом Гезелла при чистилище, на них смотрит новопреставленный Филипп Ерский и посмеивается. А может, и ржет в голос. *Ну, и кто ты после этого, Сергей Валентинович?*

– Прости... Прости, милая. Я, конечно, клинический идиот. Испортил нам вечер. Хочешь, закажем еще шампанского?

– Нет. Нечего особо праздновать.

– Хочешь уйти?

– Хочу знать, кто такая Дарья Ратманова. Ты ведь расскажешь мне прежде, чем со мной расстаться?

Ретроградный меркурий

...Пеннивайз не подвел.

Отдал-таки распоряжение своей помощнице Соне прежде, чем скрыться в глубинах Средиземного моря. Все еще сидя в теплой кофейне, Паша несколько раз набрал куклу-маньяка, – так ему не терпелось побыстрее разделаться с муторными опросами свидетелей и перейти к конструированию версий. Два раза он наткнулся на вежливое сообщение о том, что абонент разговаривает по другой линии – *не иначе, с Пеннивайзом, получает ЦУ*, решил Паша.

Видимо, так оно и было, поскольку, когда Однолет все же дозвонился до Софико, звонок не удивил ее.

– Это сегодняшний Павел Однолет, – бодро начал Паша.

– Да. Я узнала.

– Лидия Генриховна...

– Лидия Генриховна попросила меня оказать вам всяческое содействие.

– Очень любезно с ее стороны. А можно ли всяческое содействие перенести на ближайшее время?

– В смысле? – удивилась Соня.

– Я тут, неподалеку. Можно сказать, что рядом.

В ухе Однолета, где только что поскрипывал голос Сони-Чаки, зазвенела нехорошая тишина.

– Алло! – на всякий случай подул в трубку Паша. – Вы меня слышите, Соня?

– Следите за мной? – после долгой паузы отозвалась помощница женщины-мима. – Вынюхиваете что-то?

Здрасте. Приплыли.

– Просто хочу пригласить вас на кофе. Это возможно?

– Ничего не могу обещать.

Кажется, эту фразу Паша Однолет уже слышал. Неизвестно, где ее подцепила кукла-маньяк, потому что ей она явно не принадлежит. Что там говорила про нее Лидия Генриховна? Подвижница – раз. Предана театру всей душой – два. Абсолютно все тащит на себе – три. Ну, и апофеоз – *«никого-то у нее нет, у бедной трогательной толстухи»*. Это красавицы вроде Сандры никогда и никому ничего не обещают. А одинокие толстухи обещают всем, всё и всегда, – в надежде избавиться от одиночества... Так

что подсесть монументальную, как скульптура Церетели, Софочку не составит труда. Если Паша пошевелит извилинами.

Вот только спиннингом ее не выловить, слишком велика тушка.

Придется закидывать невод.

– Маленькое кафе наискосок от вашего офиса, – мягким увещающим голосом заворковал Однолет. – «Зимняя дверь». Знаете?

– Конечно.

– Буду рад вас видеть.

– Ну, хорошо. Я приду.

Соня выплыла из офиса минут через пятнадцать и неспешно двинулась к пешеходному переходу: этот путь она уже проделывала некоторое время назад и тогда шла довольно быстро. Сейчас же, явно предполагая, что за ней наблюдает Однолет, она пыталась изобразить красотку, которой плевать на свидание. Так и вошла в «Зимнюю дверь» с выражением томной скуки на лице. Паша к тому времени переместился со своего наместа у стойки за ближайший столик, справедливо решив, что высокий стул с тонкими ножками может и не выдержать Соню. Неприятности с падением и всеобщим привлечением внимания ему были вовсе не нужны. Напротив, он собирался погрузиться вместе с Соней в доверительную беседу (с элементами флирта, если понадобится). Наверняка офис-менеджер госпожи Дезобри знает больше, чем успела ему рассказать.

А о кое-чем и попросту умолчала.

Над столиком, который оккупировал Паша, висел портрет Вуди Аллена (при чем здесь Вуди?) и – чуть выше, почему-то Че Гевары (при чем здесь Че?). Но в общем и целом это было уютное место – с маленькой горящей свечой и серебристой елочкой, размером с сигаретную пачку: коллективу «Зимней двери» не терпелось начать праздновать Новый год.

Однолет встретил Соню с преувеличенной радостью, как старую подружку по студенческим попойкам, – только что в объятия ее не заключил.

– Взял на себя смелость заказать вам десерт, – вместо приветствия сообщил он. – «Крокембуш» называется. Выглядит красиво.

– Очень мило с вашей стороны. – Соня со всего размаху плюхнулась на стул и поджала губы. – Только я на диете. Не ем сладкого.

– Ну... – Паша немного растерялся. – Он низкокалорийный.

– Считаете, мне нужно похудеть?

– Нет, но...

Однолет непроизвольно засопел, соображая, как бы поизящнее

вырулить от темы похудения к теме квартиры на Коллонтай.

– Люблю Вуди Аллена, – наконец изрек он. – А вы?

– А я нет. Дурацкий юмор. И все вертится вокруг секса. И все друг другу изменяют. – Соня мельком взглянула на стену над столом. – И Че Гевару не люблю тоже. И почему только людям спокойно не живется?

У Паши насчет Че Гевары было свое мнение, но он не нашел ничего умнее, чем безвольно поддакнуть:

– Сам удивляюсь.

– Давайте не будем отнимать друг у друга время, Павел. И оперативно решим все вопросы. В формате блица, так сказать. Вас интересовала однокомнатная квартира на Коллонтай, насколько я поняла.

– Все верно. Может быть, кофе?

– Минеральную воду.

Пока Однолет ходил за минералкой, кукла-маньяк успела вытащить из сумки целую кипу бумаг: толстенная амбарная книга, блокноты поменьше. Квитанции, сколотые скрепками; стопка приклеенных друг к другу стикеров. И теперь, аккуратно разложив их и ни в чем не нарушив геометрии прямых углов, она ждала Пашу. С упаковкой влажных салфеток в одной руке и дезинфицирующей жидкостью в другой. Вся эта – немного сюрреалистическая – картина лишь подчеркивала маньяческую сущность помощницы Дезобри.

– Можете воспользоваться, – сказала Соня, протягивая салфетки.

– Ага.

И пока Однолет протирал руки, она открыла талмуд и пробежалась глазами по нескольким страницам.

– Так. Вас интересует, кто проживал там.

– Да.

– За какой период?

– Скажем, за последний год.

– Считаем от декабря прошлого года или от января нынешнего? – деловито спросила Соня.

– А это важно? – удивился Однолет.

– Смотрите. – Сонин палец заскользил по бумаге. – 29 декабря прошлого года оттуда выехал наш актер Евгений Коляда. Жил неделю, начиная с 22 декабря.

– Что же так скоропалительно выехал?

– Жена. Сначала выгнала его из дому, а потом одумалась и приняла обратно. А уже 8 января, сразу после Рождества, в квартиру заселился Семен Рыков, тоже наш актер. Прожил три месяца без одного дня, и

седьмого апреля квартира снова была свободна.

– Лидия Генриховна упоминала о сыне своего старинного приятеля – Иване Караеве.

Соня на минуту задумалась. Вернее, сделала вид, что задумалась, после чего произнесла едва ли не по слогам:

– Ху-дож-ник.

– Точно.

Что-то неуловимо поменялось в Сонином лице, и оно на какие-то пару секунд пришло в движение, заколыхалось, затряслось. И это живо напомнило Паше потревоженный вилок холодце. И было что-то еще, от чего хрен отвяжешься, даже если захочешь.

Ага, вот:

Он видел Соню раньше, хотя не был с ней знаком вплоть до сегодняшнего дня.

– Я очень хорошо его помню. Ивана Караева. По просьбе Лидии Генриховны я встречала его в аэропорту. Двадцать третьего мая, вечерний рейс из Новосибирска. И сразу же отвезла в квартиру на Коллонтай... Нет, – неожиданно перебила она сама себя и вскинула очень тонкую, аккуратно выщипанную бровь. – Не сразу. Мы еще заехали поужинать в ресторан «Барашки». Это на Сенной площади.

Соня испытующе посмотрела на Однолота, но тот молчал.

– Это была не моя инициатива, – наконец сказала она. – На ужине за счет театра настояла Лидия Генриховна. Она иногда бывает чересчур сентиментальной. На пользу делу это не идет.

Паше вдруг стало грустно. Бедная, бедная Соня! Несмотря на влажные салфетки, дезинфицирующую жидкость и находящиеся в идеальном порядке бумаги, она производила впечатление не самого опрятного человека в мире. Наверное, всему виной ее кожа – чересчур жирная, вся в крошечных оспинах и рытвинах. Крылья носа сохраняют красноту: уж не прыщи ли она давила те пятнадцать минут, пока Паша ждал ее?

Все может быть.

И брови. Старательно выщипанные, они не успокаиваются, пробиваются черными точками. Черные точки взобрались даже на переносицу! Пашино воображение – тот еще фрукт: оно снова принимается крутить сальто и устраивать цыганочку с выходом. И подсовывает Паше Соню-девочку, но не ребенка, а подростка. И это крайне неприятный подросток, некрасивый.

С монобровью, над которой потешается весь класс.

Картина маслом, блин. Паша слишком сердоболен, сентиментален, –

совсем как Лидия Генриховна Пеннивайз, он готов немедленно устроить обнимашки с Софиго. И скормить ей проклятый десерт «Крокембуш», чего бы ему это ни стоило.

– Значит, сначала был ресторан, а ключи от дома – потом.

– Да. Он благополучно заселился в тот же вечер.

– А вы?

– Вернулась к себе, что же еще.

– Как долго он проживал в квартире?

– Достаточно долго. – Кукла-маньяк снова начала рыскать по записным книжкам. – Ага, вот. С двадцать третьего мая по тринадцатое ноября.

– Надо полагать, платил за квартиру он вовремя?

– Не смешите. Платила за все я, вынимая деньги из карманов Лидии Генриховны.

– Понятно, – улыбнулся Однолет.

– Ничего вам непонятно. Та квартира не приносила прибыль – одни расходы. Сколько раз я говорила Лидии Генриховне: чем отдавать деньги в никуда и привечать актеров, которые по определению бедны, как церковные мыши...

– А разве у вас не процветающий театр?

– Актеры не процветают никогда. Это абсолютно никчемные, неприспособленные к жизни существа. Хуже детей. Даже задницу себе вытереть не могут без посторонней помощи.

– По вашему боссу этого не скажешь. – Паша вспомнил верхушки пальм и испанскую террасу за спиной Дезобри. – Она вполне преуспевающий человек.

– Это стоит некоторых усилий, поверьте. – Соня, надменно сощурившись, в упор посмотрела на Однолета. – Вашей покорной слуге и... ммм... группе меценатов. Они боготворят Лидию Генриховну. Тем и живем.

Кукла-маньяк аккуратно влила в себя полстакана минералки и на секунду задумалась:

– Но мы говорили не об этом.

– Мы говорили о том, что квартира не приносит прибыль, – подсказал Паша.

– Да! Проще продать это недоразумение на окраине. И купить что-нибудь ближе к центру. Сделать хороший ремонт в стиле ар-нуво и сдавать жилплощадь дипломатам. За валюту. Да хоть бы и не дипломатам. Да хоть бы и оставить ту берлогу, но заключать контракты с нормальными

арендаторами. Толку было бы больше. Да и лишних денег не бывает по нашим кризисным временам.

– Не срослось с ар-нуво? – Однолет сочувственно покачал головой. – Не послушалась шефиня?

– Бороться с Лидией Генриховной бесполезно.

– Понятно. Но условия там были шоколадные, как я посмотрю.

– Более чем. Я уже молчу о вай-фае и спутниковом ТВ с тремястами каналами.

Перед внутренним Пашиным взором проплыл интерьер квартиры № 1523. Холодильник с аэрографией, навороченная кофемашина, хорошо обставленная кухня, коробки из-под пиццы, стереосистема, плакаты на стене, матрас, труп. Телевизор? *Извините, нет.* Но уточнять про телевизор Однолет не стал, сказав только:

– Круто. У меня дома двадцать, но я все равно не смотрю.

– А у меня и вовсе ни одного. Выкинула зомбящик на помойку. Ненавижу!

Поди еще и на протестные акции шастает, – с тоской подумал Паша, глядя в центр Сониной переносицы. Стоит в одиночных пикетах за всё хорошее против всего плохого. А неведомый оперу Иван Караев – это однозначно плохо. Во всяком случае, Соня всячески старается сей факт подчеркнуть.

– То есть, живя там, можно было ни за что не платить.

– Абсолютно, – подтвердила кукла-маньяк. – Всего-то и нужно было, что раз в месяц снимать показания счетчиков... Электричество, вода... И сообщать их мне по телефону. Но эти уроды даже о такой малости забывали.

– Какие уроды?

– Да все. Кто там отирался. Иван Караев не исключение.

– И как вы выходили из ситуации?

– Капала на мозги. Капля камень точит, так что всё как-то утрясалось.

– Но в результате Караев съехал?

– Да, – с жаром подтвердила Соня. – Выкатился к чертовой матери в ноябре.

– Что так?

– На работу устроился стараниями святой Лидии Генриховны. Где-то рядом с Адмиралтейскими верфями. А это другой конец города. Вот и нашел себе, что поближе.

– Ясно. А после Караева?..

– После Караева там никто не жил, слава богу. Правда...

Соня забарабанила пальцами по столу. Просто удивительно, как лихо у нее получается, и не хочешь, а учуешь мелодию сквозь дробь. В офисе это были «Джингл Беллз», теперь же Однолету явно слышится «О боже, какой мужчина!». *Что за дрянь вы курите, пф-фф...* Редкостная фигня эта песня, а вот Вяткину нравится, и капитан свято уверен, что сочинена она про него.

– Что?

– Не знаю, – тут же засомневалась офис-менеджер. – Это не моя тайна.

– Ваша тайн...

– Не моя!

– Не ваша тайна, – поправился Однолет. – Не выйдет за пределы этого стола.

– Обещаете?

– Если это не затронет интересы следствия, разумеется.

– Ну, хорошо... Только если это в интересах следствия. Несколько раз у меня брал ключи Женя... Евгений Коляда. – Отложив в сторону талмуд, Соня сосредоточилась на тонком блокноте с диснеевскими «Красавицей и Чудовищем» на обложке. – Вот. С семнадцатого по девятнадцатое ноября включительно, накануне отъезда на гастроли.

– Зачем?

– А вы не понимаете? – На оплывшее Сонино лицо взбежала гримаса отвращения, как будто она только что прихлопнула тапкой таракана. –

Адюльтер. Пошлый адюльтер. Коляде понадобилась квартира, чтобы обстрепывать там свои срамные сексуальные делишки. И наверняка с какой-то шлюхой. Бедная Настя.

– Настя?

– Это его жена.

– Отвратительно. – Однолет покачал головой. – Но как вы, Соня, могли под этим безобразием подписаться?

Сонины глаза по-совиному округлились, а щеки запылали – не красным, а каким-то даже фиолетовым, так оскорбительна была ей мысль о возможном соучастии.

– От меня бы он ключей не получил никогда. Но этот павиан наябедничал Лидии Генриховне, и она приняла его сторону. Я была вынуждена подчиниться.

– Выходит, Лидия Генриховна...

– У Лидии Генриховны... При всем моем пиетете к ней. – Тут Соня понизила голос до театрального шепота. – М-мм... Весьма своеобразные представления о морали. Для нее главное – как актер работает на сцене. А уж что там его вдохновляет – шлюхи, покер на раздевание или

скотоложество – дело пятое. А Евгений – ее главный партнер, и нервировать его – ни-ни. Вот она и распорядилась... травой перед ним стелиться и выполнять все прихоти... б-ррр... «Выполнять все прихоти» в Сониных, покрашенных бледной помадой устах звучит так, как будто ее заставили голой плясать на столе. А ведь речь идет всего лишь о связке ключей!

– Ключи всегда хранятся у вас?

– В офисе, в сейфе.

– Они существуют в одном экземпляре?

– Никакие ключи не существуют в одном экземпляре, – веско заметила Соня. – Всегда есть запасной комплект. И он тоже хранится в сейфе.

– Но любой из проживавших там мог сделать дубликат, верно?

– Теоретически. – Кукла-маньяк снова заиграла бровями, что должно было означать интенсивную работу мысли. – Практически, вероятно, тоже.

– Странно, что ваш актер этим не воспользовался, Евгений. Тогда бы ему не пришлось ходить к вам на поклон. Или никто не знает, занята квартира или нет?

– Все знают, – пожала плечами Соня. – Это никакая не тайна.

– Тогда тем более странно.

– Евгений не слишком умен. Дурак, если быть совсем точным. Петрушка. Но актеру ум и не нужен, правда?

– Вам виднее. Вы же работаете с творческой интеллигенцией. И вот о чем я хотел бы попросить вас, Соня... Сходите со мной в кино?

Несчастливая кукла-маньяк снова стала фиолетовой, а затем – засветилась неоном, как стоящая на столике маленькая елка. Мигнув несколько раз, неон уступил место мертвенной белизне, отчего пористая фактура Сониных щек стала еще заметнее. Но и Паша пережил шок: еще секунду назад он и думать не думал о таком непристойном предложении и открыл рот только для того, чтобы поинтересоваться телефонами проживавших на Коллонтай мужчин. А вот поди ж ты! Как теперь выбираться из этой запенди?

– Какое кино? – прошелестела Соня.

– Не знаю. Мультик какой-нибудь, – брякнул Паша, лишь усугубляя сюрреализм момента. – Или... что хотите.

– Это исключено.

– Понял. Тогда, может, дадите мне телефон...

– У вас уже есть мой телефон.

Она наконец справилась с собой и теперь взирала на Пашу с тем же выражением, с которым ввалилась в «Зимнюю дверь», – томной скуки.

– Да. Занес в контакты на постоянной основе. А номер Ивана Караева где-нибудь у вас сохранился? И вашего Петрушку придется потревожить. Любимца Мельпомены.

Не говоря ни слова, Соня вынула из задней части талмуда картонку – размером с визитную карточку. Затем сверилась с какими-то записями в третьем по счету блокноте (*Принц Персии vs Русалочка*) и что-то быстро набросала на визитке.

– Верхний номер – Коляда. Нижний – Караев. Что-то еще?

Паша напряженно молчал. Он попросту боялся открыть рот, чтобы оттуда не вылетела еще какая-нибудь глупость, инспирированная близостью мистической и кровожадной куклы Чаки. А если бы она согласилась на кино? Как потом разгребать? Все так же храня молчание, он достал из кармана три фотографии и веером разложил их перед Соней.

– Знаком кто-нибудь? Может быть, видели когда-то?

Посмертное фото девушки из автобуса № 191 (прижизненных просто нет); фото Филиппа Ерского, выуженное из интернета и распечатанное; Филипп и Шарк на борту яхты. Последнее шло внеплановым прицепом, как скан с оригинальной фотографии, который Однолет сделал собственноручно. Соня снова постукала пальцами по столу (на этот раз на свет божий явился убойный прошлогодний хитяра «Lost on You») и переложила фотографии в линию и под прямым углом друг к другу.

– Так. Девушка мне незнакома. Никогда ее не видела. Парня видела, но не могу вспомнить где. А вот мужчина... Это Кассис, Кирилл Викторович, один из наших основных спонсоров. Большой друг театра и лично Лидии Генриховны. Он у нас на каждой афише фигурирует. Ну, не он лично. Его компания.

– Как называется компания?

– Что-то вроде «Стрим-экспресс». Я могу посмотреть.

– Не нужно, – воспротивился было Однолет, но Соня уже листала блокноты:

– Да. «Стрим-экспресс», так и есть... Я видела его в «Барашках». В тот вечер, когда мы ужинали там с Иваном Караевым.

– Главу фирмы?

– Нет. – Соня прикрыла веки. – Парня рядом с ним. Того, кто на второй фотографии.

Однолет почувствовал, как по спине – от шеи к копчику – пронеслась вереница мурашек. Так бывало всегда, когда ему неожиданно улыбалась удача. Еще ничего толком не произнесено, история даже четких контуров не приобрела, а уже растет и ширится ощущение, что ты бога за бороду

схватил. И он вот-вот начнет давать признательные показания.

– Этот парень тоже там ужинал?

– Непосредственно в зале я его не видела.

– Где тогда?

– Вы же знаете, где они находятся, «Барашки».

– Никогда там не был, – вынужден был признать Однолет.

– Четвертый этаж торгового центра на Сенной. Народу тьма, но в «Барашках» тихо. Очень интеллигентное место. Я специально его выбрала и столик заранее заказала. С видом на Исаакий, чтобы сразу представить город. Все было очень мило. Иван Караев читал мне стихи.

– Правда, что ли?

– О Петербурге, – тут же поправились Соня. – Пейзажная лирика. И немного гражданской.

– «Люблю тебя, Петра творенье...»?

– И это тоже. А еще «Я вернулся в свой город, знакомый до слез». Потом он рассказывал о своей семье. Отец его, оказывается, учился здесь в театральном, а сам Иван Караев никогда в Питере не был. Даже удивительно. Это он так сказал – «Даже удивительно». И здесь у него никого нет. Кроме Лидии Генриховны и теперь вот... меня. Это он так сказал – «и теперь вот меня». А потом...

Соня снова смежила веки, и Паша Однолет увидел, как без усталости движутся под кожей глазные яблоки: влево-вправо, влево-вправо. Она как будто пыталась восстановить в памяти картину случившегося и все расставить в строгом геометрическом порядке. Царство прямых углов и одинаковых расстояний между предметами. Так удобнее искать ускользающие детали, и именно этим кукла-маньяк сейчас и занималась.

– Потом Иван Караев кого-то увидел на входе. Мне, во всяком случае, так показалось. И что-то он такое сказал сам себе... Пробормотал под нос. Не очень лицепрятное.

– Что именно?

– Я не запоминаю подобные формулировки, увы. В общем, он извинился и сообщил, что сейчас подойдет. И вышел.

– И?

– Он довольно долго отсутствовал. Настолько долго, что я отправилась его искать. Все-таки человек впервые в городе, мало ли что... А вы бы как поступили?

– Если бы он был девушкой? – уточнил Однолет. – Наверное, так же.

– Я даже на улицу вышла, но его нигде не было. А потом, когда поднялась... Там, рядом с «Барашками», есть небольшой коридорчик,

который упирается в черную лестницу. Или... как это называется?

– Запасной выход.

– Да. Обычно он закрыт...

– Обычно? Вы часто там бываете?

– Не то чтобы... Но мы отмечаем там дни рождения. Летние. Сейчас.

Жестом фокусника Соня вынула из стопки еще один блокнот, четвертый по счету – «Винни-Пух и все-все-все». И раскрыла его.

– Игорь Томашпольский – 13 июня, Семен Рыков – 24 июня, Клавдия Петровна Слащинина – 3 июля. Клавдия Петровна – наш костюмер. Там еще есть терраса, очень милая, она нравится Лидии Генриховне.

– Так выход оказался открыт?

– Да. И они там стояли, на лестнице. Иван Караев и тот парень с фотографии. Мне показалось, они ссорились.

– Показалось или ссорились?

– Насколько критична будет неточность в изложении? – поинтересовалась Соня, и Паша Однолет поразился столь затейливой формулировке.

– Желательно вспомнить все в подробностях.

– Ну, хорошо. Иван Караев сказал: «Почаще оборачивайся с сегодняшнего дня. Только вряд ли тебе поможет. Ты не жилец». Он еще что-то говорил, но я запомнила только это... Не знаю, насколько это важно.

– Это важно, – подумав, сказал Однолет. – Что было потом?

– Я ушла. А как бы вы поступили на моем месте? Если бы они меня обнаружили, мне бы точно не поздоровилось. Не к тому, что мне пришлось бы почаще оборачиваться. – Соня неожиданно хихикнула. – А может, и к тому. Ненужный свидетель вызывает чувство неловкости. А это чувство может завести куда угодно.

– Вы думаете?

– В детективах все выглядит именно так. Не бульварных, а настоящих. С интеллектуальной начинкой. Неловкость – чем не мотив?

– Ну, не знаю...

Еще ни разу за время короткого знакомства Соня не казалась Однолету так похожей на сумасшедшего Чаки из ужастика. И эта страсть к прямым углам и мелочной фиксации всего и вся!.. С толстухой явно не все в порядке, а он еще в кино с ней собрался...

– А вы какой мотив предпочитаете?

– Предпочитаю, чтобы их вовсе не было.

– А мне нравится месть. Я бы выбрала его. Видимо, и Иван Караев его выбрал. Ведь парня с фотографии убили, так? Но я ничего не утверждаю.

Просто рассказываю все, как есть, стараясь избежать неточностей.

– Я благодарен вам за это, – промямлил Паша, слегка ошарашенный Сониными признаниями. – Теперь давайте продолжим. Вы вернулись в зал?

– Да.

– А Иван Караев?

– Подошел минут через пять.

– Он как-то объяснил свое отсутствие?

– Просто извинился.

– Он выглядел взволнованным?

– Скорее, удивленным. Но он очень быстро взял себя в руки. Он ведь из Сибири. А они там все давно заиндевели. Мы очень быстро рассчитались, и я отвезла его на улицу Коллонтай. Вот и все.

– И больше вы не виделись?

– В день, когда он привез ключи. Тринадцатого ноября. После тринадцатого ноября я и думать о нем забыла. Навсегда.

Поначалу Паша решил, что Соня улыбнулась. Вернее, все начиналось как улыбка: бледные губы растянулись и поползли в сторону, обнажая два ряда мелких и ровных зубов. Затем верхняя челюсть отделилась от нижней (как показалось Однолету – со скрежетом), и зубы заходили словно поршни в каком-то неведомом механизме. *На-все-гда!* – высекали поршни. *На-все-гда!* Наваждение не продлилось и нескольких секунд, но произвело на Пашу гнетущее впечатление. Может, Соня и забыла сибиряка Ивана Караева, вот только ее зубы и не думали забывать. Как вцепились в воспоминания о нем, надо же! Не отдерешь.

– Вас что-то тревожит? – участливо спросила Соня.

– Нет. Все в порядке.

– Это ретроградный Меркурий. Дела идут наперекосяк, нужно подождать немного, и все наладится.

– Не верю я во все это...

– И напрасно.

– Вы рассказывали кому-нибудь о том разговоре на черной лестнице?

– Кому о таком расскажешь?

– Ну... – Паша задумался. – Хотя бы Лидии Генриховне.

– Ей-то зачем? Она живет в собственноручно построенных декорациях, не имеющих никакого отношения к реальности. И пьесу, которую она придумала, я никому бы не рекомендовала переписывать. Под страхом смерти.

– И что там, в пьесе?

– Прекрасные птицы, парящие в небесах. Менее прекрасные птицы, которые не летают, но довольно быстро бегают. Птицы, несущие золотые яйца, – и в этом случае совершенно не важно, прекрасны они или нет. Все остальное додумайте сами. И да. Я тоже занесла ваш телефон в контакты. На постоянной основе. Как только подберу что-нибудь любопытное из текущего кинорепертуара – обязательно вам отзвонюсь.

...Иван Караев работал в автосервисе на улице Писарева – странно глухой и пустынной для центра. И не скажешь, что где-то совсем рядом – шумная Декабристов, и Английский проспект, и новая сцена Мариинки; а чуть дальше – все то, что формирует образ открыточного Петербурга, на который так падка разноречивая туристическая толпа.

Позвонив по телефону, который вручила ему Соня (время, проведенное с ней, до сих пор вспоминалось с содроганием), Однолет представился гонцом от Лидии Генриховны.

На всякий случай.

Вдруг история барашковой черной лестницы – правда?

Караев принял сказанное за чистую монету, только немного удивился – с чего бы Лидии Генриховне беспокоиться о нем?

– Небольшая передача, – на ходу симпровизировал Паша. – Э-э... Привет из солнечной Испании.

– Ну, хорошо. Только у меня сейчас обед и кое с кем еще встретиться нужно. Если через пару часов – нормально?

– Вполне, – тотчас же согласился Однолет. – Диктуйте адрес. А... Вы точно там будете?

– Точно буду до двадцати одного.

– Тогда я подъеду.

Мысленно поставив галочку «сделано» против одной фамилии, Паша немедленно переключился на другую. Идущую в Сониной импровизированной визитке под номером один.

Евгений Коляда.

Павиан, бонвиван и дамский угодник интересовал Пашу Однолета гораздо меньше, чем Иван Караев с его разборками на черной лестнице. Но переговорить с ним имело смысл хотя бы потому, что Коляда был едва ли не последним залетным гостем квартиры № 1523. Позже него по времени из установленных лиц там оказался Филипп Ерский, ныне покойный. Коляда, судя по рассказам Сони, особым умом не отличается, но, возможно, прольет свет на мизансцены, предшествующие последнему акту трагедии.

Не мудрствуя лукаво, Паша решил проверить с Колядой ту же схему, которая сработала с Иваном Караевым: новогодний привет от мамы-птицы

Дезобри.

Коляда отозвался на третий по счету звонок и сразу начал с наезда.

– Какого хера? – мрачным, хорошо поставленным басом спросил он. – Если не беру сразу – хуле названивать?

И Паша запаниковал. Не потому, что никогда не слышал подобных высказываний от незнакомых людей: еще как слышал, слышал и не такое! Дело было совсем не в этом, а в том, что наспех сочиненная история с Дезобри здесь не проканает. Однолет мог ввести в заблуждение Ивана Караева, который даже не виделся со своей благотельницей. А Коляда – актер, с которым метрессу связывают длительные сценические и еще бог знает какие отношения. Вписываются ли в них лжеподарки из Испании? Что, если нет?

И, пока Однолет судорожно размышлял, как выйти из ситуации, за него это сделал его беспокойный язык, снова развязавшийся не по делу.

– Лейтенант полиции Павел Однолет, – отчеканил Паша. – Петроградский район.

Да что же за напасть такая? И впрямь ретроградный Меркурий в своем праве.

– Угу. – Бас несколько не смягчился. – И зачем я понадобился полиции?

– Мы расследуем дело об убийстве...

– Харэ прикалываться, Томаш. – Коляда так громко и радостно заржал, захрюкал в трубку, что Паше пришлось отодвинуть телефон от уха. – Тоже, нашел время. Я же на съемках. И еще с какого-то левого тела звонишь.

– Мы расследуем убийство на улице Коллонтай, 5. Квартира № 1523. Надеюсь, адрес вам известен.

– По ходу не Томаш... – почему-то расстроился Коляда. – От меня-то что нужно?

– Переговорить. Много времени не займет.

– А кого убили-то?

– Об этом тоже поговорим, – пообещал Паша. – Не хотелось бы по телефону.

– Не хотелось бы вообще.

– Если вас что-то смущает, наберите Лидию Генриховну Дезобри или ее помощницу Софью. Они в курсе дела.

– Ага. Разбежался, – неизвестно, к кому именно относилось сказанное Колядой – к Чаки или Пеннивайзу. Все-таки, наверное, к кукле-маньяку, стоящей на страже общественной морали, пусть и не всегда успешно.

– Значит, у вас съемки? – продолжал наседать Однолет.

– На Галерной, – ответил Коляда, слегка ошарашенный напором Паши. – А что?

Это можно было считать знаком: Галерная располагалась совсем недалеко от Писарева. И молодые Пашины ноги способны преодолеть это расстояние минут за десять, а то и меньше.

– Если я сейчас подъеду, у вас найдется несколько минут для разговора?

– Ну, не знаю, – засопел Коляда. – Можно попробовать.

– Тогда давайте точный адрес.

– А чего его давать-то? Всероссийское общество глухих. Дом культуры.

– И как я вас там найду?

– Да уж как-нибудь найдете, – рыкнул Коляда и отключился.

Электричество

...Вот она и пришла к нему, Девушка.

Постучалась в дверь, и Д. впустил ее. Вряд ли она рассчитывала увидеть его здесь, но и особо удивленной не выглядела. Как если бы обнаружила под ногами мелкую купюру в сто рублей. Вот если бы на месте сотни оказались какие-нибудь доллары острова Фиджи с отпечатанным на них зеленым попугаем, – это да. Это было бы удивление. А так...

Девушка просто досадливо морщится, но все же не забывает поздороваться.

А Д. забывает, так он потрясен. Хотя не проходило и дня, чтобы он не думал об их встрече, не представлял ее в малейших подробностях.

– Давно вас не видел, – говорит Д. первое, что приходит ему в голову.

– Мы знакомы?

Он мог бы сказать: «я люблю тебя», но поймет ли Девушка? Вдруг для нее это то же самое, что «я люблю кино» или «я люблю запах старых книг»? А это далеко не одно и то же, Д. выяснил опытным путем. И теперь, во избежание неправильных трактовок, он считает за лучшее промолчать. Молчание длится и длится, пока Девушка не решается прервать его.

– Проблемы с русским? Забавно.

Непонятно, к чему это относится, но ей виднее. А у Д. не то что говорить – дышать толком не получается. У Девушки, очевидно, тоже проблемы с дыханием. Или – с чем-то еще: во всяком случае, она иногда трясет головой, как будто хочет избавиться от надвинутого на самые глаза капюшона. Но капюшон, напротив, опускается все ниже.

– Живешь здесь?

«Здесь» – слишком широкое понятие, но Девушка не собирается сужать его, – и Д. остается только кивнуть головой.

– У меня к тебе просьба.

Уж не ослышался ли он?

– Конечно. Всё, что хотите.

– Ну... Всего как раз и не понадобится. Думаю, ты толковый парень, так что все сделаешь в лучшем виде.

Эту ошибку совершают все. Думают, что Д. – безобидный, как какой-нибудь манекен в витрине; глуповатый – даже для чужака. Большую сумму денег ему не доверишь (неизвестно, что дурачок может с ней сотворить), но что-нибудь незначительное и мелкое (зажигалку или проездной) – вполне.

Также на *Д.* можно положиться в вопросах выноса мусора, высадки саженцев и уборки территории в целом. И Девушка сильно удивилась бы, узнав, что голова *Д.* устроена совсем иначе, чем она думает. Не то чтобы сложнее, а просто освещена по-другому. У некоторых людей в голове ясно и прибрано – в бабушкиной, например. В голове у Лолы всегда темно. Настолько, что даже непонятно, что может скрываться за этой темнотой. Что касается самого *Д.* – содержимое его головы похоже на заброшенный склад. Или какой-то старый архив, большинство ящиков в котором заперто, а ключи потеряны. В открытом доступе лишь несколько коробок с откровенным хламом, коробка с самыми важными на свете вещами, а еще имеют место неприятности с проводкой.

Она искрит. И постоянно вышибает пробки.

И часть архива, до того светлая, погружается во тьму. И наоборот.

Коробка с самыми важными вещами стоит как раз на границе света и тьмы. Любовь к Девушке – из разряда таких вещей, она светлая, но иногда становится темной. Когда происходит это перерождение, *как* – *Д.* еще не решил.

Нужно дождаться, когда в очередной раз вышибет пробки.

– Значит, я могу на тебя положиться?

– Да.

На то, чтобы объяснить, что от него требуется, у Девушки уходит от силы секунд пятнадцать. Поручение так себе, *Д.* немного разочарован, но исполнен решимости выполнить его.

Как же получилось, что он не сделал того, что должен был сделать?

Мысль о *неисполненном* – единственный источник света в крошечной темноте и холоде, которые окружают *Д.* со всех сторон. Что-то вроде маяка, до которого нужно доплыть во что бы то ни стало. А может, долететь подобно *Мертвой голове*, самому выносливому из всех бражников, Царю Царей. При условии, что кокон, в который запаян *Д.*, ослабит хватку. Пока никаких предпосылок к этому нет, а есть тягучая, непрекращающаяся боль где-то в районе солнечного сплетения – одна-единственная раскаленная точка в этом вселенской ледяной могиле. Иногда боль все же затихает на какое-то время, почему это происходит – понять не удастся, следом за ней и сам *Д.* соскальзывает куда-то. В еще большую темноту, теперь уже без маяков и полосок света на горизонте. В блаженное небытие. И он остался бы там, если бы не Девушка.

Кажется, *Д.* нашел место коробке с самыми важными вещами.

Они там, где...

Родандо

...Дом культуры общества глухих располагался в старинном особняке с совсем крошечным внутренним двориком. Отделенный от Галерной высоким забором, он почти не просматривался с улицы (да и вывески никакой не было), но Паша сразу сообразил, что здесь происходит какое-то действие. Метров за восемьдесят до искомой точки стали появляться специфические фургоны мобилизующего темно-зеленого цвета. От фургонов тянулись и исчезали в неизвестном направлении толстые кабели. Мрачное фургонное поголовье перемежалось белыми вагончиками с затененными окнами, а вдоль тротуаров были выставлены поддоны с канистрами воды, какие-то пластиковые бочки и большое количество импровизированных урн.

Строго придерживаясь путеводных змеящихся кабелей, Паша Однолет прошел через подворотню и оказался в том самом дворике, набитом машинами и людьми. Машин было три (все три – джипы *limited edition* разных марок), людей – значительно больше, человек десять-двенадцать. Разбитые на кружки (очевидно, по интересам) они курили и о чем-то тихо переговаривались. Паша, как замороженный, рассматривал эти странные человеческие типы, любой из которых мог оказаться Бо. При условии, что Бо клонировалась, и часть клонов сменила бы пол, ориентацию, возраст и даже цвет кожи, но не изменила бы привычке быть не такими, как все. Во всем – одежде, прическах, лицах; в манере вести разговор, стряхивать пепел и как-то по-особенному склонять голову, слушая собеседника. Это могло кому-то не нравиться, но Паше нравилось точно.

Киношники, с каким-то даже восторгом подумал он. *Киношники, ого-го! А я тут со своей мутью.* А вдруг здесь окажется Бо? Мысль, пронзившая Однолета, не выглядела такой уж невероятной; ведь кто есть Бо? – дизайнер. А дизайнерам самое место в кино, и будет офигенно круто, если Бо отыщется. Но пока нужно было отыскать актера Коляду, и Паша направился к ближайшему кружку кинематографистов, состоящему из двух дам и приземистого мужика в жилетке с множеством карманов. Одна из дам была похожа на американскую актрису Мэрил Стрип.

– Евгений Коляда, – предварительно прочистив горло, провозгласил Однолет. – Актер. Где я могу найти...

Мэрил Стрип, скользнув по Паше равнодушным взглядом, продолжила беседу, а мужик пожал плечами.

Удача улыбнулась оперу на третьей компании, когда на вопрос о Коляде какой-то молодой человек (с подозрительно похожей на Пашину бородой) неопределенно махнул рукой в сторону входа в клуб.

– А можно... туда? – на всякий случай поинтересовался Паша.

– Рискните.

Благословленный таким странным напутствием, Однолет взбежал на крыльцо, миновал двойной предбанник и оказался перед лестницей, ведущей на второй этаж. Все здесь дышало памятью о былом величии и роскоши, и даже тусклая масляная краска, которой были покрашены стены, не могла извести эту память окончательно.

Второй этаж выглядел намного оптимистичнее. Правда, восстановленные интерьеры с дубовыми панелями и мраморными каминами несколько портило огромное количество праздношатающейся публики: в основном – молодой, в основном – девушек. Но встречались и юноши, перемещавшиеся по комнатам особняка с какими-то плотными листами блестящего картона, осветительными приборами и кабелями. Если юноши (обвешанные профессиональными поясами с инструментами) были заняты хоть какой-то деятельностью, то девушки откровенно скучали, пялились в смартфоны и периодически делали селфи. А в свободное от селфи время о чем-то переговаривались полупшепотом и пили бесконечный кофе. Кофе наливали тут же, в комнате, отведенной под импровизированный буфет. На огромном столе стояла целая батарея обычных граненых стаканов, тарелки с бутербродами под пленкой, закрытые пластиковые коробки с едой (на манер тех, что выдают в самолетах) и несколько гигантского размера судков и термосов.

Евгений Коляда нашелся в пятой по счету комнате, или, скорее, холле с роскошным деревянным порталом камина – на актера более или менее уверенно указала девушка из режиссерской группы. *Режиссерская группа* – так, судя по всему, назывались люди, полукольцом сидевшие напротив нескольких мониторов: их составили на столе в коридоре, перед большим актовым залом (в самом зале проходила или должна была проходить съемка).

Коляда – мужчина лет тридцати пяти, отдаленно напоминающий Джонни Деппа, – полулежал на единственном в холле диване и, кажется, дремал. Непонятно, правда, как можно было отключиться во всем этом тихом, но чрезвычайно навязчивом гуле голосов. *Белом шуме*. Переполненный впечатлениями, Паша стал немедленно соображать, играли ли когда-нибудь вместе Мэрил Стрип и Джонни Депп, но так и не смог надумать ничего путного.

И сосредоточился на Коляде. И даже покашлял деликатно, чтобы привлечь внимание сотрясателя моральных устоев.

– Ну? – Коляда приоткрыл один глаз и потер рукой подбородок.

– Я вам звонил. – Паша немедленно сунул в этот глаз свои корочки. – Лейтенант Однолет. Переговорим?

– Не совсем понимаю о чем, но давайте.

На короткое изложение фактажа – с датами, хронологией и прочими необходимыми подробностями – у Однолета ушло минуты три, после чего Коляда сбросил дрему окончательно. Он с каким-то сожалением посмотрел на лейтенанта, а потом вдруг спросил:

– А разве ментам бороду носить можно?

– Э? – на секунду растерялся Паша. – В принципе не приветствуется, но и не запрещается категорически... Да у меня и в удостоверении борода... Есть.

– Сейчас другая.

– Непохож, что ли? – совсем не так мыслилась Паше беседа со сластолюбивым павианом, а вот поди ж ты, приходится подстраиваться.

– На хипстоту похож, – мрачно заметил Коляда. – Тошнит от вас уже. Когда вы только кончитесь?

– Когда исчезнут все преступления с лица земли, – так же мрачно ответил Однолет.

– А. Ну да. Мент.

Покопавшись в заднем кармане джинсов, Коляда извлек на свет божий паспорт и протянул его Паше.

– Это что?

– Загранпаспорт. Последние две недели провел в Финке, восстанавливался после гастролей. Все отметки о пересечении границы на въезд и выезд проставлены. Так что к вашим смертоубийствам не имею никакого отношения. Не был, не состоял, не участвовал.

– Я вас ни в чем и не подозревал, – честно признался Однолет. – Но вы время от времени появлялись на Коллонтай, так?

– Жаба слила?

– Кто?

– Сонька. Больше некому.

– Собственно, до Софьи я разговаривал еще и с Лидией Генриховной...

– Ну, нашей Лидо́ эта квартира на хер не нужна со всем ее содержимым. Лидо – женщина не от земли, а от небушка. – Коляда светло и по-детски улыбнулся. – Богом поцелованная. С одной стороны, так и

должно быть. А с другой... Плохо это.

– Почему? – удивился Паша.

– Потому что рядом с прекрасным цветком обязательно жаба нарисуетя. И вроде бы с хорошими намерениями. Самыми честными. Все проблемы на себя взвалит безропотно, все беды руками разведет и преданной будет по самые гланды. И год, и два, и пять. А некоторые десятилетия выжидают.

– Чего?

– Чтобы к рукам побольше прилипло. А в идеале – прилипло всё. Вы Соньку-то видели?

– Мы успели... пообщаться.

– И как?

– Она показалась мне разумным человеком. Чрезвычайно наблюдательным. Готовым к конструктивному сотрудничеству.

– А я не об этом. – Коляда подмигнул Паше. – Я когда к ней ближе чем на два метра подхожу – сразу серой в нос шибает. Есть в ней что-то дьявольское.

Как и положено кукле-маньяку. Наспех склепанное большое тело; студенистое лицо, что в одно мгновение легко превращается в деревянную заготовку, болванку. Зубы-поршни, тяжелые веки и... способность выудить из Паши приглашение в кино, – не иначе, чем inferнальная.

Без дьявола тут не обошлось.

– Она, поди, не рассказывала вам, как в доверие к Лидо втерлась? Сама-то Сонька из какой-то Тьмутаракани, ни друзей, ни родных, приехала в Питер с одним чемоданом. Сначала уборщицей к нам в театрик устроилась. Потом на реквизит присела. А потом никто и мяукнуть не успел, а она уже – личный помощник Лидо и правая рука. Вот кто Сонька по должности?

– Офис-менеджер.

– Так себе звучит, но она сама выбрала. Чтобы не отсвечивать. Должностешка маленькая, невзрачная. А вот поинтересовался ли ты, лейтенант, где она живет?

Павиан Евгений при ближайшем рассмотрении оказался симпатичным мужиком и нравился Паше Однолету; не нравился ему только оборот, который приняла беседа. Получалось так, что симпатичный мужик распускает сплетни, как никчемная баба, а он, опер Однолет, вроде бы все эти сплетни поддерживает, полощет уши в историях, никакого отношения к убийству Сандры и Филиппа Ерского не имеющих.

– Я, вообще-то, совсем по другому делу ее опрашивал, – сухо сказал

Паша.

– Ну... иногда полезно и бэкграунд узнать, как говорят мои маленькие пушистые друзья-сценаристы, – хохотнул Коляда. – Может, что и прояснится. А живет Сонька в четырехкомнатной квартире на Таврической. Ну, то есть, подживает у Лидо. Не удивлюсь, если Лидо ее прописала, она же без своей Софочки никуда. Сонька и на гастроли с нами таскается, сучка. В этом году первый раз не поехала, так у Лидо натурально ломки были. Она-то как считает?

– Как?

Вот ты и втянулся, Павлундер, во все эти дразги. Эхх-хх...

– Считает, что жаба ей до гробовой доски предана и всю работу в театре волочет, и вообще – жаба бедная-несчастливая, и жизнь ее обнесла, и все мы должны быть к ней чуткими.

– А в чем неправда? – осторожно поинтересовался Паша.

– В жабе и есть неправда. Не та она, за кого себя выдает. Лидо, конечно, говорить бесполезно, у нее своя реальность. Просто когда-нибудь огребет от этой подвижницы по полной – и только тогда сообразит, что к чему. Да поздно будет.

До сих пор в Пашином активе был только один творческий человек – вечно ускользающая Бо. Теперь же, едва ли не за один день, добавилось сразу трое. Пеннивайз, Чаки и павиан Евгений, он же – русский Джек Воробей. Люди, по меньшей мере странные, хотя и не лишённые сумеречного обаяния. Гонят пургу, которая так и норовит залепить Паше рот и уши. И ненавидят друг друга так по-театральному преувеличенно, что взгляд не отвести.

– Все-таки я не понимаю.

– Что именно? – спросил Коляда.

– Вы сказали, что у Лидии Генриховны квартира в центре.

– Ну да. С видом на Таврический сад.

– Четырехкомнатная, так? Зачем же ей понадобилась однушка, да еще в спальном районе? Однушка покупалась для отца, так мне сказали. Но разве отец не мог жить с дочерью? Не должен был?

– Вы спрашиваете мое мнение? – осторожно поинтересовался Коляда.

– Просто рассуждаю вслух.

– Чужая душа – потемки. Вот что я скажу.

– Думаете, это все объясняет?

– Думаю, что лучше туда не лезть. Хрен знает на что напороться можно. Только сдается мне, без жабы не обошлось. Она Лидо в уши может надуть все, что угодно. Уже сколько раз пыталась меня облить говнищем –

я и со счета сбился... скажите, а обыск был в той квартире?

Если до этого Евгений Коляда просто трепался с Пашей, выбалтывая вещи, знание которых никак не способствовало расследованию, то последнюю фразу он произнес полусшепотом. *Шкурная заинтересованность*, вот что присутствовало в ней.

– В рамках стандартных мероприятий на месте преступления.

– Ну и... Нашли что-нибудь?

– Кроме трупа? – уточнил Паша.

– Кроме него, ага.

– Кое-что, но, признаюсь честно, улов невелик.

Самое время было показывать фотографии, и Паша, достав снимок, найденный в паспорте Филиппа Ерского, протянул его Евгению:

– Знакомые персонажи?

– Так это же дядя Кира Кассис, богатый, как Онассис! – присвистнул Коляда, постучав пальцем по Шарковой капитанке. – Влюбленный в Лидо пингвин. Лучший друг «Птички Тари», так сказать. Меценат, пожелавший остаться неизвестным.

– Разве название его фирмы не фигурирует на афише? Мне говорили...

– То фирма. А то человек. Две большие разницы. С ним-то все в порядке?

– Надеюсь.

– Второго никогда не видел, – продолжил изучение снимка русский Джек Воробей. – Кирил бойфренд, что ли?

– Не понял?

Простодушный вопрос Коляды относительно бойфренда поверг Пашу Однолота в легкое замешательство. Да и не был Филипп Ерский похож на недавних знакомцев Паши – двух Бусь из барбершопа «Серпико». Он был просто красивым парнем, пусть и не брутальным, скорее – утонченным, а как иначе почувствуешь скрипку, прильнувшую к щеке? *Люди вольны жить, как им хочется, и спать с теми, с кем захотят*, – возможно, для кого-то подобный лозунг не пустой звук, а руководство к действию. А Паше – всё равно. Он вообще в эту сторону не думает. Главное, чтобы пафосные хотелки никому не мешали, не подпадали под статью и не заставляли лейтенанта Однолота ползать вокруг остывающих трупов в поисках улики.

И всё равно... Болтливый сукин сын, этот Женя Коляда. Хуже бабы. Даже демоница Софико, которую павиан со сладострастием обливал помоями, проявила намного больше такта. Не стала сплетничать с малознакомым человеком. Показания, касающиеся непосредственно дела, –

это одно. А остальное... Даже заморачиваться не стоит.

Примерно так убеждал себя Однолет, понимая, что что-то изменилось. Неуловимо. Как будто он уселся играть в шахматы, и даже совершил несколько удачных ходов, вывел на позицию коня и безнаказанно сожрал пешку, – и вот, пожалуйста, игра поменялась. Она еще остается черно-белой, по цветам фигур, но теперь исчезли и фигуры.

Остались только камешки для игры в го.

– ...Вы ведь только что сказали мне, что господин Кассис испытывает чувства к Лидии Генриховне...

Паша почему-то покраснел, а чертов павиан неожиданно расхохотался:

– Купился, да? Ладно, это шутка. Нормальный мужик дядя Кира. Только несчастный, несмотря на баблище. Будь его воля, он бы давно на Лидо женился. Развелся бы со своей марамошкой – и в омут с головой. Но вот незадача – старая жена крепко его за яйца держит. Говорит, при бракоразводном процессе по миру пустит. А она может. У нее вся адвокатура в друзьях. Причем не наша, московская. А у него серьезный бизнес. И не вывернуться теперь. Так что богатые тоже плачут.

Больше всего Однолету хотелось съездить сейчас по художественно небритой павианьей физиономии; актеришке удалось-таки выставить Пашу дураком. И заставить гонять в башке дурацкие мысли. Жаль, такие меры не приветствуются. Иначе бы...

– Ладно, это шутка-сиквел! – снова оскалился в улыбке павиан. –

Отмучился дядя Кира с марамошкой. Померла она от рачка месяц назад, так что, глядишь, и Лидо счастье обломится. Ну и нам, если она решит театр не распускать. Только чую задницей, что распустит. Дядя Кира вряд ли с кем-нибудь захочет ее делить. Так что теперь – сами-сами-сами. В рот мне сериал.

– Интересный вы человек, Евгений, – только и смог выговорить Однолет.

– Есть такое. А парня я не видел, – добавил интересный человек Евгений, вдруг сделавшийся серьезным. – В нашем театре он никого не навещал.

– Зато навещал квартиру на Коллонтай.

– Ничего об этом не знаю.

– Там его и нашли, – припечатал Паша. – С дыркой во лбу.

– Ну, это я уже понял. А больше ничего не нашли? – повторил свой недавний вопрос любимец женщины-мима.

Это не было случайностью. Что-то мучило Коляду: как будто он о чем-то позабыл, а теперь вдруг вспомнил. И он о чем-то хотел спросить Пашу –

но все не мог решиться. *Да и хрен с тобой, Джонни.* Паша тоже помогать не будет. И пальцем не пошевеливает, так-то.

– Вы ведь там бывали несколько раз этой осенью, так?

– Случалось.

– Насколько я понял – не один.

– Законом не запрещено, если что.

– Ничего необычного не заметили?

– А что замечать? Пустая квартира – она пустая и есть. Как оттуда выехали – так она и стояла. Ничего в ней не прибавилось. Я что... ключи взял – ключи отдал. А спрашивать нужно с того, у кого эти ключи постоянно. И кто точно знает, что в этой чертовой квартире происходит. Согласно графику.

– Я вас услышал, – сказал Паша и вынул последнюю фотографию из своего жиденького коллонтаевского пула. – Скажите, может, эта девушка к вам заглядывала?

Он спросил об этом просто так, не ожидая сколько-нибудь вразумительного ответа. Но Коляда отнесся к фотографии неожиданно серьезно:

– Не уверен, но видел похожую.

– Где видели? Когда?

– Так и вы должны были видеть. Там, в квартире, умелец жил, из глубины сибирских руд. Лидо его от своих щедрот приютила.

– Иван Караев. Я в курсе.

– Видимо, он холодильник и расписал. Тема хорошая, кстати. Аэрография. И на паре рисунков – похожее лицо. Сходство, конечно, отдаленное. Но что-то определенно есть.

Ну, конечно! Теперь и Паша вспомнил, как впервые увидел подобие комиксов на холодильнике. И тогда ему тоже показалась, что одна из героинь, заблудившаяся среди полулюдей-полуживотных, похожа на Сандру. То есть сначала показалось, а потом сходство куда-то улетучилось. Видно, он не один такой, Паша. Вот и Евгений Коляда это заметил.

Но сейчас дело было не в Коляде, а в Иване Караеве, отчего-то сделавшем Сандру героиней своего аэрографического комикса. Отчего? Они были знакомы? Насколько близко?

EMBRASSE MOI

Тогда это словосочетание озадачило Пашу, но он давно справился с проблемой, забив таинственное *embrasse* в интернет-переводчик. И

примерно такой ответ он и ожидал увидеть – *Поцелуй меня!* На пустом месте подобные призывы не возникают. До сих пор Неизвестную из автобуса не опознал ни один человек, и вот появился реальный шанс продвинуться в расследовании. Так или иначе, но Иван Караев связан с двумя людьми, которые мертвы. И эта странная история с черной лестницей в «Барашках»... У Паши нет никаких оснований не доверять показаниям демона-хранителя госпожи Дезобри. Она – лицо не заинтересованное, незаангажированное. И проявила себя как вдумчивый и толковый свидетель. И она – человек без воображения.

Иначе бы ей просто незачем было протоколировать жизнь в блокнотах. Превращать каждый свой шаг в документ бытия. Люди без воображения – находка для представителей Пашиной профессии. Такие люди не в состоянии ничего придумать и оперируют лишь доступными им фактами. Зато особи, обладающие чересчур буйным воображением, обязательно заведут следствие в тупик. Придумают и то, чего не было, распишут в красках, кучу всего лишнего нафантазируют; а ты потом сиди, как Золушка, отделяй зерна от плевел.

– Секунду. – Паша посмотрел на Коляду и предупредительно поднял руку. – Мне нужно позвонить.

– Да ради бога, – пожал плечами тот.

Отойдя к окну, Однолет набрал номер Ивана Караева. Звонки шли, но трубку Караев не брал, и после десяти гудков срабатывал автоответчик. Беседа с автоответчиком смысла не имела, поскольку они с Караевым уже договорились о встрече. И сейчас Паше надо брать ноги в руки и двигать в сторону улицы Писарева, разговаривать с голубчиком на предмет обоих покойников.

Но, пока он стоял у окна, в холле с резным порталом камина что-то изменилось. В нем появился новый персонаж, и персонаж этот был девушкой. Поначалу Паша подумал, что девушка – очередной представитель *режиссерской группы*, тупящий в смартфон. Но в руках красotka (а вновь прибывшая несомненно была красоткой) держала не смартфон, а какие-то листы, довольно увесистую пачку.

– Какого хера! – Коляда раскинул руки так, как будто собирался обнять весь мир. – Дарси! Сто лет тебя не видел.

– Я сама себя сто лет не видела, – ответила Дарси.

И тоже раскинула руки, но не так широко, как павиан: на весь мир не хватило бы, но на какую-то его часть – вполне. Ту, что примыкает к Исландии с ее горячими ключами. И Норвегии с ее фьордами. Почему вдруг Паша так решил?

Нипочему.

Просто еще одна симпатичная девчонка, и даже лучше Бо. У Бо нет ямочек на щеках, а у Дарси – есть, правда, одна-единственная. Но очень, очень милая.

– Кого играешь? – между тем спросила Дарси.

– Мудака, – ответил Коляда. – Кого еще можно играть в мудацком сериале? А тебя каким ветром занесло?

– Да попросили диалоги поправить в двух сценах. С колес сейчас будут гнать. Исполнительный по старой дружбе подкинул проблем. Ну, а я, как всем известно, девушка безотказная.

– Не скажи, не скажи, Дарси, – снова заржал павиан. – Мне ты сколько раз уже отказывала? Замаялся считать.

– И я замаялась, но что поделать. Совсем спать с тобой не тянет. Прямо сексуальная патология какая-то. Может, к сексологу сходить? Провериться?

– А по пьяни? Не?

– Ну, я столько не выпью, Женечка.

В этом диалоге не было ничего оскорбительного. Во всяком случае, для Пашиного уха, хотя на всякие скабрёзности и пошлые шутки ниже пояса (с обеих сторон и по всей округности) он реагирует не слишком позитивно. Терпеть их не может, такой он человек – Павел Однолет из Костомукши. А эти люди – вот такие. Киношники, театральные деятели – словом, птицы парящие отдельно от всех остальных. А в небесах или где-то там еще, не так уж и важно. И, хотя у Паши большие вопросы к павианьей личности Евгения Коляды, он понимает – актер и Дарси просто стебуются. *Отрабатывают номер*. Способ существования такой, а есть тут кто-нибудь еще (кто вполглаза на это смотрит), или вообще никого нет – без разницы.

– А это кто?

Наконец-то таинственная Дарси заметила Пашу. Вернее, заметила уже давно, поскольку трудно не увидеть человека в пустой комнате, на открытом пространстве. Но снизошла только сейчас.

– Новый помощник звукооператора?

– Не-а. Угадай с двух раз, – подначил подругу Коляда.

– Ну, не знаю. Судя по просвещенному лицу... Актер эпизода. Убивают через десять секунд после появления на экране. Еще до тебя.

– Мимо, любимая. Ладно, не буду тебя мучить, а то мы такими темпами до штатной хлопушки съедем. Он мент.

– Из сопровождения? Но у вас же сегодня не натура... Или он так, приобщиться к созданию нетленки?

Эти двое говорили о Паше в третьем лице, как будто его и не было здесь. Причем говорили не в самом уважительном ключе, скорее наоборот. Но Пашу это почему-то не обижало. Позволь себе такое в одно рыло Коляда – он мог бы и схлопотать. Но Дарси с ямочкой на щеке тушит однолетний законный гнев, не дает ему разгореться в полную силу. И Паше нравится смотреть на Дарси. Это не то чувство, которое он обычно испытывает к девушкам и испытывал к Бо, с чьим леденцовым образом никак не удастся расстаться.

Он бы хотел иметь такого друга, как Дарси, вот что.

– Просто мент. Ты же вроде искала... Для консультаций.

– Вообще-то я уже нашла. Вроде. Но еще один не помешает.

– Вообще-то я здесь. Вроде, – первый раз подал голос Паша. – Проще обратиться напрямую.

– Действительно, – изумился Коляда. – Как-то мы упустили этот момент.

– Прощелкали, – поддержала павиана Дарси.

Всему виной Пашина новая борода, выписанная прямиком из псевдоолдскульного барбершопа за три тысячи рублей. Она делает лейтенанта Однолета, серьезного человека на серьезной и важной работе, каким-то жалким клерком, каких миллион. Винтиком в машине. Или нет... При такой-то лукавой бороде, скорее, булавкой в кимоно.

Тьфу ты.

Будь здесь капитан Вяткин или следователь Брагин Сергей Валентинович – киношники ни за что не позволили бы себе такой стеб. Но с Пашей все прокатит.

А вот и не прокатит. Фигушки. Запоздало обидевшись на Дарси и примкнувшего к ней павиана, Паша сухо попрощался. И двинулся в сторону коридора, где заседала режиссерская группа во главе с самим режиссером – человеком неопределенного возраста с модно выстриженной головой. И победительно торчащей, завязанной в подобие хвоста китайской косицей. Зычным голосом Косица выкрикнула в монитор:

– Аглая и инспектор рыбоохраны! Актовый зал! Приготовились!.. Тишина!

Однолет замер. Застыл перед предварительно закрытыми кем-то из киношной obsługi створками стеклянных дверей.

– Мотор! Камера! Родандо!

Последнее слово привело Пашу в изумление, но, видимо, он был единственный, кто чему-то изумлялся. Где-то в глубине невидимого актового зала раздался хлопок, и спустя несколько секунд в коридоре

завучали негромкие голоса – съемка в зале транслировалась на режиссерский монитор.

– Обожаю смотреть, как он выдрючивается перед телками, – едва слышный шепот заплескался прямо в Пашином ухе.

Дарси.

Теперь она стояла рядом с Пашей и самым бесцеремонным образом касалась губами его мочки.

– А он выдрючивается? – таким же шепотом спросил Паша.

– Слово «снимаем» он воспроизводит минимум на шестнадцати языках. Включая албанский и маори. Без акцента.

– А сейчас на каком?

– Испанский. Обиделись на меня?

– Нет.

– Меня зовут Дарья, и я сценаристка. А на сценаристов нельзя обижаться, они и без того обиженные судьбой люди.

– Почему? – неожиданно развеселился Однолет.

– Потому что когда пишешь, всегда держишь в голове суперсериал «Мост». Ну, или там «Однажды ночью». А на выходе, после всех согласований, редакторских правок и *родандо*, получается «Доярка из Хацапетовки». Разве это не печаль?

Съемка закончилась через три минуты, и путь снова был свободен. В другое время Однолет воспользовался бы любой возможностью задержаться и немного поболтать с Дарси. Но только не сейчас, когда в конце тоннеля, украшенного лихой аэрографией Ивана Караева, появился слабый свет. И все, что остается Паше, – идти на этот свет. Несмотря на улыбку сценаристки Дарьи, притягивающую к себе похлеще русалочьего пения.

– Мне пора, извините, – сказал Паша. – Было интересно.

– Да, действительно. – Дарси закусила губу. – Было смешно.

...Она догнала Пашу уже в районе Ново-Адмиралтейского канала, в который упиралась Галерная. Видно, не так долго и раздумывала – пойти за Однолетом или нет. Сразу поскакала, наплевав на кипу бумаг в руке, иначе опера было бы не догнать: Паша ходит очень быстро и иногда переходит на бег, привычка осталась еще со школы, когда он – пусть и недолго, всего-то полгода, – занимался такой странной полуспортивной-полутехнической дисциплиной, как радиопеленгация.

В просторечии – *охота на лис*.

«Охота на лис» была одним из эпизодов в жизни романтического подростка Однолета. И в самом названии, призывном, как звук охотничьего

рожка, ему чудились взнузданные лошади, красно-белые костюмы всадников, черные каскетки, свора гончих и огненно-рыжие лисьи хвосты. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что каскетку, лошадь и гончих никто Паше выдавать не собирается. А собираются выдать карту, компас и радиоприемник. Недолго побегав по лесу в поисках радиопередатчиков, Паша с темы соскочил, но с тех пор не ходил толком, а мчался вприпрыжку, иногда опережая общественный транспорт.

К метро, конечно, это не относится.

Вот и сейчас он несся на улицу Писарева и только у канала ненадолго затормозил и поднял голову вверх.

– Эй? – обратился он к небесам. – Снегу пришлете?

– Хренушки. Во второй половине января, разве что. Не заслужили.

Это снова была Дарси. Полы ее распахнутого короткого пальто развевались, спутанные волосы закрывали половину лица, а на оставшейся половине ярко горел румянец.

– Вас не догнать, – запыхавшимся голосом сказала она.

– А зачем меня догонять? – удивился Однолет.

– Вас как зовут?

– Павел.

– И вы правда мент? – Она закусила губу и тут же поправилась: – Полицейский?

– Правда. Лейтенант Однолет. Уголовный розыск.

Паша полез было за удостоверением, но Дарси остановила его.

– Я вам верю. И... Можно я буду звать вас просто Павел?

– Ну... конечно.

– А вы можете звать меня Дарси. Меня так все зовут, включая несостоявшихся любовников. Нет, ну если для вас это чересчур... На Дарью я тоже откликаюсь. Вы, наверное, подумали: «Что ей от меня нужно?»

– Не успел, – честно признался Однолет.

– Но сейчас-то думаете?

– Сейчас я знаю.

– Валяйте.

Дарси смешно сморщила нос и улыбнулась, и Паша снова вспомнил Бо: когда Бо корчила рожи, сердце у него замирало, а сейчас ему просто весело и хочется заняться каким-нибудь важным делом. С точки зрения детей, что неожиданно.

Воздушного змея, что ли, запустить?

Но змея у Паши не было, а страшная симпатия, – даже несмотря на

свою язвительность, Дарси – была.

– Вы хотите меня использовать для профессиональных консультаций.

– Ну вот. Вы сами это сказали. Теперь не придется прикидываться, что я влюбилась в вас с первого взгляда.

– Да, это существенно упрощает ситуацию.

Веселье продолжается, и к воздушному змею прибавились сейчас бумажные кораблики и фигурки оригами.

– А вы следователь?

– Оперативный работник. Но, естественно, работаю со следователями.

– Здорово.

– Да?

– Меня недавно познакомили с одним следователем. Не могу сказать, чтобы мы нашли общий язык. Мрачный тип, нелюдимый, такого не разговоришь. И подтормаживает немного.

– Меня, думаете, можно разговорить?

– Удивите меня, Павел.

– Чем? – изумился Однолет.

– Не знаю. Леденящим душу серийным убийством. И чтобы убийца не какой-нибудь мясник, а интеллектual с ученой степенью. Или ночной фармацевт с синдромом потери кратковременной памяти. Или ночной библиотечный сторож с дислексией в анамнезе. Или ночной портье, фотолюбитель и вуайерист.

– Вы мне решили все мировое кино пересказать?

Паша улыбнулся, потому что и Дарси улыбалась: ну, конечно, она слегка поддразнивала его и наверняка считала простодушным парнем, не хватающим с неба звезд. Что-то вроде ночного библиотечного сторожа, только без дислексии.

– А зачем вам нужен был наш Женечка?

– Это касается дела, которое... – Тут Паша выдохнул и добавил строгим голосом: – Которое я сейчас веду. И мне не хотелось бы распространяться о нем.

– Что-то серьезное?

– Ну...

– Да ладно вам... Тем более что Женечка уже распространился.

– И что же такого он сказал? – насторожился Однолет.

– Сказал, что история связана с убийством. И все. А подробности – под катом и идут по отдельной таксе. Я, конечно, пыталась выбить себе преференции, но Женечка иногда бывает непоколебим. Может быть, вы мне расскажете, Павел?

– Увы.

– Да бросьте. – Дарси нисколько не обиделась. – Хотите, я пообещаю вам свое молчание? Хотя бы до того момента, пока дело не будет раскрыто.

– Увы, – снова повторил Павел и развел руками. Не только сценаристки умеют поддразнивать собеседника, так-то!..

– А если бы... – Тут она зажмурилась, ухватила за рукава Пашиной куртки и снова приблизила губы к его уху, как тогда, перед стеклянными дверями. – А если бы я была вашей девушкой? И вы перед сном обнимали меня крепко. И целовали в затылок, потому что мне нравится, когда меня целуют в затылок. Вы бы... Вы бы и тогда не рассказали?

Паша был оглушен.

Ничего удивительного, ведь он только что покинул Дом культуры Всероссийского общества глухих, наверное, там и подцеплен вирус временной выборочной глухоты. Опер Павел Однолет не слышит ничего, кроме голоса Дарси, – отважного маленького бобслеиста. По только ему известным трассам он отправляется куда-то вглубь организма, чтобы финишировать у самого Пашиного сердца, врезавшись в его бортик с новым олимпийским рекордом.

Или даже мировым.

Бедное, бедное Пашино сердце.

– Не рассказал бы и тогда, – медленно и с расстановкой ответил Паша. – Вы ведь не моя девушка.

– А просто девушка... Не ваша... Она может пригласить вас на кофе?

– К сожалению, у меня еще дела.

– А можно мне пойти с вами?

– Куда?

– По вашим делам. Они ведь касаются того убийства, да? А потом, когда вы быстренько всё раскроете и обезвредите всех преступников, я угощу вас кофе. Идет?

Дарси – все равно что Бо, сопротивляться ей бесполезно.

– Ну ладно. – Паша дернул себя за мочку уха, все еще хранящего отголоски шепота Дарси. – Идемте. Здесь недалеко.

– И что там?

– Автосервис. Навестим одного фигуранта. Только одно условие – вы никуда не влезаете и молча стоите в стороне.

– Это будет сложно, – честно предупредила Дарси. – Но я постараюсь. Честное слово.

...Автосервис, в котором работал Иван Караев, назывался «Джин-Авто». Чтобы попасть в него, Паше и его новой знакомой пришлось пройти

через два запущенных двора, следуя трем нарисованным от руки указателям. Однолет уже мысленно представил несколько раздолбанных ржавых гаражей с покосившимся табло «РАЗВАЛ – СХОЖДЕНИЕ».

И шины на переднем плане.

Вернее, художественно вырезанные поделки из них, предпочтение отдается матрешкам, лягушкам и лебедям.

Никакими лебедями в «Джин-Авто» и не пахло: это был добротный теплый ангар, слишком чистый для обычного ремонта автомобилей. Нет, все сопутствующие автосервисам вещи имелись и здесь: пара подъемников и одна яма, на которой стояла сейчас какая-то иномарка. Но основное пространство занимали штук пять боксов со стапелями, в каждом из которых шла рихтовка и покраска. Так, во всяком случае, поначалу показалось Паше, и только чуть позже он сообразил, что основная специализация «Джин-Авто» – аэрография.

Подойдя к офису, Однолет стукнул в стекло, за которым виднелся работяга в комбинезоне. Работяга пялился в экран маленького телевизора, где шел какой-то старый нелепый боевик с участием Джекки Чана, и на Пашин призыв откликнулся неохотно.

– Какая тачка? На когда назначено? Если не назначено – по предварительной записи после Рождества.

– Мне нужен Иван Караев.

– Вы тут не первый, кому он нужен, – осклабился работяга. – Очередь, ёпта.

– Придется влезть без очереди. – Шутка показалась Однолету удачной, интересно, оценила ли ее Дарси?

До сих пор девушка не отходила от Паши ни на шаг, но теперь словно испарилась куда-то. Впрочем, капитально испугаться он не успел: Дарси выскользнула из одного бокса и переместилась к следующему. Павел сделал предупреждающий жест рукой («погодите, я сейчас!»), но сценаристка, похоже, даже не заметила его.

И любитель Джеки Чана ответил тихим, но внятным ворчанием:

– И откуда вы беретесь, такие борзые? Всё лезете и лезете, блин.

– Вот отсюда. – Паша прижал к стеклу корочки и снова пожалел, что Дарси удалилась на критическое для его остроумных реплик расстояние.

– Ага, – меланхолично взглянув на удостоверение, сказал работяга. – Нету его пока. Минут двадцать, как должен был прийти. Но чего-то задерживается. А что случилось-то?

– Проконсультироваться надо. Тему одну перетереть.

– Ну ждите тогда. Левый крайний бокс его.

Чтобы попасть в караевский бокс, нужно было пройти мимо остальных четырех. И только теперь Паша понял, почему Дарси покинула его: все дело в машинах, стоящих там, Однолет таких и не видел. Ну, может быть, видел, – на крошечных стоянках при отелях «5 звезд»; и в кино о жизни все тех же пятизвездочных отелей, в основном – криминальной. Худо-бедно, ему удалось идентифицировать «Роллс-Ройс» (по тетке с крыльями на капоте) и «Бентли» (по букве «б» с крыльями на капоте), остальные остались за гранью его понимания. Странно, что при такой начинке в любом из боксов, ангар еще не взят под дополнительную охрану. А может, и взят, только охраняют его какие-нибудь бойцы невидимого фронта.

В караевском боксе стоял мотоцикл.

Огромный, черный, с ослепительными, почти органными выхлопными трубами и прихотливо изогнутым рулем. Это был классический «Харлей-Дэвидсон», созданный для скорости, дорог и ветра; без появившихся много позже массивных кресел и навороченных стереосистем. Настоящий, беспримесный красавец.

– Тебе куда?

– Да, в общем-то, не важно...

– Садись, нам по пути.

Это была цитата из «Харлея-Дэвидсона и Ковбоя Мальборо», фильма, снятого еще до рождения Паши Однолета, но в котором он не прочь был бы оказаться. Хотя бы на время. Обрывки цитаты просвистели в Пашиных ушах и скрикошетили на Дарси, которая стояла сейчас рядом с мотоциклом.

Совершенно им очарованная.

– Хорошая у вас работа, Павел, – сказала девушка. – Невероятно расширяет горизонты. Нам нужен владелец?

– Это вряд ли. Нам нужен тот, кто занимается этим красавчиком. Придется подождать. Если, конечно, у вас есть время.

– У меня полно времени.

В боксе Ивана Караева царил идеальный порядок. Кроме стоящего на стапеле «Харлея», здесь имелись стеллажи, забитые какими-то инструментами и баллончиками с аэрозолью. Сотни баллончиков, а еще – несколько переносных компактных компрессоров. К одному из них, стоящему на отдельной полке, тянулся тонкий шланг; с другой стороны шланг был подсоединен к небольшой металлической трубке с парой врезных деталей и насадок.

Дарси повертела трубку в руках:

– Аэрограф.

- Вы и в этом разбираетесь.
- В чем я только не разбираюсь. Я же сценаристка.

Почему ей кажется, что это слово все объясняет? Вот лейтенанту Павлу Однолету до сих пор многое неясно. Например, куда подевался Караев. Паша даже успел позвонить ему, но если раньше гудки все-таки шли, то теперь телефон был отключен.

В ближнем к выходу углу стояло старое протертое кресло, которое наполовину перекрывал маленький стол. Паша хотел было устроиться в кресле и полистать журналы (на столе их была целая кipa), но у Дарси оказались свои планы.

Она обошла мотоцикл со всех сторон, нежно пробежалась пальцами по рулю и сиденью, а потом сказала:

- Давненько я ничего не выкладывала в Инстаграм. Запечатлеете меня?
- Ну... давайте. А где?
- Я вижу только один вариант.

Произнеся это, Дарси сбросила на пол свой рюкзак (ах, что это был за жест! – как будто она навсегда оставляла свою прошлую жизнь и не собиралась оборачиваться) и – Паша и глазом моргнуть не успел – как она уже сидела за рулем «Харлея».

Ужасно милая девчонка, ужасно! И Бо поступила бы так же.

- Не чересчур? – засомневался Паша.
- В самый раз. У вас смартфон или что? Камера нормальная?
- Смартфон. Камера... э-э... тринадцать мегапикселей.

С тринадцатю Паша загнул, их было вполовину меньше, но... Ради того, чтобы стать обладателем фото хорошенькой девушки и крутого мотоцикла (3-е место в топе самых популярных обоев для рабочего стола) – можно и приврать.

- Отлично. Снимете меня на свой, потом перебросите. Идет?
- Переброшу, конечно.

Однолет уже сделал несколько выигрышных (с его точки зрения) снимков и продолжал щелкать, когда на пороге бокса показался молодой человек в замшевой куртке с наброшенным на голову капюшоном. В руках молодой человек держал квадратный картонный поддон с двумя бумажными стаканчиками.

Еще один красавчик, мать его, подумал Паша и опустил смартфон. И неожиданно разозлился на Дарси, которая сидела к замшевому красавчику спиной и видеть его не могла. Это она втянула лейтенанта Однолета в дурацкую фотосессию, чье название легко определяется формулой, с детства знакомой всем нищebroдам: «Бобик в гостях у барбоса». И как,

после всех папуасских плясок вокруг чужого мотоцикла, предъявлять Ивану Караеву ксиву оперуполномоченного?

Несерьезно вышло. Несolidно.

– Иван Караев? – прогремел Паша на весь бокс.

Красавчик, уже несколько мгновений взиравший на мизансцену с Пашей и Дарси, склонил голову набок и улыбнулся.

– Нет. Клиент Ивана Караева.

– А где Иван?

– Не знаю. Жду.

Дарси, повернувшая голову на первую реплику вошедшего, так и осталась сидеть на «Харлее», в то время как Красавчик обошел мотоцикл. Он поставил картонку с чашками на сиденье позади девушки и приблизился к ней. Конечно, он был несколько мелковат, но спину держал очень прямо – и, судя по всему, это его врожденное свойство. Безусловный рефлекс.

– Удобно? – спросил он у Дарси.

– Очень, – ответила она. – Это ваш?

– Нравится?

– Очень. А разве зимой ездят на мотоциклах?

– А разве это зима?

Красавчик не привирал с «Харлеем», как Паша Однолет приврал с пикселями на камере. Красавчику, судя по утонченному и в то же время – дерзкому лицу, – никому бы и в голову не пришло задать вопрос «смартфон у вас или...», потому что и так ясно, что смартфон-айфон-десятка с функцией распознавания лица. И все другие вопросы так и останутся произнесенными в связи с очевидностью ответов.

С другой стороны, он мог оказаться и вовсе без мобильной связи, и без дорогого мотоцикла между ног, ничего бы это не изменило. В восприятии Бо, например. И всех остальных крутых девчонок, млеющих от такой сомнительной и научно не подтвержденной вещи, как харизма. *Только Сандра...* Сандра могла бы встать вровень с Красавчиком, но она мертва. И лейтенант Однолет, вместо того чтобы искать ее убийцу, стоит и пялится на флирт vip-байкера и сценаристки мудацких сериалов.

Потому что других сериалов в стране не производят. И потому что это и правда похоже на флирт.

– Вы то, что я думаю? – спросила Дарси.

– Предупреждаю, – ответил Красавчик. – Я могу вас сильно удивить.

Пусть ее удивят. Хоть кто-нибудь. Хоть чем-нибудь. Это всё, чего хочет Дарси, страшная симпатяга. И стоящая за ее спиной циничная сценаристка

Дарья, готовая на всё ради сюжета. Ну, почти на всё. Кроме как переспать с павианом Колядой. Но с Красавчиком она бы переспала по щелчку пальцев, тут и к гадалке не ходи.

– Простите, не знаете, когда вернется Иван? – решил напомнить о себе Паша.

– Понятия не имею. – Красавчик даже головы не повернул в Пашину сторону, продолжая разглядывать Дарси. – Уже давно должен был прийти. Хотите кофе?

Вопрос адресовался вовсе не Однолету.

– Хочу, – ответила девушка.

– Ничего, что в бумажном стаканчике?

– Мне нравится стиль нуар.

– Мне тоже.

Это Паше сценаристка Дарья должна была втолковывать про нуар, ведь Однолет – лейтенант полиции. А Красавчик – не лейтенант, он даже не частный детектив и, судя по всему, не имеет отношения к сыску. Но не прошло и пяти минут, как оказалось, что как раз он, Павел, не имеет отношения вообще ни к чему.

– Хотите сделать аэрографию? – Поток вопросов со стороны сценаристки не останавливался. И задавала их Дарси серьезным и спокойным тоном. Примерно так она расспрашивала Пашу об убийстве.

– Она почти сделана. Остались незначительные детали. Мне нравится, как работает Иван.

– Он сказал мне по телефону, что у него какая-то встреча, – решил вклиниться Однолет.

– Не в его правилах – уходить на личные встречи во время рабочего дня. – Очевидно, любитель нуара знал Ивана Караева лучше остальных присутствующих. – Странно.

– И телефон вне зоны доступа.

– Не могу тратить время на ожидание. – Красавчик коротко, не разжимая губ, улыбнулся. – Было приятно познакомиться... Второй кофе для вас.

Реплика была адресована Паше и одним махом выбила сценаристку из седла. Нет, не «Харлея-Дэвидсона», где она по-прежнему восседала, в надежде, что ей обломится история в стиле нуар. Выбить из седла по Красавчику означало указать сценаристке ее истинное место. Находящееся где-то рядом с Однолетом, его коммуналкой и собственной коммуналкой Дарси; в лучшем случае – однушкой в спальном районе. Вероятность того, что в ней произойдет что-то интересное, стремится к нулю. Лимит всего

интересного выбран особняками, лофтами и пентхаусами.

Убийства не в счет.

Нет, Паша так не думает, но так (с вероятностью процентов в восемьдесят пять) думает Дарси. Только что она поняла: Красавчик вовсе не собирается продолжать знакомство с ней и вот-вот сольется, даже не оценив ее художественно спутанные волосы, и влажные глаза, и гибкую фигуру. Обижаться на это бессмысленно, остается лишь сохранить лицо. С забавной ямочкой на щеке, которая так нравится Паше Однолету.

– А что передать Ивану, когда он вернется? – спросила мужественная Дарси, и ни один мускул не дрогнул у нее на лице.

– Передайте привет. От владельца «Харлея». Пусть перезвонит мне. Кстати, мотоцикл вам идет.

– Он всем идет.

Красавчик не стал продолжать разговор, а просто приложил два пальца к капюшону в знак прощания; жест, избитый целыми группами иностранных морпехов и легионеров, в его исполнении выглядел невероятно свежо.

Когда он ушел, в боксе на несколько секунд повисла тишина. И Паша точно знал, откуда растут ноги у этой тишины: каждый из них предпочел бы, чтобы этого эпизода не было. И, в отсутствие Ивана Караева, в его ожидании, можно было вернуться к рассуждениям о преступниках и преступлениях, и о мировом кинематографе поговорить, и тут Дарси развернулась бы в полный рост. Или вот. Сейчас очень помог бы синдром потери кратковременной памяти – при условии, что и он будет кратковременным. Вот об этом сейчас думает Дарси.

С вероятностью восемьдесят пять процентов. Или даже девяносто семь.

Но Дарси совсем не думала так. Она, не отрываясь, смотрела куда-то вглубь картонного поддона, на котором Красавчик принес свой кофе.

– Он забыл свое портмоне, – сказала Дарси.

– Не пропадет. Отнесем в офис, когда будем выходить, они передадут. – У Паши появилась возможность поговорить на посторонние темы, и он был рад ей.

Но сценаристка Дарья уже вытащила портмоне из картонного плена и теперь разглядывала его, не посягая, впрочем, на внутренности.

– Пожалуй, нужно догнать хозяина. Пока не поздно.

– Давайте. Попробую догнать.

– Я сама.

До сих пор она просто размышляла, взвешивала «за» и «против», но

теперь решение было принято. И оставалось только соскочить с «Харлея», подхватить рюкзак и отправиться следом за Красавчиком, точно определяя местоположение цели в пространстве. Что ж, внутренний радар Дарси работает без сбоев. И если бы она занималась «охотой на лис», то достигла бы невероятных высот в этой спортивной дисциплине.

Сценаристка Дарья поступила ровно так, как и предполагал Паша, ровно в такой же последовательности: соскочила с мотоцикла и на ходу подняла рюкзак. И уже у самой двери обернулась и послала Паше воздушный поцелуй:

– Созвонимся!..

Только теперь отважный маленький бобслеист добрался наконец до Пашиного сердца и врезался в его бортик с новым олимпийским рекордом. И даже мировым.

И Пашино сердце хрустнуло.

Но он не заметил этого, потому что снова пытался пробиться к Ивану Караеву, и снова нарвался на «вне зоны действия сети». Это может закончиться через пять минут, а может, через час. А, может... Может, Иван Караев вообще ударился в бега, если исходить из того, что все, сказанное Соней, – правда. Вероятность того, что это правда, не стремится к нулю, потому что Соня – лицо незаинтересованное. Ни в компрометации Караева, ни в его защите.

Или это он, Паша, ступил, выступив с завиральной идеей про посылку?

Опера Однолота хлебом не корми – дай только сочинить очередную зубодробительную версию произошедшего. Не всегда получается, правда. Вернее, всегда не получается, но есть вещи, в которых Паше уже сейчас нет равных: когда он куда-то бежит, добывает какие-то улики, болтает с людьми о чем попало. О них самих. Но больше слушает. Те же принципы исповедует следователь Брагин Сергей Валентинович, но он очень умный мужик, и это видят все.

А в Паше Однолоте все видят простодушного щенка (*кто вообще берет таких лошар на работу в органы?*) – и потому иногда теряют бдительность. И могут выболтать то, чего выбалтывать ни в коем случае нельзя. Вопрос в том, сможет ли Паша понять это и обратить на пользу делу. А он – и надо честно признать это – понимает не всегда.

Этим-то и отличаются лошки от крутых мужиков Брагиных и Вяткиных.

Но Паша в процессе и не теряет надежды, а сейчас ему надо заняться привычным для себя делом: выудить из работяги при офисе новый адрес

Мастера Аэрографии. А вечером, у Брагина Сергея Валентиновича, поделиться своими наработками. И версиями, если они к тому времени появятся.

Однолет уже вышел из бокса, но затем вернулся. Из-за стопки журналов, которые лежали на столе. Их было несколько десятков, – очевидно, часть одного и того же тиража, потому что обложки на них были одинаковые. С комиксовой шапкой:

ИВАН КАРАЕВ
ЧЕРНЫЙ ПОЕЗД. ВЫПУСК № 1.

Никакого поезда на обложке не было, а была... Сандра. Девушка, убитая в автобусе № 191. Не приблизительная, не «слегка похожая», когда легкий намек на сходство можно трактовать как игру воображения, – а воспроизведенная с фотографической точностью. Но и это было не все: Сандре с обложки явно грозила опасность. И исходила она от отвратительного монстроподобного существа, которое тянуло к девушке свои щупальца. Существа с лицом Софочки – безотказного офис-менеджера Лидии Генриховны Дезобри.

Охота на овец

...Бармена звали Григорий, и он вспомнил девушку.

Наверное, это была удача.

Компенсация за разочарование, которое ожидало Брагина пару дней назад в клубе «Не опоздай к приливу». Вернее, в пустом захламленном помещении, ожидавшем нового арендатора. Над дверями все еще висела вывеска с названием, а на черных окнах уже разместились широкие белые полосы, почему-то наклеенные на стекло крест-накрест, как в войну. Мобилизоваться – вот и все, что требуется от потенциального арендатора. Мобилизоваться и побыстрее принести свои денежки неизвестному владельцу.

Неизвестному для рядового обывателя. Брагин же, прибыв на место, успел не только разузнать о владельце массу любопытных подробностей, но и переговорить с ним по телефону. Владельца звали Ростислав Вячеславович Чéчило, в прошлом он был несколько раз судим и, вволю покуролесив в девяностые, к нулевым твердо встал на рельсы исправления. А уж под сень десятых и вовсе вступил в статусе респектабельного бизнесмена. Не так чтобы очень крупного, но и не мелкого. Чечило сообщил Брагину, что сдает помещение в 200 квадратных метров под клуб или танцпол; или какое-нибудь другое развлекательное заведение, потому что развлекательные заведения плодились на этих метрах *со времен очаковских*, и сам Кай Метов пел здесь на пару с испанским дуэтом «Баккара». А может, и не Метов, и не дуэт «Баккара», а и вовсе трио «Лас Кетчуп», но инфраструктура здесь заточена именно под клуб. *И под спайсы с коксом*, подумал Брагин, но вслух произносить этого не стал.

– Как давно закрылся клуб? – спросил следователь у Чечило.

– В сентябре.

– И до сих пор ищите арендаторов?

– Вопрос щепетильный.

Щепетильный, ну да. Перестрелки и поножовщина в прошлые годы, три трупа, вынесенные из клубешника вперед ногами, облав и спецопераций по поиску наркоты – не счесть. Что было – то было, а теперь все святее папы римского и потенциальных клиентов едва ли не через полиграф пропускают: как бы чего не вышло.

Телефонный разговор с Чечило уже намекал, что ловить в закрывшемся клубе нечего: история с девушкой была октябрьской и никак

не совмещалась с сентябрем. А пестрая биография клуба лишь подтверждала слова Ники Селейро об Обителе Зла. Ээ-эх, сумрачный андрогин, *респект тебе*, как говорят нынче все кому не лень, – вот и Сергей Валентинович сподобился. Еще одна из немногочисленных возможных ниточек оборвалась, но Брагину почему-то захотелось взглянуть на помещение своими глазами. И владелец переключил следователя на некоего Геннадьича – крепкого еще старика лет шестидесяти пяти, исполнявшего при клубе роль сторожа. И вот теперь Брагин с Геннадьичем стояли посередине плохо освещенного вместительного зала со сложенными в углу столами и стульями. Часть противоположной стены занимала барная стойка, а прямо перед Брагиным находилась небольшая сцена.

– А до клуба что здесь было? – поинтересовался Брагин у старика, разглядывая неснятые диско-шары на потолке.

– Другой клуб был, – с готовностью откликнулся Геннадьич. – Назывался «Аризона-дрим». А до него – «Полумгла», а до него – «Парни и куколки», а до него – «Мурзилка». Вроде все.

Брагин с ходу попытался определить, в каком именно из клубов случились трупы, а в каком – перестрелки во славу наркотиков и полицейские облавы. И по-хорошему выходило, что в любом, за исключением разве последнего. Очень уж романтически выглядело это «Не опоздай к приливу».

Многообещающе.

– Красивое название, – сказал старику Сергей Валентинович.

– Это какое?

– Последнее. Не опоздай к приливу.

– Угу, – согласился сторож. А потом неожиданно добавил: – И книга хорошая.

– Какая книга?

– Ну... Есть же книга. Так и называется, «Не опоздай к приливу». Раньше названиями для всяких там культурных заведений не очень заморачивались. Оно и не надо было. Клуб железнодорожников имени Кагановича или Дворец судостроителей, к примеру. И всем всё ясно. А теперь что угодно в ход идет. Из книжек вон названия крадут. А та книжка хорошая. Я ее внукам читал, только вот автора не помню.

Автор был и не важен. Не так уж важен, по сравнению с направлением мысли, которое, сам того не подозревая, задал Брагину простодушный сторож. Это еще не было догадкой, скорее – предощущением догадки: может быть, выгорит, а может, и нет.

Но попробовать стоит.

Хотя бы потому, что перед глазами Сергея Валентиновича мелькали сейчас разноцветные огни. И возникли они вовсе не потому, что разом заработали все мертвые диско-шары на потолке. Суть крылась в своеобразной аберрации зрения, которая проявлялась у Брагина лишь тогда, когда в дело, казавшееся безнадежным, неожиданно вмешивалась какая-то деталь. Все время находившаяся перед глазами, но никак до сих пор не отработанная. И деталь эта способна была не только вытащить следственную группу из болота, но и подтолкнуть ее к новой оперативной реальности.

Что там говорила о девушке из автобуса Ника Селейро? Она – не такая, как все. *Иная*. И нужно было внимательно прислушаться к словам андрогина, а вместо этого Брагин взял и прощелкал важную информацию. Он тогда не понял, что это означает. *Иной* – человек, который не только чувствует нестандартно, но и нестандартно думает. В ситуации критической или близкой к таковой. Так, возможно, виделось убитой девушке, а Брагину не виделось. Увы.

Теперь самое время исправить ошибку.

На выходе из клуба следователь сделал два звонка – судмедэксперту Пасхаверу и оперу Однолету. Собственно, ответы на неожиданно возникшие вопросы Сергей Валентинович знал и без них (во всяком случае – догадывался), но подтверждение было необходимо, чтобы двигаться дальше. У Однолета следователь уточнил перечень книг, которые были найдены в квартире на Коллонтай.

– Хёг, Нёсбе и Мураками, – бодро отрапортовал Паша. – Или вам названия нужны?

– Если тебя не затруднит.

– Значит, так. «Снеговик» – это Нёсбе. Мураками – «Охота на овец». И Хёг... «Дети зрителей слонов». Ничего себе названьице, да?

– Ничего себе, – на автопилоте согласился Брагин. – И где теперь все эти книги?

– Приобщены же. Потожировые снимали. Обнаружены следы девушки, Ерского – нет.

– Помню.

– Книги, конечно, в ужасном состоянии. Клееные-переклеенные, разваливаются все, страницы выпадают...

– Что-то выпало безвозвратно?

– От «Зрителей» вообще половина осталась. А конкретно что нужно?

– Проверить, каких именно страниц или части страниц не хватает.
– Понял. – Однолет на секунду задумался. – Хотя не понял ни черта.
Извините.

С педантом Пасхавером все разрешилось так же просто. И самое главное, что деталь, которой так сильно интересовался Брагин, не пропала вопреки ожиданиям и не была выброшена. А, аккуратно подписанная, хранилась в отдельном прозрачном пакете – «бог знает для какой надобности».

И вот надобность возникла.

И осталось только совместить две разрозненные части и сложить из них единое целое, что Брагин и сделал, добравшись до заветного пакетика. В другом пакете – побольше и бумажном – хранились книги, найденные Однолетом в коробке из-под пиццы. Книги были в мягких переплетах и принадлежали одной из многочисленных книжных серий, специализирующихся на выпуске иностранных бестселлеров. Сергей Валентинович разложил их перед собой: Хёг и Нёсбе по бокам, Мураками – посередине. И подумал, что Катя устроила бы всё по-другому и в центр обязательно положила бы Хёга. Жене Брагина очень нравился его роман «Снежное чувство Смиллы», а Мураками, наоборот, не нравился вообще. Что касается самого Брагина, то никого из троих раскрученных авторов он не читал, и его в данном конкретном случае интересовал лишь один. Да и то – из шкурных соображений следствия.

– Та еще полиграфия, – сказал Однолет, разглядывая книги так, как будто видел их впервые. – Руки бы издателям поотрывать.

– Повременим.

Брагин придвинул к себе самую пострадавшую из всех – «Дети зрителей слонов». Доброй половины книги и впрямь не существовало, сюжет обрывался на странице 187. «Снеговик» выглядел много лучше, если сбросить со счетов торчащие из небольшого томика листки, очевидно самопроизвольно отклеившиеся. А «Охота на овец» и вовсе держалась молодцом – ровненько, под обрез. И именно этот том манил Брагина. Но обратился Сергей Валентинович не к нему, а к прозрачному пакету, в котором лежал клочок бумажки.

– Узнаешь? – спросил он у Однолета, осторожно вынимая клочок.

– Вроде да, – ответил Паша и сразу погрузился. – В него... э-mmm... потерпевшая жвачку заворачивала. Часть книжной страницы.

Это действительно была часть страницы – нижняя. С несколькими строчками, оборванными примерно посередине, – так что смысл, заключенный в них, несколько терялся:

**пока она выплачется, вскипят
пить чай. Я раскурил сразу две сигаре
тут же закашлялась; это повторилось трижды
– Послушай, тебе никогда не хотелось меня убить**

Странно, что до Брагина смысл написанного дошел только сейчас, – даже в книге кто-то размышлял об убийстве. Но привлекло его совсем не это, а четыре слова под строчками. Набраны они были тем же типографским шрифтом, только размеры разные. Кажется, это называется кегль.

Харуки Мураками. Охота на овец.

– И что? – спросил у Сергея Валентиновича Однолет.

– Буду признателен, если ты найдешь страницу, откуда был вырван этот клочок.

– Ну, даже если... Что это нам дает? О том, что девушка брала книги, мы и так знаем...

Поворчав еще немного, Паша принялся в ускоренном темпе перелистывать страницы, и спустя несколько мгновений брешь обнаружилась.

– Ничего не удивляет?

Опер пожал плечами и засопел.

– Вот и я думаю, – продолжил Брагин. – Как-то странно все выглядит. Проще было бы оторвать с краю, там, где нумерация. Вот ты бы как сделал?

– Так и сделал бы.

– И я – так. И еще примерно девяносто девять человек из ста. Не то – наша девушка. Она надрывает саму страницу, а потом отщипывает кусок с противоположного конца. Усилий приходится прилагать гораздо больше. И все для того, чтобы завернуть в бумажку кусок жевательной резинки. Даже традиционной женской логикой это не объяснишь. Тогда в чем смысл?

– В чем?

– Не знаю. Может быть, в названии. Которое здесь есть.

– Чтобы кто-то его прочел? – Паша недоверчиво покачал головой.

– Как вариант.

– Зачем же тогда нужно было жвачку в него пихать? Мы-то по долгу службы бумажку развернули...

– По долгу службы, – на секунду задумался Брагин. – Вот именно. А скажи-ка мне, Павел, есть ли в нашем славном городе заведение под названием «Охота на овец»?

– Выяснить?

...Заведение действительно существовало. Им оказался ночной клуб на Сенной площади, – в здании, примыкающем к одному из многочисленных торговых центров. Идея отправиться туда выглядела нелепо, и вовсе не потому, что на это уйдет драгоценное время (пытаясь распутать дело Ерского – Неизвестной они уже перелопатили горы пустой породы). Внутреннее сопротивление обстоятельствам – вот что имело место. Слишком умозрительным выглядел след, чтобы начать его отрабатывать. Действительно ли девушка из автобуса № 191 чувствовала, что ей угрожает опасность и решила таким образом передать некое послание? Кому? Тому, кто развернет скомканную бумажку по долгу службы?

Выглядит это совсем уж по-скаутски. Игра «Зарница» какая-то, о которой Брагин был наслышан, но так на нее и не успел, в силу возраста. И потом еще оставался резонный вопрос Паши Однолета: зачем чесать правой рукой левое ухо, да еще закинув ее за голову, если гораздо проще было бы написать все то же **(Харуки Мураками. Охота на овец)** самой обычной ручкой на ладони. Или пальцем на стекле.

Не было у Брагина ответа. Не было. Разве что... Ручек (от обычных гелевых до «Паркера») он в эру всепобеждающих смартфонов при себе не носил. А прихватывал их, только выезжая на место преступления – протоколы и описания составлять. Но это – работа.

А так, в свободное от работы время – не-а.

Что, если и девушка не нашла ручки?..

Впрочем, эту версию, видя реакцию Однолета, Сергей Валентинович предпочел не форсировать и отправился в клуб «Охота на овец» сам.

И тут ему наконец повезло.

И у везения было вполне конкретное имя – Григорий, бармен.

Этим вечером в «Охоте на овец» должен был работать его сменщик, а у самого Григория имелись билеты на руках: уже завтра он должен был улетать на Гоа, а там – как получится.

– Получится что? – спросил Брагин.

– Там, говорят, рай земной. Не задорого. Если всё так и есть, как говорят, – могу и подзадержаться. Надоело за стойкой стоять. От музыки голова пухнет, опять же. Не люблю местный саунд. Местный саунд уши в мясо бьет.

Какая музыка здесь играет по вечерам, когда идет наплыв посетителей, Брагин не знал и даже не представлял себе, что может изметелить уши в мясо. Хард-рок какой-нибудь? Хэви-метал? Но «Охота на овец»

позиционировала себя как «лаунж-бар-психоделика», и как раз это подразумевало что-то нейтральное, монотонно-муэдзиновое, с угнетенной ритм-секцией – и нюхнуть кокса в туалете. Но сейчас, в предвечерние часы, когда наплыва не было, персонал и одинокие посетители обходились нейтральным фоновым европопом.

– Вам вообще повезло, что меня тут застали. Здесь я быть не должен, а должен вещи паковать. Рассчитался уже. Но у Федора, сменщика моего... Со вчерашнего дня – бывшего... А парень он хороший, и дружеских отношений никто прерывать не собирается. Так у него тут намеренно несчастие случилось, брат погиб. Траурные мероприятия, то-сё. А заменить в пожарном порядке нечем. Вот он и попросил подменить, а другу в такой ситуёвине не откажешь.

Григорий был в некотором роде аборигеном: он проработал в «Охоте...» лет пять и даже помнил это заведение спортбаром. Так что можно поговорить и о футболе, и о регби, и о конкуре с биатлоном, но, если *гражданина следователя* интересуют какие-то определенные аспекты...

– Интересует вот эта девушка. – Брагин выложил на стойку фотографию Неизвестной из автобуса № 191. – Посещала ваше заведение, возможно, в октябре, или ноябре.

– Вы бы у меня еще про Пунические войны спросили.

Рот у бармена Григория был непомерно широкий, как у лягушонка или щелкунчика; он, казалось, жил своей жизнью и стремился показать не только то, что происходит на сцене, но и в закулисье. И вот что имелось по бокам закулисья: золотые немодные коронки, пристегнутые к крепким желтоватым передним зубам. И чем шире открывался рот, тем больше золота выглядывало. И при упоминании о Пунических войнах оно и выкатилось на свет божий. Почти все. И Брагин вдруг понял, на кого похож Григорий – на албанца или цыгана, немного киношного веселого разбойника; таких полно в фильмах Кустурицы. Может, кого-то они и режут на куски, и заливают цементом ноги кому-то, и повязывают «колумбийские галстуки», но непосредственно тебе ничего не грозит. Потому что ты – в кино, и все злодейство – понарошку.

Милейший человек, да.

Откуда только он знает про Пунические войны, о которых и Брагину неизвестно ничего, кроме того, что они – были.

– Значит, девушку вы не помните.

– Я, может, и не вспомнил бы... Кофе сделать вам?

«Я, может, и не вспомнил бы...» Странная конструкция, подразумевающая продолжение, – «если бы...». Но кофе-то здесь при чем?

– Я бы не отказался.

– Тогда сделаю американо. Или вы другой предпочитаете?

– Американо будет в самый раз.

Все-таки это было почти кино. Григорий отвернулся к кофемашине, поколдовал над емкостями, посветил спиной перед Брагиным и все так же, не поворачиваясь, сказал:

– Я видел эту девушку. Как вас. И даже говорил с ней. Как с вами примерно.

Кофеварка зашипела.

– Когда это было? – У Брагина пересохло в горле.

– Дней десять назад.

– И запомнили ее?

– Есть вещи, которые просто залезают тебе в подкорку. Как будто кто-то запихивает их туда насильно.

Григорий поставил чашку перед Брагиным, и тотчас же над стойкой загорелся тусклый свет: пять низко висящих ламп с самыми разными плафонами: мотоциклетный шлем, глобус, плетеная корзина, старый примус (и такое бывает!) и – кое-что из жизни Тиффани. Мозаичный абажур был отнят у обычной кабинетной лампы и здесь смотрелся аляповато. Именно под этим абажуром и оказался сейчас Сергей Валентинович.

– И сидите там, где она.

Брагин вовсе не сидел – стоял по ту сторону стойки, но события разворачивались так, что впору было и присесть. Что следователь и сделал, взгромоздившись на высокий стул.

– Спросите у меня, почему я это помню?

– Возникает такой вопрос.

– Сахар? – поинтересовался Григорий.

– Без сахара, – сказал Брагин, хотя обычно бұхал в кофе сразу несколько кусков.

– Ясно.

Жестом фокусника Григорий вытащил откуда-то небольшой планшет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении большим смартфоном. На минуту углубившись в него (минута показалась Брагину вечностью), бармен поводил пальцем по дисплею. А потом положил телефон перед Брагиным, предлагая взглянуть на найденное.

Это был аккаунт в Инстаграме. Владелец аккаунта с ником **alkazaar1980** продвигал в сети тэги: #xoroshosidim, #oxotanaovetz, #zaipalsyanalivat, #millionmillionyaponzev, #litzadryzej. А на снимке, который

открыл Григорий, была запечатлена убитая в автобусе девушка. Отличный портрет, настроенческий, немного инфернальный – из-за неяркого, призрачного света, льющегося из мозаичной лампы. Она не выглядела грустной, но и веселой – тоже; скорее – сосредоточенной. Интересно, знала ли она, что ее фотографируют? Может быть, и не знала – потому, что у фотографа не было времени на то, чтобы идеально скомпоновать кадр: справа торчал кусок чужого невнятного плеча или чего-то очень похожего на плечо.

– Она? – Григорий самодовольно улыбнулся.

– Она, – подтвердил Брагин. – А кто снимал?

– Я и снимал. Есть у меня одна фишка. Посетителей щелкать. Не всех, конечно. А тех, кто понравится. А я эстет.

Бармен снова посветил золотыми зубами, чтобы у Сергея Валентиновича не осталось никаких сомнений в его прочно и глубоко укоренившемся эстетстве.

– Значит, это вы снимали?

– Ну да. У меня тут целая галерея. Не одна эта девушка. Пассажиров сорок наберется. И народу нравится, что характерно.

Народу действительно нравилось: под фото Брагин насчитал около полутора сотен лайков и штук двадцать комментариев. Последний относился ко внешности спонтанной модели: «Офигенная красотка!!! □□□».

– Ага, вот точная дата. – Григорий заглянул в смартфон и постучал пальцем по экрану. – Девять дней назад, почти угадал.

– Она знала, что вы ее снимаете?

– Никакого недовольства с ее стороны не наблюдалось.

Это не было прямым ответом на вопрос, но придирааться Брагин не стал.

– Я ведь не всех фотографирую. А тех, кто сидит здесь, у стойки. Раз. И тех, кто того стоит. Два. Человек должен быть необычный. Или красивый, или какой-то особенный. Алкашня на ура идет и фрики всякие. А ее сразу по нескольким причинам отобрал. Красотка – раз, необычная – два. И села за стойку. Три.

– Долго она здесь находилась?

– Полчаса где-то. Плюс-минус.

– И все время за стойкой?

– Да.

– Мест в зале не было?

– В том-то и дело, что были места. Но случаются варианты, когда

нужно сесть именно у стойки.

– Чтобы встретиться с кем-то, – предположил Брагин.

– Не сопоставляете. – Золотые зубы засверкали еще нестерпимее. –

Чтобы встретиться с кем-то – можно и за столиком приземлиться. А за стойкой – чтобы не встречаться. Раз. И чтобы поболтать с кем-то, когда совсем невмоготу. Или просто так поболтать. Ну, или чтобы найти партнера на ночь. Определенные человеческие типы подобные вещи практикуют.

– Других вариантов нет?

– Есть, но это уже в пределах статистической погрешности.

– А девушка? Как думаете?

– Девушка заказала первое, что в голову пришло. Пиво и орешки. Даже карту не посмотрела. Но пиво же неинтересная вещь. Оно, конечно, есть в ассортименте, но сюда приходят не за этим. Наша визитная карточка – коктейли. На входе указано, на специальной доске. Видели?

– Доска приметная, – подтвердил Брагин. – Бросается в глаза.

– Ей, наверное, не бросилась, а может, хотела именно пива, – великодушно заметил Григорий. – Такое тоже бывает. Я вот коктейли на дух не переношу, хотя сам их готовлю. Или вот еще. Допускаю, что они просто показались ей дорогими.

– Она выглядела, как человек, не способный заплатить за коктейль?

– Ну, за коктейль способен заплатить любой. Так что есть смысл вернуться к варианту, что они ей просто не нравятся.

– Но вы все-таки их предложили?

– Само собой. Только в первый раз она меня не услышала.

– Почему?

– Все время отвлекалась на телефон. Ей какие-то сообщения приходили. Два или три было точно. Еще она сразу рассчиталась.

– У вас так не принято?

– Обычно рассчитываются в конце вечера.

– Она сидела у барной стойки. Возможно, не хотела задерживаться надолго.

– Возможно. Она заговорила со мной. И это тоже было странно.

– У вас так не принято?

– Не то чтобы не принято. Но в основном делают заказы, не болтают на посторонние темы. Тем более в разгар вечера, когда у бармена полно работы.

– А был разгар вечера?

– Не так чтобы, но народу набилось прилично.

– Но были и пустые столики.

– Да. – Григорий легонько щелкнул себя пальцем по скуле. – Просто она была не похожа на девушку, которая заговаривает с барменом. Не в этот раз.

– А что, есть определенный тип девушек, которые заговаривают с барменами? – поинтересовался Брагин.

– Не сопоставляете.

Опять это дурацкое выражение, означающее, скорее всего, что такой важный человек, как следователь, задает детские вопросы. Не видит очевидного. Или лезет со своими теориями туда, где все уже проверено практикой и ответ давно существует.

– Есть определенные состояния. Когда тебе очень нужно выговориться – и не важно, пьяный ты или трезвый, женщина или мужчина. Ну там – жена ушла, любовник бросил, твой самый страшный враг пошел на повышение, умер любимый кот.

– Я бы хотел завести кота, – грустно сказал Брагин. – Но у жены аллергия.

– Поссорились, да? Или все серьезнее?

Интересно, как это у него получается? У веселого разбойника, киношного албанца? Или все дело в золотых коронках, которые если и ставят, то только в странах третьего мира, с одной стоматологической клиникой на пятьсот тысяч населения? Африканские плато, азиатские предгорья, где процветает шаманизм, вудуизм и еще черт знает что. Откуда-то Брагин знает, что все бармены через одного – хорошие психологи. А плохим на такой работе стать невозможно в принципе, потому что в бесконечном дне сурка (хоть люди и разные, но проблемы у всех одинаковые) оттачиваются все утешительные формулировки. И иронические реплики, и хамские – иногда это просто необходимо для встряски. И уже одного взгляда достаточно, чтобы понять, что нужно человеку. Потому что сотням остальных вчера-сегодня-завтра было и будет нужно то же самое.

Разве Брагин исключение?

Одной сочувственной вуду-улыбки и подбадривающего кивка достаточно, чтобы Сергей Валентинович выложил то, о чем никогда не стал бы рассказывать ни капитану Вяткину, ни старому-доброму Лёхе Грунюшкину. Они с Катей не поссорились, потому что они никогда не ссорятся, никогда. Катина бездетная голова уже давно лежит на плахе – секи ее, Сергей Валентинович! Катя заранее со всем согласна и уже давно просчитала траекторию, по которой голова скатится с плахи куда-нибудь в сторону Елагина острова или Заячьего острова, куда ветер подует. И в

вопросе о Дарье Ратмановой не было никакого торжества, – *вот я тебя и поймала, неверный муж*. Катя просто хочет знать, как далеко все зашло, но никаких препятствий чинить не будет. Примет все как должное.

Уходя – уходи.

А Брагин... Брагин так трясся над заветной бумажкой с телефоном сценаристки, что по-глупому забыл ее во внутреннем кармане пиджака. Это каждый раз происходит – не с какими-то женскими телефонами, боже упаси (нет у Брагина внеслужебных женских телефонов). Вообще. Все из-за невесты когда выработавшейся привычки носить пиджаки. С рубашками, футболками, бадлонами и даже свитерами. Пиджаки – вещь капризная, требующая ухода, особенно когда таскаешь их в хвост и гриву, как делает Сергей Валентинович. И Катя периодически сдает их в чистку, вот и сейчас решила сдать. И проверила карманы, как это обычно и бывает. Вытащила из них все, – как это обычно и бывает. Нужно отдать должное Кате: она никогда не акцентирует внимание на содержимом карманов, просто перекладывает его, не глядя, в старую индийскую вазу, стоящую на комод в коридоре. Почему на этот раз она решила заглянуть в аккуратно сложенную бумажку?

Потому что она была аккуратно сложена, да и не важно это.

Важно, что Сергей Валентинович впервые разозлился на Катину торжествующую покорность: «ну вот оно и произошло, у Сережи кто-то появился». Он не стал говорить Кате: это *креатурка Лёхи Грунюшкина* (что было правдой) и его попросили проконсультировать члена съемочной группы (что тоже было правдой). И на Катин вопрос:

– Это то, что я думаю?

Брагин вдруг ответил:

– Я не знаю.

И это было неправдой и правдой одновременно. Он точно знал, что хотел бы увидеть Дарью Ратманову еще раз. Видеть ее снова и снова. Пройдет ли это наваждение – неизвестно, что делать с Катей – неизвестно. Хотя она стоит сейчас перед ним, потухшая и исполненная решимости одновременно:

– Ты знаешь, что нужно делать, Сережа.

Он не знает. Зато бармен Григорий знает наверняка. Мотивы у людей могут быть самыми разными, но на выходе остается одно: заказать что-нибудь крепче кофе и начать изливать душу. Иногда можно уложиться и в пару-тройку фраз.

– ...Поссорились, да? Или все серьезнее?

– Все серьезнее, – бросил Брагин.

– Вот видите. Я сразу понял. Вы бы хотели поговорить, но не станете этого делать. Не в этот раз. И корочки мешают. Нет?

– Возможно.

– Я понял, – снова повторил Григорий и подмигнул Брагину черным албанским глазом. – А с той девушкой – не понял. Все было неправильно. Она не должна была со мной заговаривать, но заговорила.

– И что она вам сказала?

– Спросила, когда я заканчиваю работу. И могли бы мы увидеться.

– Зачем? – удивился Брагин.

– Вот и я подумал – зачем? Я совсем не интересовал ее как мужчина, такие вещи сразу просекаются. Даже если бы ей было так плохо, что хотелось бы срочно отомстить кому-то из своей жизни, не очень верному... Она бы выбрала другого. В таком деле главное – не упустить время, когда месть еще выглядит сладкой, что сахарная вата. И все оправдывает. Не стала бы она ждать, когда я закончу смену.

– Это все, о чем вы говорили?

– Ну, она еще сказала, что я ужасно милый. А разве я милый? И еще что-то такое произнесла... Что я не мог не запомнить. Ну, тогда помнил, долго помнил, а сейчас забыл. Старею, да.

– Почему не могли не запомнить?

– Звучало необычно. Прямо как фраза из кино. Ну, знаете, бывают такие... Вроде бы и воздуха набрать надо, чтобы произнести. И помолчать после. Но смысла в них ноль. Сейчас. Сейчас... Ага, вспомнил. «Между двумя комнатами нет дверей. Нет стен. Как мы найдем друг друга?»

Наверное, это и впрямь фраза из какого-то фильма, ложно-многозначительная. И Брагин видел этот фильм, потому что фраза ему знакома. Она словно висит перед глазами, оторванная от экрана, оторванная от сюжета.

– Это всё?

– Наверное, последовательность была не та. Сначала про то, что я милый. Потом про комнаты. Потом она спросила, может ли меня поцеловать. Это было неудобно, но я согласился.

– Почему?

– Почему неудобно? Перегибаться через стойку всегда неудобно, а тут пришлось.

– Почему согласились?

– Не в моих правилах отказывать хорошеньким девушкам. Поцелуй, правда, получился не очень.

– Не очень?

– Не очень обязательный. Можно было обойтись и без него. Зато я ее сфотографировал. Вы спрашивали – не была ли она против. Нет, не была.

– Позировала вам?

– Не специально. Потом отвлеклась на звонок.

– Ей позвонили?

– Звук она выключила. Так что не могу утверждать точно – звонили ей или звонила она. Разговор был не очень долгий. Девушка только сказала: «Мне кажется, они здесь».

– Они?

– Или он. Толком не расслышал. Говорю же – музыка.

– Она называла какие-нибудь имена?

– Нет.

– Ну, хорошо. Это всё?

– После разговора она сразу ушла. Даже рукой не помахала ужасно милому человеку. У которого выпросила поцелуй, между прочим.

– Кто-нибудь пошел за ней?

– Я не видел. Отвлекся на очередного клиента.

– Это всё?

– Про девушку – всё.

– И больше она не приходила сюда?

– При мне нет. Но это не конец истории.

– Было что-то еще?

– Был человек. Парень. Толком я его не разглядел, даже не понял, когда он возник. Отвернулся за лаймом, потому что готовил коктейль... Бац – а он уже сидит, как всю жизнь сидел.

– На месте девушки?

– На соседнем. Там, где меньше света. У нас и так здесь вечный интим, посетителям это нравится, но хрен что разглядишь толком. Видите, как устроена стойка? Пять ламп разной степени тусклости и двенадцать посадочных мест. Кто-то в полутени, а кто-то совсем в тени. Он выбрал тень. Или так получилось. И мне показалось, что он не совсем здоров.

– В... этом смысле? – Брагин постучал пальцем по лбу.

– Нет. Нет. Простуда, скорее всего. Горло обмотано шарфом, покашливал периодически и говорил тихо.

– О чем говорил?

– Вроде бы он видел, как я фотографировал красотку. Потому и спросил, не ее ли я приятель?

– Откуда такие выводы?

– Она меня целовала – вот и выводы. Но и мне кое-какие выводы

пришли на ум. Вот, смотрите.

Бармен постучал кончиками пальцев по круглой стеклянной емкости, напоминающей маленький аквариум. Такие стоят в гостиницах на ресепшене, а кроме того Брагин видел их в клиниках и центрах планирования семьи, где бывал с Катей. Обычно их заполняют дешевыми карамельками, но аквариум Григория был почти до краев набит винными пробками.

– Видите стекляшку? Никто на винные пробки до сих пор не покушался, да и кому они могут понадобиться? А тот парень сунул сюда руку и вытащил одну вещь. Прямо как знал, что она там лежит.

– Что это была за вещь?

– Я так думаю, что флешка. Не могу сказать, что она как-то сильно отсвечивала и сразу бросалась в глаза... Хотя и с цепочкой, но не слишком приметная, и цветом под дерево. То есть найти ее можно было, только если искать. В общем, вытащил он эту флешку и так внаглую мне заявляет: уронил, мол. А я же видел, что нет. Потому как прекрасно знаю, что там у меня в аквариуме за планктон. Немного рома, немного *конины*, но в основном – вино. И инородное тело долго бы там не пролежало. А если кто и уронил, то...

– Девушка, – закончил Брагин вместо Григория.

– Точно. Когда меня целовала. Видите, как несложно сложить два и два.

– Что было потом?

– Потом он слинял. Очень быстро, как будто хотел догнать ту девушку. Это я задним числом додумываю, а уж как там было – не знаю.

– Ушел, не заплатив?

– А он вообще ничего не заказывал, – запоздало удивился Григорий.

– Смогли бы вы его опознать?

– Ну, если бы увидел в том прикиде, в котором он тут возле стойки отирался, – возможно. Даже скорее всего. А так – не знаю.

– В нем было что-то необычное?

– Ничего такого, чего бы я не видел раньше. Шапка вязаная, а сверху капюшон. Куртка... Куртка как куртка. Шарф.

Что-то во всем этом перечне показалось Брагину знакомым. Связанным с автобусом № 191 и показаниями кондукторши Маврокордато.

Парни.

Она упоминала о двух парнях. Первый – в оранжевой шапке и шарфе в цвета футбольной команды «Зенит». Он вышел из автобуса на улице Нерчинской и сбил с ног жертву. Как утверждает водитель Тариэл

Кобахидзе – непредумышленно. Так ему показалось. Второй парень – тот, кто съел счастливый билетик, – некоторое время сидел рядом с девушкой. Основные приметы: шапка (и снова – хорошо запоминающаяся, но не цветом, а формой), наушники в ушах, борода.

Бороденка, – как выразилась Маврокордато.

– Шарф был обычным? – спросил Брагин.

– А каким еще он должен быть?

– Может, зенитовским?

– Нет. Я бы запомнил. Это приметная деталь.

– Борода у него была?

– Бороды не было. Косички были, это да.

– Какие косички?

– Знаете, есть такие африканские косички, ими всю голову оплетают.

Дрэды, вот.

– Да, я знаю.

– Так вот, это были не они. У того парня они спереди свешивались. С бусинами, фигурками всякими. Как-то они еще специально называются... Африканские – дрэды. А эти... Нет, не вспомню.

Наверное, так выглядит удача. Она украшена бусинами и фигурками, вплетенными в косицы. *И вспоминать ничего не надо, мил человек!* Черт с ним, с названием. Брагин достал еще одну фотографию – на этот раз Филиппа Ерского – и положил ее перед Григорием:

– Не он?

– Черт его знает. Вроде он. – Григорий поднес снимок к лицу. – Там капюшон был. Опять же – со светом лажа. Сейчас... Точно он.

– А свет? – напомнил Брагин. – Постарайтесь не ошибиться. Это важно.

– Из-за той девушки?

– Девушка погибла.

– Это не был несчастный случай?

– Убийство. Это было убийство.

Странно, но иногда смерть производит впечатление и на албанцев-мафиози.

– Я думаю, это он. Уверен. Может, я не очень отчетливо запомнил лицо, но вот бусины в косичках помню.

– Такие запоминающиеся?

– И это тоже. Но в основном потому, что они стучали по стеклу, пока парень вытаскивал флешку из аквариума. И там еще была маленькая рыбка.

Брагин не сразу сообразил, о какой именно рыбке говорит бармен

Григорий.

– Из темного камня. По-моему, оправленная в серебро.

Рыбка была из черного агата. Действительно, оправленная в серебро. Вот только на фотографии, которую минуту назад рассматривал Григорий, рыбка эта не просматривалась. Хотя разрешение снимка вполне позволяло это сделать.

Ее там просто не было.

На снимке, не самом последнем по времени. А на мертвом Филиппе – была. Но Григорий не мог знать об этом, если бы... Не увидел еще живого Ерского перед своей стойкой. Это он копался в аквариуме в поисках флешки. И возможно, преследовал девушку.

Это он. Некому больше. Ведь такие рыбки в креативных *сделай-сам*-гипермаркетах «Леонардо» не продаются.

– Вы очень помогли, Григорий, – только и смог сказать Брагин. – Спасибо. Жаль, что вы уволились.

...Снимок Филиппа Ерского, который Сергей Валентинович показывал бармену, переключал из интернета и мало чем отличался от его портрета на афишах. Вообще, с настоящими – личными, только ему принадлежащими вещами, дела обстояли более чем странно. Это – единственный вывод, который смогла сделать следственная группа Брагина после четырехчасового обыска в пентхаусе Ерского. По удивительному стечению обстоятельств он находился в том же элитном жилом комплексе, где оторвал себе квартиру Лёха Грунюшкин. Только Лёхина квартира располагалась совершенно в другом крыле, тремя этажами ниже. И была в три раза меньше. Но и из нее вид открывался роскошный. Что уж говорить о пентхаусе! Бескрайние городские дали, врывающиеся в окна, просто завораживали.

Особенно сильно они потрясли Пашу Однолота, паренька из Костомукши. Вкупе с бескрайними далями собственно пентхауса.

– Охренеть, – то и дело повторял Паша, стоя на границе мраморного пола и питерского влажного воздуха, отделенного от квартиры панорамным окном. – Охренеть.

– Возьми себя в руки, – посоветовал проходящий мимо Брагин. – И займись наконец делом.

Впрочем, в квартире Ерского было так мало вещей, что помощь Однолота не особенно и требовалась. Самый минимум мебели, пусть и очень дорогой: холодильник (по странному стечению обстоятельств – двоюродный, если не родной, брат холодильника из квартиры на Коллонтай) – американский. Кухня была выписана из Италии, оттуда же –

гостиный гарнитур, состоящий из винтажного стола красного дерева и шести стульев. Спинки стульев венчали геральдические гербы неизвестных Брагину аристократических родов, а сам стол покоился на искусно вырезанных львиных лапах.

Тонкая работа, ничего не скажешь.

Пентхаус представлял собой открытое «студийное» пространство, лишь условно поделенное на зоны: кухня располагалась в самом его начале, затем следовала секция «рыцарей Круглого стола», как обозвал ее Однолет. А в дальнем углу Филипп Ерский устроил что-то наподобие репетиционной: небольшой подиум с пюпитром, мощная акустическая система, пара софитов и два больших стеклянных тубуса, вмонтированных в стену. В них хранились скрипки. Обе были концертными, одна – авторства Жана Батиста Вийома, французского скрипичного мастера девятнадцатого века, а вторая – самого великого Амати.

– Са-мо-го! Амати! – с придыханием и присвистом, понизив голос до трагического шепота, сообщил Брагину Олег Николаевич Кныш, питерский представитель Филиппа Ерского, предусмотрительно приглашенный Брагиным в качестве понятого. Второй понятой выступала Варвара Дымщиц, приходящая домработница. В ее обязанности входило убирать квартиру раз в неделю, по субботам, вне зависимости от того, находится ли Филипп Ерский в Санкт-Петербурге или гастролирует за границами России.

– Да я его последний год, почитаю, и не видела, – сообщила Брагину Варвара. – Да он мне тут и не нужен совсем, под ногами путаться.

Сергей Валентинович слабо представлял себе, как можно путаться под ногами на площади в двести квадратных метров.

– Как же вы общались, Варвара Владимировна?

– А чего общаться? Мое дело телячье – перетри тут все, перемой. Не больше! – Домработница воздела к небу вытравленный бытовой химией указательный палец. – Его и в стране не бывает почти, какое общение?

– А сам он как? – Брагин не терял надежды подвинуть Варвару к личным ощущениям, но та все гнула свое:

– Откуда же мне знать? Я же вам русским языком говорю: не встречаемся. А так – очень аккуратный человек. Не мусорит. Бардак за собой не оставляет. Да и не из чего бардак лепить. Сами видите – квартира пустая.

– А расплачивается с вами как?

– Деньги ежемесячно на карточку кладет. И всегда вовремя.

– А если что-то экстренное?

– Что? – искренне удивилась Варвара.
– Ну, не знаю. Трубу прорвало?
– Смеетесь? Здесь квартиры бешеные миллионы стоят. И трубы, поди, из золота. Пока держатся.

– Ну вдруг...
– Для «вдруг» телефон имеется, только на моей памяти он им ни разу не воспользовался. Хороший клиент Филипп, – всхлипнула Дымшиц. – Царствие ему небесное. Такого больше не сыщешь...

Короткое общение с Варварой не внесло новых красок в уже сформировавшийся в сознании Брагина образ гениального скрипача с не очень аппетитной начинкой внутри. И мелочи (вроде бытовой чистоплотности Филиппа Ерского) ничего в этом образе не меняли.

Более развернутые характеристики Сергей Валентинович надеялся получить от представителя покойного, но и здесь его надежды не оправдались. Кныш оказался заполошным неврастеником, совершенно не готовым к новым – трагическим – реалиям. И выглядел так, как будто небо, упавшее на землю, придавило его со всей основательностью, не оставив в организме ни одной целой кости. Несчастный Олег Николаевич гнулся во все стороны; ноги не держали его – и он постоянно присаживался и тяжело дышал. Ни дать ни взять, – рыба, вынутая из воды. Кныш весь сочился потом – холодным даже на вид. И то и дело протирал бледное лицо, шею (почему-то багровую, в контраст лицу) и лысину, застенчиво выглядывающую из-за венчика блекло-рыжих волос.

– Вы не понимаете, что произошло, – протирал он руки в сторону Брагина.

– Почему же не понимаю. Человек... погиб.
– Великий человек погиб! Единственный в своем роде музыкант! И что теперь делать?

– Жить дальше, – меланхолично посоветовал Сергей Валентинович. – Что же еще остается?

Внимать столь здравому совету Кныш не собирался. Он высморкался в свой безразмерный платок, после чего натурально зарыдал.

– Всё! Всё же сорвалось! В конце января должен был начаться его мировой тур. Начаться с Санкт-Петербурга. А теперь всё кончено.

– Бывает, – вполне по-дружески заметил Брагин, хотя больше всего ему хотелось раздобыть где-нибудь бейсбольную биту и шваркнуть ею по голове великовозрастного плаксы.

Ножка от стола тоже бы подошла.

– Не бывает! – с пафосом возразил представитель. – Так не должно

быть! Потому что это был бы не просто мировой тур, а... сенсационный мировой тур.

– В чем же его сенсационность?

– В программе! В программе! Филипп настраивался исполнить концерт, который еще не исполнялся. Никем. Никогда! Более того, о его существовании никто даже не подозревает. Незавершенное творение такого же гения, как и он сам.

– Вот как. Кого именно?

– Известнейшего композитора! Чье имя на слуху даже у ребенка.

– Вот я и спрашиваю – кого именно?

– Я... Я не могу вам сказать.

– Теперь-то можете. Обстоятельства изменились, понимаете?

– Для кого-то изменились. Для меня – нет.

– Вы это имя решили с собой в могилу унести? – мрачно пошутил Брагин.

– Вот только не надо про могилу! – взвился Кныш, но силы снова оставили его. И он рухнул на стул. – В доме повешенного... о веревке... дурной тон!

– Кстати, о доме... Как-то здесь пустовато. Не находите?

То, что пентхаус не был перегружен вещами – пусть его. В конце концов, Филипп Ерский мог исповедовать (и, очевидно, исповедовал) редкий для людей его статуса минимализм. Другое удивляло Брагина: полное отсутствие электроники, за исключением стереосистемы в репетиционной зоне и микроволновки с кофеваркой – в кухонной. Ни компьютера, ни ноутбука, ни планшетов, ни даже телевизора – ничего похожего найдено не было.

– Можете как-нибудь это объяснить? – спросил у плаксы Брагин.

– Никак. – Кныш развел руками.

– Человек масштаба и востребованности Ерского... Разве он мог обходиться без связи с миром?

– Конечно, нет. У Филиппа были и планшет, и ноутбук...

– Где же они?

– Не знаю. Не забывайте, это – не единственный его дом. Есть еще Валенсия, есть Карловы Вары...

– Кому они достанутся, как думаете?

– О чем вы?

– О недвижимости Ерского. Если судить по совокупности, все это стоит немалых денег.

– Космических, – подтвердил Кныш, впервые забыв промокнуть лицо

платком. – Филипп был очень состоятельным человеком. Очень.

– И ни одного благотворительного фонда его имени. Ни одной программы, – задумчиво произнес Брагин. – Несolidно получается по нашим временам. Не кошерно. Что, жаден был парень?

– Ну почему же? Он поддерживал фонд «Иди со мной». Помощь жертвам домашнего насилия. И очень хорошо поддерживал, – смутился Кныш. – И вообще... Возможно, он жертвовал кому-то еще... Тайно.

Брагин едва не рассмеялся в лицо Кнышу. А если бы рассмеялся – это был бы горький смех. Страшная, мертвящая ирония заключалась именно в том, что домашний насильник вкладывал деньги в искалеченные руки своих же жертв.

– Ну да. Жертвователь предпочел остаться неизвестным. Ладно, оставим это на его совести. Филипп был не женат, детей у него нет, насколько я знаю... Кто будет претендовать на наследство?

– Понятия не имею. Наверное, вам лучше переговорить с его адвокатом. Архангельским Валерьяном Венедиктовичем...

С тех пор как было обнаружено тело Филиппа Ерского, Брагин не оставлял попыток связаться с В. В. Архангельским, главой адвокатского бюро «Архангельский, Бриг и Леселидзе», но пока все они упирались в отсутствие Валерьяна в стране. Младшие партнеры Архангельского, Бриг и Леселидзе, по очереди уверяли Брагина, что «мэтр» находится сейчас в командировке, но вот-вот вернется. А на прямой вопрос, может ли кто-нибудь из них просветить следователя относительно их клиента Ерского, дали такой же прямой ответ: *vip*-клиенты – компетенция мэтра.

Не больше и не меньше.

Сукины дети, матерился про себя Брагин, совершенно непонятно, по какой причине не мычат и не телятся! Или – наоборот, мычит и телится Валерьян Венедиктович Архангельский – запихивая деньги в офшор? Как бы то ни было, Брагин пока проявляет ангельское терпение, не давя на нужные следственные кнопки, а мог бы!.. С каким удовольствием он устроил бы гаврикам из адвокатской конторы самое настоящее адово *Хамураппи*, – спецназ, шумовые гранаты и выемка документов приветствуются! Но шумовые гранаты никто в брагинские руки не вложит – вот и приходится довольствоваться напоминаниями: *пусть дражайший Валерьян Венедиктович свяжется со следователем Брагиным Сергеем Валентиновичем, как только окажется в стране.*

– Всенепременно, – звенят бубенцами на другом конце провода клоуны Бриг и Леселидзе. – Обязательно свяжется. Как только.

Впрочем, теперь у Брагина появился шанс кое-что узнать о Филиппе

Ерском в обход его адвоката. Шанс был заключен в сейфе, найденном в нише между импровизированной гостиной и импровизированной спальней (аскетичная йоговская полуторка, только гвоздей ей и не хватает!). Сейф был вмонтирован в стену и легкомысленно прикрыт картиной – единственной во всем доме. Из тех картин, которые принято называть душевными.

Зимний деревенский пейзаж.

Брагин почему-то вспомнил о конькобежцах и ловушке для птиц, хотя ничего общего с Брейгелем у этой картины не было. И деревня проступала не голландская, а самая что ни на есть русская, и даже сибирская – с приземистыми избами, приземистыми клубами дыма из труб. Бабы, стирающие белье в проруби, тоже были приземистыми. И веселыми. И сама картина – нескучной.

Она бы обязательно понравилась Кате.

И все то время, пока приглашенный спец из техотдела, под грустные взгляды понятых, трудился над вскрытием сейфа, Брагин думал о жене. Так, как не думал никогда, – с испепеляющей сердце нежностью. К нежности примешивалось чувство вины – за все то, чего он не совершал, но мог бы совершить, если бы...

Если бы это была не Катя.

Совершенно неприкаянный, Сергей Валентинович присел рядом с Однолетом, все еще изображавшим из себя рыцаря Круглого стола в ожидании компота. И только сейчас заметил, что опер пялится и пялится в свой смартфон.

На фотографию девушки, сидящей на мотоцикле.

А ей идет мотоцикл.

Не может не идти, потому что это – Дарья Ратманова.

Очень буднично это произошло – встретиться с Дарьей Ратмановой в совершенно незнакомом, чужом пространстве чужого телефона. Что она там делает? Что она делает с межеумочным сопляком, который фигурно выстриг межеумочную бороду, но при этом не перестал быть идиотом? На Брагина снова обрушилась бетонная плита, и он снова оказался не готов к ней.

Хорошо хоть, рукой пошевелить в состоянии. И языком.

– Интересная девушка, – сказал он.

Получилась, правда, чуть растянуто: *ии-н-т-ее-рес-наяя*, как в замедленной макросъемке, когда капля падает в молоко и никак не может упасть. Когда пуля летит в мишень и никак не может долететь.

Упала все-таки. Долетела. Можно выдохнуть.

– Интересная, да. Красивая, – вздрогнув от неожиданности, проквашал межеумочный сопляк.

– Встречаешься с ней?

– Да.

– И давно?

– Ну-у...

– Понятно. Чем она занимается?

– Она... сценаристка. Очень талантливая.

– Повезло тебе.

– Ага.

Наконец-то щенок покраснел. Как вор, укравший чужое и пойманный на месте преступления. Но избавиться от украденного он не торопится, наоборот, еще крепче прижимает его к груди.

– Позволишь взглянуть?

И плевать Брагину, как он выглядит в глазах щенка со своей неуместной просьбой.

– Да. Конечно.

Сергей Валентинович вынул смартфон из рук Паши Однолота. И теперь уже не под вороватым углом, а фронтально и вполне законно посмотрел на сценаристку Дарью Ратманову. Дарья Ратманова улыбалась. А Брагин так хорошо помнил, как она улыбается! И помнил ямочку на щеке. И даже (откуда что взялось?) лихо коснулся дисплея большим и указательным пальцами. Чтобы увеличить фотографию и увидеть ямочку наконец.

Как будто он жить не может без этой ямочки. Бедная Катя.

И Сергей Валентинович увидел-таки ямочку. И несколько минут сидел, позабыв обо всем на свете и пялясь в экран. Он даже не слышал, как подошел вежливый спец из техотдела с известием о том, что сейф вскрыт и можно составлять протокол. И не слышал, как подошел еще более вежливый стажер Артем Солопченко с еще одним известием: мебель, находящаяся в квартире, была заказана через фирму «Кардинал-Экспресс», одну из многочисленных дочек другой фирмы – «Стрим-Экспресс», принадлежащей некоему Кириллу Кассису, *кажется, он уже фигурировал в каком-то из отчетов*. Соответствующие бумаги от «Кардинала» лежат в одном из ящиков на кухне. А вот «Стрим» и самого Кассиса Солопченко вычислил через интернет, – такой он талантливый и цепкий парень. Понятно, что это – никакая не тайна, и все лежит в открытом доступе, и ничего незаконного в этом нет. Но и лишняя информация к размышлению не помешает.

– Да-да, – рассеянно произнес Брагин.

И снова углубился в смартфон. И просидел так еще минуту или две, пока его не потревожил самый вежливый из парней – Паша Однолет:

– Я возьму телефон, да?

– Конечно, – легко согласился Брагин.

И так же легко расстался с телефоном.

– Я тут кое-что понял про нестыковку со временем. Проверить надо. Так что отлучусь.

Валяй, проверяй, Паша. Главное – не лопни от усердия.

Расёмон

...Как бы это не стало традицией – встречать подчиненных в аэропортах.

Эта мысль проскочила среди множества других мыслей, роящихся в голове Сергея Валентиновича Брагина. И даже привстала на цыпочки, чтобы следователь заметил ее. *Ну да, заметил, идем дальше.* Вернее, – стоим. Ждем Леру Гаврикову.

Сейчас Лера была самым главным человеком в жизни Брагина. От того, что она привезет, во многом будет зависеть, куда двигаться дальше. Впрочем, Сергей Валентинович уже примерно понимал – куда, и этим пониманием он был обязан случайности.

Случайности, да.

Приходится признать. Не будь ее, он еще долго блуждал бы в потемках. Конечно, это несколько нивелирует образ сыщика, воспетый массовой культурой. Где, скажите, уважаемый Сергей Валентинович, игра ума, интеллектуальный поединок с преступником? Когда действия и мотивы проверяются едва ли не высшей математикой и каждый день нужно решать массу головоломок, чтобы перейти на другой уровень, все ближе и ближе подбираясь к убийце. И конечно, высший пилотаж оказаться за его спиной и защелкнуть наручники на его запястьях – в тот самый момент, когда убийца присядет перекусить в «Макдоналдсе». Или начнет изучать схему расположения мест в кинотеатре, чтобы выбрать себе местечко получше и с кайфом посмотреть очередной блокбастер.

А что? Убийцы ходят в кино, они ведь тоже люди.

С другой стороны – и случайности полезны. Они всего лишь подтверждают тезис о том, что идеальных преступлений не существует. И как ни просчитывай, как ни готовься, проверяй и перепроверяй, – все равно найдется какая-нибудь мелкая деталь, оказавшаяся не в то время и не в том месте.

Для преступника, разумеется.

А для Брагина – именно в том, в котором нужно.

И Лера Гаврикова выпорхнула именно из тех дверей, возле которых ждал ее Сергей Валентинович. Он заметил ее чуть раньше, чем она его, – и потому успел выйти из машины и даже приоткрыть пассажирскую дверь. И стоял теперь, разминая ноги в ожидании.

Увидев Брагина, Лера бросилась к нему, как бросаются обычно к

родным и близким, потерянным в круговороте жизни навсегда. А потом – счастливо найденным. Будь ее воля, стажер Гаврикова заобнимала и зацеловала бы Сергея Валентиновича до смерти. Затискала бы от полноты чувств, а еще оттого, какая она молодец, как со всем справилась, *никто не сделал бы лучше, не нарыл бы больше*. Она отправила Брагину несколько сообщений в мессенджер – и каждый раз градус повышался.

Есть любопытные сведения.

Есть очень интересные сведения.

Сведения – отвал башки.

ЭТО БОМБА!

И вот теперь Лера – с бомбой в руках – стояла перед Брагиным, и ей до смерти хотелось, чтобы Сергей Валентинович похвалил ее. Авансом, еще до того, как все будет рассказано и разложено по полочкам.

– Ну, что? – ласково спросил следователь. – Молодец ты?

– Вроде того.

– Тогда поехали и по дороге все расскажешь.

...Это и впрямь была бомба. Для тех, кто привык смотреть на Филиппа Ерского из тринадцатого ряда партера. Брагин по доброй воле там бы никогда не оказался, но вот Катя... Слушая Леру, он несколько раз запоздало испугался за Катину жизнь, лишь на какое-то мгновение соприкоснувшуюся с жизнью Ерского. А если бы это мгновение затянулось? Той, выпавшей из окна девушкой вполне могла стать его жена. Или Верой Протасовой – что тоже было вполне реально. Или кем-то другим, чьи имена давно стерты и никогда не будут озвучены.

И никто о них не узнает.

– Со стороны матери родственников у него нет никаких, – сказала Лера. – А когда-то была большая семья – родители, старшая сестра с мужем и двумя детьми. Старший брат. Елена, мать Ерского, – самая младшая. Как утверждают еще живущие очевидцы тех событий, Елена – суций ангел. Доверчивое, ранимое существо. Очень романтическая натура. В противовес остальной семье.

– А что не так с семьей?

– Угрюмые, мрачные – опять же, по свидетельствам очевидцев. Сектанты какие-то. Свидетели Иеговы или что-то в этом духе. У меня там записано все на диктофон...

– Потом будем пленки разбирать. Рассказывай дальше.

– Ну да. – Лера перевела дух и совсем по-детски шмыгнула носом. – Так вот, эта несчастная Лена Ерская, будучи пятнадцатилетней девушкой, знакомится в Северске с одним залетным студентом по имени Егор. Сам

Егор проживал в Томске, но вроде как учился здесь, в Питере. А в Северск приехал к родственникам. И эта бедняжка не нашла ничего лучше, чем влюбиться. Причем насмерть.

Брагин невольно улыбнулся – *ох уж эти девчонки, прошлые и настоящие*. Если и влюбляются, то обязательно насмерть.

– Смеетесь? Не верите? – вспыхнула Лера. – А ведь так бывает.

– Я верю, – успокоил не в меру впечатлительную стажерку следователь. – Так и бывает. Только так, если это любовь.

– Вы хороший человек, Сергей Валентинович.

Такого поворота Брагин не ожидал и от смущения прибавил скорость. И тут же осторожно сбросил ее, чтобы не выходить за рамки привычных восьмидесяти.

– Не отвлекаемся, рассказывай.

– А дальше он ее бросил. Летние каникулы ведь заканчивались. У него студенческие, у нее – школьные. В школе она не доучилась ровно один год.

– Забеременела?

– Да. Позор для семьи и все такое. Ее отправили куда-то под Северск, там она и родила.

– А тот парень... Егор... Так ничего и не узнал?

– Тогда точно нет. Скорее всего, он и думать о ней забыл. Так, развлечение на август, между рыбалкой и футболом. А вся ее упоротая семейка эту Лену гнобила. И неизвестно, что там происходило, за закрытыми дверями. И с ней, и с ребенком. Наверное, что-то не очень хорошее, раз она повесилась. Так?

– Похоже на то, – помрачнел Брагин.

– Ребенка... Филиппа... сразу же сдали в детдом. Про совсем раннее детство почти ничего неизвестно. Наверное, ничего особенного и не происходило, пока руки у него были слабые.

– А потом?

Теперь уже надолго замолчала Лера.

– А потом... Лет в пять-шесть он стал убивать кошек. Понимаете? Забивать их камнями. Он мог просто сидеть где-нибудь в углу, на ступеньках, тихо-тихо, а потом подойти к какому-нибудь мальчику и пробить ему голову прутом.

– Прутом?

– Железным, угу. Я нашла нянечку из детского дома... Сейчас она, понятно, на пенсии, но тогда лично отнимала пруты и камни. Кого-то удавалось спасти, кого-то нет.

– Кошек?

– Не только кошек. Так говорила та нянечка, но я не очень верю. – Лера умоляюще посмотрела на Брагина. – Ведь маленький мальчик не может убивать? Или я не права?

– Совсем маленький – нет.

– А когда начинается *не совсем*? Знаете, как погибла вся его семья? Те люди, которые сдали его в детскую богадельню? Пожар. Дом подожгли с нескольких сторон, а до этого кто-то успел воткнуть колышки в двери, чтобы те не могли открыться. Семь человек сгорели заживо. Пятеро взрослых и двое детей. И убийц так и не нашли. А еще бабка по материнской линии – она жила в дачном поселке под Северском – вот и осталась жива. Тогда. Но потом умерла вроде бы. Про бабку мало что известно.

– Сколько было тогда Филиппу?

– Что-то около двенадцати. И он был в бегах. Исчезал весной, мог вернуться летом и почти всегда возвращался на зиму. Чем он занимался все это время вне стен детдома – неизвестно. Убивал животных? Убивал людей?

– Как же его не отправили в спецучреждение? – удивился Брагин. – Не обрядили в смирительную рубашку? Не прокололи галоперидолом, такого нарядного?

– Я не знаю. Никто не дал мне внятного ответа на этот вопрос. Та самая нянечка говорила мне, что его все боялись, даже когда он был совсем крохой.

– Кто-нибудь смог подтвердить ее слова?

– Завхоз. И препод по музыкальному воспитанию... Кстати, в ее бытность он никаких особых исполнительских талантов не проявлял. А еще бывшая работница столовой, сейчас они все на пенсии. Глубокие старики. Но это теперь не важно, так?

– Любая мелочь из прошлого важна, – заметил Брагин. – Потому что помогает понять настоящее.

– Это еще не все. Однажды он снова убежал. А вернулся со скрипкой. Неизвестно, где он ее раздобыл. Все мои старики, под большим секретом, говорили о каком-то Шломо Фунтове, или Сайракане, или Иване Иванове, – у него было несколько имен. Каким хотел, таким и назывался. В общем – асоциальный тип. Будто бы жил такой странный человек неподалеку от Томска, на границе с тайгой и болотами. Колдун и экстрасенс в одном флаконе. Вроде бы он и достал скрипку для Филиппа, пока маленькая сволочь жила у него. Но это все слухи. Ничем не подтвержденные. И никаких документальных свидетельств о существовании этого Шломо-

Ивана я не нашла. И местная полиция ничего не смогла сделать. Скорее всего, это просто городская легенда.

– Скрипка – тоже легенда?

– Да. С тех пор как он взял ее в руки. И себя тоже. Как-то стал поспокойнее. Без прутьев, без камней. Уехал в Новосибирск, в музыкальное училище. А потом уже в Питер перебрался. В общем, это пунктирно. Остались еще кое-какие мелочи, но в общем и целом картина ясна. Я составлю отчет и приложу все материалы... Аудио и видео.

– Отличная работа, девочка, – похвалил Леру Брагин. – Жаль, что папаша нашего гения не нашелся... Вот бы удивился такому взлету неведомого ему сына.

Похвала заставила стажера Гаврикову покраснеть и сморщиться в улыбке.

– Вообще-то я нашла папашу. На городском кладбище города Томска. Караев Егор Дмитриевич. Умер пять лет назад от цирроза печени на фоне прогрессирующей алкогольной зависимости. Я отмечу это в отчете.

Машина Брагина как раз остановилась на долгий красный. Девяносто три секунды. Есть время, чтобы подумать. О другом отчете, несколько сумбурно составленном. Что поделат, если опер Павел Однолет не обладает той структурированностью мышления, какой обладает юная, но чрезвычайно перспективная Валерия Гаврикова. Но из него совершенно ясно следовало, что не далее чем полгода, максимум – девять-десять месяцев назад томский Егор Караев объявился в жизни известной актрисы Лидии Генриховны Дезобри с просьбой помочь его сыну Ивану.

Из могилы он вещал, что ли?

Брагин неожиданно разозлился: и на долгий красный, и на проявившую чудеса сыскного мастерства Гаврикову, и на Павла Однолета заодно. И на то, что как это удивительно совпало – срочно перебравшийся в Питер Иван Караев оказался единокровным братом покойного Ерского. Снова придется пересмотреть все детали версии. Или выбросить их к чертовой матери.

И саму версию заодно.

Тридцать четыре секунды.

На тридцать второй Брагину позвонили из Управления, с новостью о том, что на трассе «Скандинавия», неподалеку от деревни Огоньки, разбился Иван Караев.

...Смерть Караева на первый взгляд выглядела несчастным случаем. И оставалась им ровно до того момента, как спецы из техотдела сделали вывод: в автомобиле повреждена центральная тормозная система. Один пробитый патрубок еще давал призрачный шанс на спасение, но вкуче с обрезанной силиконовой трубкой, подающей тормозную жидкость на диск, и автоматической коробкой передач, шанса не оставалось вовсе. Какое-то время тормоза еще работали, но это был лишь отсроченный конец. Даже опытный водитель не смог бы ничего сделать при таких вводных. Водительский же стаж Ивана Караева оказался совсем небольшим, и недолгая работа в автосервисе вряд ли прибавила ему навыков.

Там он занимался исключительно аэрографией.

По показаниям нескольких работников сервиса, прежде чем уехать, Иван с кем-то переговорил по телефону, а потом резко засобиравшись. Укатил на машине, бросив лишь, что скоро вернется.

Собственно, и машина ему не принадлежала: это был клиентский автомобиль, «Шкода», на крыльях и дверцах которого Караев воссоздавал эпическое комикс-полотно *Бэтмен vs Джокер и Бэйн*. Полотно было почти закончено, когда темно-синяя «Шкода» угодила в катастрофу со смертельным для Караева исходом. Передняя часть кузова оказалась смятой в лепешку, отчего Бэтмен и Джокер почти перестали существовать. Повезло только Бэйну – эксцентричному злодею с маской на лице, похожей на модифицированный респиратор с газырями. И теперь, рассматривая пугающе реального Бэйна, Брагин ловил себя на мысли: в уме ли владелец авто? Кто тот человек, который готов был развезжать по городу с такими адскими картинками на борту?

Человеком этим оказалась некая Венера Тасбулатова, 27 лет от роду. Жгучая латиноамериканская красотка по виду и конченная стерва по характеру. Такая ничего из своих цепких наманикюренных пальчиков не выпустит, а если уж попадется на пути богатый непуганый идиот – тогда и вовсе ему хана, высосет и выбросит бедолагу.

И не поперхнется.

Целевой аудиторией девицы Брагин не был, так что стерву она особо включать не стала, а к потере авто отнеслась даже философски: *бедный Боба, пасется себе сейчас на инвестиционном форуме и не знает, что пришла пора его доить*.

Брагина давно уже не удивлял девичий цинизм, а случай Венеры Тасбулатовой был и вовсе беспримесно-меркантильным. И то, что обычно принято скрывать, доярка-любительница вытаскивала на поверхность без всяких колебаний.

- Боба – это кто? Муж?
- Боже упаси. – Тасбулатова замахала на Сергея Валентиновича руками. – Только этого не хватало. Боба – мой любовник.
- Вот как.
- Давно и счастливо женат.
- И вас это не смущает? Расстраивает, может?
- Пусть его жена расстраивается. И вообще... – Тут Венера хихикнула и понизила голос, как будто хотела поведать Брагину о чем-то интимном. – Он тот еще зануда. Мозг способен вынести за пять минут на пустом месте. Характер отвратительный. Но приходится терпеть, что поделаешь.
- Вы хорошо знали Ивана Караева?
- Парня из мастерской?
- Да.
- То, что мне необходимо, – знала.
- Например?
- Он – один из лучших художников в городе. А я давно хотела сделать аэрографию своей малютке, – Венера немедленно состроила скорбную физиономию, – теперь уже покойной.
- Кто вам его посоветовал?
- Один знакомый киллер.
- Киллер? – удивился Брагин. Не самому факту наличия киллеров в биосфере, а тому, как легко и непринужденно девица заявила о знакомстве с представителем этой романтической профессии.
- Леон-киллер. – Тасбулатова снова захихикала. – Был такой французский фильм. Может, слыхали?
- Допустим.
- Этот фильм очень нравился Кате – и Брагин немедленно вспомнил об этом. И немедленно подумал о том, что слишком многое в своей жизни он рассматривает через призму привязанностей своей жены. А о многом имеет представление лишь с Катиных слов. Хорошо это или плохо? Хороша или плоха жизнь, в которой ты сплетаешься с другим человеком настолько, что его мир становится твоим?..
- Надо бы почитать проклятого Хёга.
- Ну вот. Еду себе по трассе, и тут меня едва не подрезает какой-то хам на «БМВ». Да, кажется, это был «БМВ»... И на нем нарисованы Леон и эта девочка, героиня. Мне ужасно понравилось, как это сделано. Так что пришлось догонять и выпытывать адрес мастерской, где эту красоту сочинили.
- И вам этот адрес дали.

– Конечно. Мне трудно отказать.

Несмотря на некоторую экстравагантность, история выглядела довольно правдоподобно, и Брагин поверил ей. Да и аэрография переводит любую машину в разряд эксклюзивных, так что разыскать Леона и подружку не составит труда. Если понадобится.

– Значит, с Иваном Караевым вас ничего не связывало, кроме заказа на роспись машины.

– Нет, конечно.

– Но он взял именно вашу «Шкоду». Почему?

– Вы у меня спрашиваете? – пошла было в наступление Венера, но тут же осеклась. – Он как-то уже брал ее... Нужно было то ли перегнать ее в другую мастерскую, чтобы сделать какую-то эксклюзивную обливку... То ли что-то еще. Вот и твори после этого добро, помогай людям! Мне, конечно, жаль парня. Но нет худа без добра. И бедному Бобе придется теперь раскошелиться на «Рэндж Ровер». Давно к нему присматриваюсь. А вам нравится?

– «Рэндж Ровер»?

– Ну да.

Она все-таки стерва.

Однако вслух Брагин этого не произнес, а лишь спросил:

– У вас есть враги?

– У любого человека есть враги.

– Даже такие, которые готовы убить?

– Любой готов убить. При определенных обстоятельствах. Ни вы, ни я не исключение.

– Дело в том, что ваша машина была обречена.

– Что значит – обречена?

– Ее тормозная система была намеренно испорчена. Если бы за рулем были вы, вас постигла бы участь Ивана Караева. Считайте, что он спас вас от неминуемой смерти.

Лицо Венеры покрылось красными блуждающими пятнами. Они всплывали то на подбородке, то на лбу, а потом и вовсе перекечевали на шею.

– Это наверняка она! Старая проשמандовка! Это она хочет меня извести, Бобина жена! Вы можете ее арестовать?

– Не уверен. Вот эта девушка вам знакома? Возможно, видели ее когда-нибудь с Иваном Караевым?

Брагин протянул Венере фотографию неизвестной из автобуса № 191. Впрочем, теперь она уже не была неизвестной. Теперь Сергей

Валентинович знал ее имя – Александрова Лия Сергеевна, уроженка города Северск, 1997 года рождения.

В не задетом катастрофой багажнике «Шкоды» неожиданно нашлось то, что так долго и тщетно искала следственная группа: красный рюкзак, о котором упоминали кондукторша Маврокордато и водитель автобуса Тариэл Кобахидзе. Кроме двух паспортов – российского и заграничного, выписанных на имя Лии Александровой, в рюкзаке лежал пистолет, и Брагин почти не сомневался, что именно из него был застрелен Филипп Ерский. Так это или нет, еще предстоит выяснить баллистикам. Брагину очень хотелось бы, чтобы на пистолете (это был старый «Макаров» со спиленным номером) сохранились отпечатки, хоть чьи-нибудь. Но рукоять оказалась тщательно протерта, как и все поверхности в квартире № 1523, где и было совершено преступление.

Кроме документов и «Макарова» в рюкзаке больше ничего не нашлось, но личность жертвы, так долго остававшейся неизвестной, была наконец установлена. Уже хлеб. Тем более – хлеб, если учесть место рождения Александровой. Тот же город, в котором родился Филипп Ерский. Единокровный брат Ивана Караева по отцу. Все трое как-то связаны и все трое мертвы. Осталось только понять, чем именно связаны и почему произошло то, что произошло.

Возможно, именно поэтому Брагин и показал фотографию Венере Тасбулатовой – знакомой Ивана Караева. Пусть и шапочной.

И неожиданно получил утвердительный ответ.

– Видела ее, – после секундного раздумья произнесла любительница чужих мужей. – Один раз.

– Где, когда?

– Здесь. Недели две назад. Интересная прическа, правда? Я еще у нее спросила, в каком салоне делали.

– А она?

– Отморозилась, сучка. Сказала, что не здесь. Не в этом городе.

Не в этом городе. Не в этой жизни.

Именно так совсем недавно альтист Гусельников высказался о близких Филиппа Ерского. Которых у него никогда не было.

– Он у нее под каблуком, – неожиданно заявила Венера.

– Кто? У кого?

– Парень-художник. Караев. Под каблуком у сучки с прической. Полностью от нее зависит и каждую секунду в рот заглядывает.

– Почему вы сделали такой вывод? Они о чем-то разговаривали?

– И говорить не нужно. Это видно невооруженным взглядом. И я такие

вещи на раз просекаю. Знаю этот типаж мужиков-инфантилов. Он как раз и был таким, этот Иван. Хотя художник – загляденье, не спору. А, вот еще что... На любовников они не походили, если вам это интересно.

– Мне интересно. А на кого походили?

– Не знаю. Вариантов масса. Самых эм-mmm... спорных.

Беседа обещала быть познавательной, и Брагин обязательно продолжил бы ее, если бы не телефонный звонок. Звонил уже почти забытый Сергеем Валентиновичем Телятников; тот самый, кому удалось так изящно сбавить Брагину дело Ерского.

– Прокуратура Невского района беспокоит, – хохотнула трубка. – Следователь Телятников. Узнаешь, Валентиныч?

– Теперь узнаю, – без всякого энтузиазма ответил Брагин.

– Тут вот какое дело. Нашего участкового с Коллонтай помнишь? Старлея Степанцова?

Брагину потребовалось несколько мгновений, чтобы восстановить в памяти образ престарелого, вечно грустного французского бульдога, на которого был неуловимо похож Степанцов.

– Ну. Помню.

– Он там что-то нарыл. Какого-то свидетеля ценного по вашему делу. Мне доложил, а я уж тебе. В общем, ждет тебя старший лейтенант.

– На Коллонтай? – уточнил Брагин.

– В том-то и дело. Ждет он тебя в Александровской больнице, на проспекте Солидарности, 4. И тебе нужно поторопиться.

– Еду.

* * *

...До проспекта Солидарности можно было добраться несколькими путями, и Брагин выбрал, на его взгляд, самый оптимальный: по набережным, мимо мостов, с поворотом к Ладожскому вокзалу, а там и Дворец спорта, а от Дворца спорта до Александровской больницы рукой подать. По всему выходило, что дорога больше сорока – сорока пяти минут не займет, но на Заневском проспекте Сергей Валентинович попал в неожиданно гигантскую для этого времени и места пробку. И вот уже пятнадцать минут мертво стоял в общей веренице таких же бедолаг.

В отличие от большинства людей Брагин на пробки особо не обижался, считая их таким же стихийным бедствием, как торнадо или цунами. И то – некоторые, особо прыткие, цунами можно и не пережить, а

в пробках выживают все без исключения. И даже могут достаточно комфортно существовать, необходимо просто найти занятие по душе.

Брагин в пробках думал.

О том, о чем не было времени и желания подумать при других обстоятельствах. Эти *дорожные мысли* Сергея Валентиновича напоминали слоеный пирог, столько в них было набито разного. Иногда – несовместимого, почти всегда – грустного и горького. Но это была привычная горечь и светлая грусть. В основном Брагин размышлял о Кате, но в самое последнее время фаворит сменился. И это была не женщина. Не Дарья Ратманова. И не Иван Караев, чье убийство повесилось хомутом на привычно вытянутую брагинскую шею. В связи с Караевым Паша Однолет даже вспомнил о некоем менеджере Софье Гололобовой. Гололобова утверждала, что между Иваном и неизвестным произошла стычка у ресторана «Барашки», свидетельницей которой она была. Но, стоило только Паше поднажать на театральную фефёлу, как выяснилось, что ничего похожего и близко не случилось. Гололобова возвела на Ивана напраслину, и все из-за того, что он отвратительно изобразил Софью в своей книге комиксов. Этот комикс ей прислали заказным письмом по почте, и кто это сделал – неясно. Наверняка сам автор.

А по-настоящему Брагина волновал Филипп Ерский.

Вот уже пару дней Сергей Валентинович изучал дневник Ерского, обнаруженный в сейфе, в его пентхаусе. Ни денег, ни ценностей, ни каких-либо документов там не нашлось. Только толстая тетрадь, на четверть исписанная ровным и четким почерком (это и был дневник), и пожелтевшая нотная партитура в специальной папке.

Собственно, и под термин «дневник» записи Ерского подходили весьма приблизительно. Брагин до сих пор не определился в жанре этих записок – исповедь? хроники? Или попытка изгнать собственных демонов? Или попытка с ними договориться? Поначалу эпистолярные потуги скрипача показались Сергею Валентиновичу дурной беллетристикой. В ней присутствовало некоторое количество персонажей, претенциозно названных *N. NN. W.* и прочими буквами английского алфавита. И лишь единственный человек был назван в дневнике подобием имени, и имя это было – Шаман. Вокруг него строилась вселенная рукописного Ерского, довольно мрачная, если судить по записям. Исполненная зловещей темноты, в которой можно спрятать все что угодно – от трупов до дурных воспоминаний. И лишь там, где появлялся Шаман, мрак съеживался и отступал, пусть и ненадолго. А вся история Филиппа (если только это была его подлинная история) была историей следования за Шаманом. Только так

Ерский мог найти успокоение. Только так.

Дневниковое существование Шамана косвенно подтверждало факты, которые Лера Гаврикова собрала в Сибири: Шломо Фунтов, или Сайракан, или Иван Иванов сыграл не последнюю роль в превращении монструозного подростка Филиппа Ерского в скрипичного гения, так или иначе встроенного в социум.

А вот что ждет Брагина в Александровской больнице?

Старший лейтенант Степанцов.

Степанцов отирался у центрального входа в вестибюль больницы, опасаясь, как видно, пропустить следователя. Брагин сразу же узнал эту слегка согбенную унылую фигуру, как будто Степанцов извинялся за все и сразу: и за то, что в сорок пять все еще старший лейтенант, и за взятки в правоохранительных органах, и за оборотней в погонях, и за неважную раскрываемость уличных преступлений, хотя в последние несколько лет кривая раскрываемости медленно, но решительно ползла вверх.

Завидев Брагина, Степанцов погрузился еще больше.

– Здравствуйте, товарищ Брагин, – затряс он щеками, и Брагин снова подумал о холодце.

– Приветствую, товарищ Степанцов. Говорят, вы обнаружили ценного свидетеля по нашему делу.

– Мне бы раньше его обнаружить... Было бы лучше.

– С другой стороны, лучше позже, чем никогда?

– С другой – да, – помолчав, согласился участковый.

– Ну, и где ваш свидетель?

– Тут такое дело... У этой истории предыстория имеется. Идемте, я вам по дороге расскажу.

Очевидно персонал был уже предупрежден: Брагина и Степанцова беспрепятственно пустили на территорию больницы, и они проследовали в реанимационное отделение. Возле одной из дверей которого и остановились, потому что Степанцову крайне важно было поведать «предысторию истории». Для этого участковый даже вооружился блокнотом и время от времени сверялся с записями в нем.

– Труп был найден в квартире № 1523 вашим сотрудником Однолетом Павлом, все верно?

– Да, – подтвердил Брагин.

– И прибыл товарищ Однолет в квартиру № 1523 в связи с другим делом. Убийство молодой неизвестной девушки в автобусе № 191.

Девушка больше не была неизвестной, но вдаваться в подробности Брагин не стал. А Степанцов, погрузившись в нумерологическую стихию,

даже приободрился:

– А за два дня до этого, четырнадцатого декабря, в том же доме по улице Коллонтай, 5, произошло еще одно преступление. Нападение, на... так сказать... трудового мигранта, – тут Степанцов снова уткнулся в блокнот, – гражданина Узбекистана Мирсалимова Дильмурода Салиховича. Девятнадцать лет, уроженец города Термез. История стандартная, такие сплошь и рядом случаются. Учитывая наш район. Стройки ведь кругом, сами видели. А на стройках контингент соответствующий. Что конкретно произошло, поначалу было доподлинно неизвестно. То ли не поделил что-то со своими соотечественниками, то ли наши местные борцы за чистоту крови подрезали...

– Еще не перевелись? – удивился Брагин.

– На все вкусы и размеры. Так вот, в результате проникающего ранения живота и большой кровопотери... А также того, что ему вовремя не была оказана первая помощь, гражданин Мирсалимов оказался в здешней реанимации.

– И мы идем его навестить?

– Можно сказать и так, – почему-то сник Степанцов.

– А какое отношение этот мигрант имеет к нашему делу?

– Сейчас... Собственно, того, кто на него напал, я сразу нашел. – Подумав секунду, участковый поправился: – Вернее, он сам пришел. Это не соотечественник Мирсалимова и не нацик, как я думал сначала. Местный алкаш-дворник.

Далее по словам Степанцова выходило, что «местный алкаш-дворник» по фамилии Плотников, имевший в прошлом пару ходок, встретил Дильмурода Мирсалимова в районе одной из помоек во внутреннем дворе жилого комплекса. Будучи в состоянии алкогольного опьянения, Плотников наехал на «иностранца», потребовал денег и получил закономерный отказ. Возникла ссора, ссорящиеся переместились в подсобку, где Плотников хранил метлы, – и вряд ли это произошло по желанию Мирсалимова. Скорее – по желанию гораздо более сильного физически дворника. В подсобке и наступили кульминация и развязка истории. Впавший в психоз алкаш Плотников нанес узбеку два ножевых ранения в живот, после чего покинул подсобку – в поисках средств на опохмел. Раненому же Дильмуроду Мирсалимову удалось выползти наружу, где его и обнаружили случайные прохожие. Они же вызвали «Скорую». Так юный трудовой мигрант из Термеза и оказался в здешней реанимации.

– А Плотников сам признательное написал. – Степанцов пожевал губами. – Когда на следующий день ко мне пришел, как проспался. Теперь

в СИЗО отдыхает.

– А к делу, которое расследуем мы, какое это имеет отношение?

– Я думаю, что имеет.

Произнеся это, участковый надолго замолчал, чем вызвал законное раздражение Брагина. Стоило ли переться на другой конец города, чтобы выслушивать рядовую, в общем, историю о поножовщине?

– Выкладывайте ваши соображения, товарищ Степанцов.

– Я ведь навещал парня здесь. По долгу службы. Протокол ведь составить надо. Но в сознание он не приходил, вплоть до сегодняшнего дня. Вообще-то, сами врачи удивлялись, что он жив. Другой бы не выкарабкался. А сегодня с утра мне позвонили... сказали, что нужно приехать.

Снова это унылое молчание!

– Ну и? – не выдержал Брагин.

– В общем, он пришел в себя. И был в сознании уже около часа, когда я приехал. И он действительно мне рассказал... Но не про дворника. Плевать ему было на Плотникова. Про девушку.

– Какую девушку?

– Вот и я думаю, какую. Этот парень, Дильмурод, все время мне твердил, что должен поручение исполнить. Передать какую-то посылку. Посылка в чуланчике, а чуланчик – в парикмахерской, они, правда, сейчас по-другому называются. Парикмахерские-то.

– Салоны красоты.

– Не. Там, где мужикам бороды рóстят.

– Барбершопы? – осенило Брагина.

– Угу. Тот, про который он говорил, недалеко от подъезда, где труп нашли. А посылку девушка хотела у хозяев оставить. Чтобы самой забрать потом. А хозяев как раз не было. Вот наш узбек и взялся передать. Он там нелегально подрабатывал. Уборщиком. И очень сильно сокрушался, что девушку подвел. Я еще тогда с вашим Однолетом говорил... Девушка-то здесь на автобус садилась, на Нерчинской. А это рядом совсем. И время совпадает. И дата. Вот и подумал...

– Где этот парень?

– Тут, за дверью. – Степанцов понизил голос до шепота. – Только... Он умер сорок минут назад. Дождался меня, поговорил со мной и умер. А вас вот не дождался. Не выкарабкался, значит.

...И все же Дильмурод Мирсалимов дождался Брагина: прежде чем тело было отправлено в больничный морг, Сергей Валентинович успел взглянуть в лицо тому, чья нелепая смерть на несколько суток задержала

следствие. Но не остановила ни на минуту – и в этом была великая правда его, Брагина, профессии. Какими хитроумными ни были бы преступления, истина всегда пробьет себе дорогу.

Он выглядел совсем мальчишкой, этот узбек, и лицо у него было симпатичное, хотя и простоватое. И только-только вступившая в свои права смерть еще не придала ему значительности.

– Что ж ты, парень, – покачав головой, вслух произнес Брагин. Но фразы не закончил и лишь махнул рукой.

Без сомнения, если бы Дильмурад не умер, а дождался бы Сергея Валентиновича, многие вещи удалось бы прояснить прямо здесь: ведь информация, которой к сегодняшнему дню обладал следователь, была намного более полной, чем те крохи, что достались участковому Степанцову. Да и вопросы в этом случае формулировались бы иначе. Но на своем месте Степанцов выжал из ситуации максимум, за что честь ему и хвала.

До улицы Коллонтай, 5, они доехали вместе – и вместе вошли в барбершоп «Серпико», о владельцах которого, Максиме Ткачеве и Александре Факторовиче, Паша Однолет составил довольно подробный отчет. По словам опера выходило, что оба неоднократно виделись с девушкой и даже раскланивались при встречах, хотя и не были представлены друг другу. Но Брагин вполне допускал, что в ситуации форс-мажора Лия могла обратиться к ним именно с этой просьбой – сохранить некую посылку до ее возвращения. Но, как на грех, как это обычно и бывает, – что в плохих, что в хороших фильмах, – двое парикмахерских оболтусов отправились за город, в собачий питомник.

А ведь ничто не предвещало.

И тут, на втором этапе планетарного форс-мажора, ей подворачивается под руку узбек-уборщик. Которому она объясняет что нужно сделать, когда тот дождется хозяев.

Стоп. Лия хотела вернуться?

Или не очень хорошо говорящий по-русски Дильмурад чего-то недопонял? Ведь он наверняка имел проблемы с языком, русский в Узбекистане теперь не изучают. В любом случае, если верить Степанцову, он был едва ли не одержим идеей помочь Лии. Одержим настолько, что даже позволил себе прожить несколько лишних дней – лишь бы информация о девушке и посылке достигла правильных ушей. И когда она таки достигла – с легким сердцем ушел.

А может, и не с легким.

Сергей Валентинович вспомнил и еще кое-что: это касалось не отчета

Павла, а устной с ним беседы. Отсматривая пленку с подъездной камеры, опер обнаружил на ней выходящую из вестибюля Лию – с рюкзаком и каким-то пакетом в руках. Но до остановки Лия пакет не донесла. Этот пакет почему-то мучил Однолота, хотя его исчезновение могло иметь тысячу причин. Так почему не допустить, что по одной из них пакет остался в «Серпико», неожиданно превратившись в посылку? Но выяснить это удастся лишь тогда, когда будут допрошены Ткачев и Факторович.

Брагин предпочитал термин «беседа», тем более что инкриминировать двум брадобреям было нечего – во всяком случае, со стороны ведомства Сергея Валентиновича. Возможно, вопросы возникли бы у ФМС, поскольку в качестве уборщика гражданин Узбекистана Мирсалимов работал нелегально, но слишком уж мелкой была контора «Серпико», прямо-таки лилипутской.

– С нашей стороны это чистая благотворительность, – заметил Максим Ткачев. – Ну, почти. Работы здесь немного, и круг обязанностей небольшой.

– Чем же занимался Дильмурод?

– Уборка помещения. Первое и главное. Стирка, глажка, инструменты – все это было на нем. Но и получал он неплохо.

– Надеюсь, это отражено в платежных ведомостях?

Этот невинный, в сущности, вопрос посеял панику в парикмахерских рядах:

– Чистая благотворительность, – снова повторил Ткачев.

– А для того, кто просрочил время пребывания в стране, – он и вовсе шоколадно устроился, – добавил Факторович. – Целую комнату ему отдали. Мог жить здесь. Вещи хранить. Возвращаться, когда хочет.

– Мы его не обижали.

– Его убили.

Брагин произнес это будничным тоном и замолчал в ожидании реакции. И она не замедлила последовать.

– Все не слава богу, – сказал Ткачев.

– То понос, то золотуха, – сказал Факторович.

– Нашли тихое местечко.

– Покоя нет. Еще и на нас все повесят.

– Надо было в Новую Зеландию двигать. А теперь что?

Вопрос был, скорее, риторическим, но Брагин счел своим долгом ответить на него.

– Можете и в Новую Зеландию – держать никто не будет. А уж тем более вешать на вас то, к чему вы отношения не имеете. Убийца

Дильмуруда Мирсалимова уже признался в содеянном. А вот о чем думаю я. Парень работал у вас и пропал. А вы даже не поинтересовались его судьбой.

– У кого? – неожиданно оскалился Ткачев. – У вас поинтересоваться? Мы его и не знали толком. Никогда не поймешь, что у чужака на уме. Захотел уйти – ушел. Хоть ничего отсюда не вынес – уже хорошо.

– Да и звонили мы ему, – добавил Факторович. – Только телефон был вне зоны доступа.

– Показывайте его комнату.

Определение, данное чуть раньше Степанцовым, гораздо больше соответствовало истине, чем пафосное «комната». Это и впрямь был совсем крохотный чуланчик, набитый швабрами, щетками, совками и чистящими средствами. Здесь же стояли пылесос и стиральная машинка, а оставшееся пространство занимал небольшой топчан. Прилечь на нем, подогнув под себя ноги, еще можно было. А вот вытянуть их – уже нет. Тем не менее в изголовье топчана лежали подушка и плед.

– И где же его вещи? – спросил Брагин.

– У него вроде чемодан был. Может, унес?

Испугаться по-настоящему Брагин не успел, поскольку маленький старомодный чемодан был найден ровно через тридцать секунд. Пара белья, свитер, джинсы, спортивные штаны и несколько футболок – вот и все, что в нем находилось. А еще – пачка старых японских открыток с театральными сценами (даже далекий от театра Брагин знал, что театр этот называется Кабуки) и несколько коробочек с бабочками, не слишком приятными на вид.

– Начинаящий энтомолог, что ли? – спросил Сергей Валентинович у брадобреев.

Те пожали плечами, гадливо поморщившись.

В другое время Брагин обязательно бы сочинил целую теорию о владельце бабочек (не факт, что верную), но сейчас его интересовал только пакет-посылка. А содержимое чемодана явно принадлежало Дильмуруду Мирсалимову.

Так куда же запропастилось «поручение» узбека?

Оно было засунуто в щель между топчаном и стеной, где его – пусть и не сразу – обнаружил Александр Факторович.

Бумажный пакет.

Очевидно, тот самый, который Однолет увидел, просматривая пленки. Теперь счастливо (ну, почти счастливо, учитывая обстоятельства) найденный, пакет лежал на пассажирском сиденье, и Брагин время от

времени посматривал на него. Теперь он знал, что именно Лия Александрова передала Дильмуроду – в надежде на то, что все будет найдено.

Ноутбук.

Он легко мог уместиться в рюкзаке, но Лия Александрова предпочла не прятать его в рюкзак. Предпочла засветиться перед камерами.

Возможно, она думала, что ей угрожает опасность, а надежда на «Серпико» не была стопроцентной. И на вырванный из книги бумажный клочок, в который она завернула жевательную резинку, – тоже.

А на оперативника Павла Однолета, о существовании которого она даже не подозревала, была. И в этом – почти единственном – случае во всей истории с Лией и Филиппом Ерским камеры видеонаблюдения сыграли на их стороне. И на стороне следственной группы, в конечном итоге.

...Конечно, ноутбук можно было считать самой важной уликой, а его содержимое много что объясняло.

Но не все.

Оно пролиvalo свет на мотивы, но никак не объясняло поступки. И в нем не было ничего, что приблизило бы к пониманию Филиппа Ерского и Лии Александровой. С некоторых пор Сергей Валентинович думал о них только так – в связке. С мятущимся гением смычка все было, в общем, понятно и выстраивалось по классической парадигме не слишком любимого Брагиным триллера. Судьба с самого начала повернулась к Филиппу самой жуткой своей стороной. Его мать повесилась, а мальчика сдали в приют, едва ему исполнилось три года. Семья матери не нуждалась в нем и с облегчением забыла о его существовании. Он сжег семью, как только немного подрос. Этого не смогли доказать, да и не пытались особо – слишком уж чудовищной выглядела правда. Возможно, речь шла о каком-то органическом поражении мозга. Возможно, это было следствием психологической травмы. И в любом случае все закончилось бы плачевно. Если бы не Шаман (теперь Брагин склонялся к мысли, что он – очень мощный психотерапевт, экстрасенс, и черт знает что еще, такое же мощное). Шаман практически спас мальчика, избавил его от ада внутри себя. Не до конца, проявления жестокости наблюдались, но уже в значительно меньших размерах. А место этой вселенской черноты занял великий талант музыканта.

В роли Шамана Брагин неожиданно увидел Моргана Фримена, но вовремя вспомнил, что тот – русофоб и к тому же обвиняется в сексуальных домогательствах. И сменил Фримена на Аль Пачино, вроде бы ни в чем, кроме большого кино, не замешанного.

В принципе Шаман мог оказаться кем угодно, потому что никаких внешних характеристик Филипп ему не давал. Наверное, так бывает, когда пытаешься смотреть на солнце: толком ничего не разглядеть, а от него зависит твоя жизнь.

Именно эта мысль и прослеживалась в дневнике, едва ли не до самого конца. А потом Шаман исчез, как будто Филипп запретил себе думать о нем.

Лия Александрова – совсем другое дело. Она повторяет историю Филиппа с точностью до наоборот. Не в плане зверств, конечно. Достаточно было сделать несколько запросов в Северск, а затем – в Новосибирск, чтобы картина ее жизни начала проясняться. Но только лет до семнадцати, где она – победительница областного конкурса юных скрипачей и многих олимпиад, в том числе по математике, информатике, химии. Светлая голова, которой прочат большое будущее. А по окончании школы ее ждут Москва, Питер и любой другой вуз Европы и Америки – тут уж по желанию. Удивительная судьба для сироты, которую воспитала бабушка из глухого сибирского Северска.

Но она пропадает. Ни один из вузов так не дождался Лии Александровой.

Слишком много сирот. Вот что думает Брагин.

Детство и отрочество Ерского надежно спрятано, утоплено в выгребной яме нежелательных воспоминаний. Зато потом – свет. Совсем другое дело Лия Александрова: с ее детством и отрочеством как раз все понятно, – вот оно стоит на табуретке, ярко освещенное. Но что было потом? Что их связывает, кроме зеркального отражения друг в друге, где правое и левое поменялись местами? Или уместнее говорить о давно забытых в цифровую эпоху фотографических позитиве и негативе?

Как бы то ни было, теперь Лия мертва. Оба они мертвы – и Лия, и Филипп.

А ее бабушка? Она жива?

...Тоже умерла. Года три назад.

Вернее – *подложила свинью*, именно эти слова употребил Игорь Корольков – одноклассник Александровой. Единственный из ее бывшего окружения, кто здесь и сейчас оказался в зоне доступа. Королькова нашла все та же дотошная Лера Гаврикова, и на беседу с ним Сергей Валентинович отправился не куда-нибудь, а в дельфинарий на Крестовском острове. Корольков отвечал там за кормежку белухи и терпеливо ожидал посвящения в дельфинотерапевты. Молодой человек Брагину понравился: симпатичный брюнет, – невысокий, но гибкий и хорошо сложенный. Лицо

Королькова то и дело освещала улыбка, – внезапная, летучая, выпрыгивающая подобно дельфину из воды, – без всяких к тому оснований. Поначалу следователь дивился столь странной реакции Игоря на вполне серьезные вопросы. А потом, посидев у бассейна, поглазев на резиновые дельфины тела и послушав дельфиний же клекот (шла репетиция шоу), и сам поймал себя на глупейшей улыбке.

Миляги эти дельфины.

– ...Так а что от меня нужно? – спросил Корольков после того, как Брагин представился и сообщил о гибели Лии.

Не сразу после, приходится признать. Минуту или две юноша шмыгал носом, громко втягивая в себя воздух. Брагин забеспокоился даже – как бы услуга белух и дельфинов не задохнулась.

– Просто расскажите о ней. Виделись ли в последнее время, если да – когда именно, при каких обстоятельствах. О чем говорили.

– Ни о чем особенном. – Корольков сделал еще один глубокий вдох. – А виделись пару месяцев назад. В октябре. Да. Это был конец октября. Случайно встретились в метро. Я ее пригласил сюда, она приехала – на следующий день. Хотела посмотреть на дельфинов. А я хотел посмотреть на нее.

– До этого давно не встречались?

– С выпускного. Математический класс. Ну вы, наверное, уже знаете.

– В общих чертах.

В общих чертах это выглядело странно: стоило ли гробить силы на математику, чтобы в результате облачиться в пропахший сырой рыбой комбинезон.

– Я из-за нее там оказался – в математическом классе. Из-за Лии. А вообще-то я ее терпеть не могу, математику.

– Стоило ли мучиться? – удивился Брагин.

– Тогда мне казалось, что да.

– А теперь?

– И теперь. Это... был несчастный случай?

– Нет. Это было убийство.

– Ага. – Корольков снова надолго замолчал.

– Времени прошло не так уж много, так что вам будет нетрудно вспомнить, что вы делали четырнадцатого декабря сего года. Между, скажем, четырнадцатую и шестнадцатую часами.

– Значит, это четырнадцатого случилось... – произвел нехитрый подсчет выпускник математического класса. – И вы у меня об алиби спрашиваете.

– Стандартная процедура, – не стал отпираться Брагин.
– Смешно, че.
– Просто ответьте на вопрос.
– Здесь был. Где же еще. Вам все подтвердят. У нас ведь шоу нон-стопом – «Дельфины Северной столицы». И представления как раз в четырнадцать и в шестнадцать. Но если бы я знал то, что вы сейчас... Про время... Я бы постарался оказаться рядом с ней. Может быть, ничего бы не случилось.

Тут-то Игорь Корольков и улыбнулся в первый раз – своей дельфиньей улыбкой. Но ничего крамольного или вопиющего, *бесчеловечного* Брагин в ней не почувствовал. Так много в ней было грусти и какого-то – почти библейского – смирения.

– Вы были друзьями?
– Нет. Могли бы быть, если бы ей это было нужно. Но как раз друзья ей были не нужны.

– А кто нужен?
– Никто. Она только с бабкой своей носилась. Хотя даже бабкой ее не называла.

– А как?
– По имени. Стáля.
– Были знакомы с ней?
– Встречались, когда к ним заходил. Вообще-то, Лия не любила гостей. Не хотела, чтобы видели, как они живут.

– И как же они жили?
– Как триста спартанцев.

Наверное, это была шутка, потому что корольковский дельфин снова показался над водой. На долю секунды.

– Лия ничего не рассказывала о родителях? Что с ними произошло?
– Погибли, когда она была совсем маленькой. Вот и все, что я знаю. Она особо не распространялась. Она была... – Корольков даже пальцами щелкнул в поисках подходящего определения. – Скрытная. Да. Жесткая. Перла напролом, если чего-то хотела достичь. И у нее получалось. Даже удивительно. А еще она очень красивая... Была.

– Да, – согласился Брагин.
– В восьмом классе я в нее влюбился. А она – нет. Не влюбилась. И в других тоже нет, хотя за ней полшколы бегало. Она точно знала, на что стоит тратить время.

– На что?
– Ну... На карьеру. Чтобы не как триста спартанцев. Бабке ее уже

начхать к тому времени было на всё. Инсульт накануне выпускного, это называется – подложить свинью. Так что на выпускном Лия только появилась. Ненадолго. Стала через несколько дней умерла. А Лия уехала из города. Я думал – в Москву. Или за бугор, как хотела. Таранить лучшие универы. А потом – лучшие корпорации.

– А на самом деле?

– Не знаю я, как было на самом деле. Потому и офигел, когда в переходе на Сенной с ней столкнулся.

– Она что-нибудь рассказывала о своей жизни?

– Ничего. Но я был рад, что она хотя бы согласилась сюда приехать. Правда, пробыла здесь недолго, и говорить было особенно не о чем. О моей любви? Так она эту тему еще в школе закрыла. Я предложил ей поплавать с дельфинами. Последний мой козырь, да.

– А Лия?

– Отказалась. Сказала, что не стоит. «Вдруг понравится – и что потом с этим делать?» Странная формулировка, да?

– Может быть.

– Да, вот еще. Ей кто-то позвонил. Видимо, ее парень. Она назвала наш адрес и сразу засобиралась.

– Почему решили, что это был ее парень?

– Потому что я видел его, когда провожал Лию.

На этот случай у Брагина были заготовлены фотографии, которые он вот уже несколько дней носил в кармане пиджака, – Филиппа Ерского и Ивана Караева. Единственных на сегодняшний день мужчин, связанных с девушкой из автобуса № 191.

– Посмотрите внимательно, Игорь. Никого из них не узнаете?

– Никого, – опять эта улыбка! – Даже если бы это были они – все равно бы не узнал. Тот парень... Он был на мотоцикле и в мотоциклетном шлеме. Ну, да.

Вот все и становится на свои места. Осталось только собрать сведения относительно маленькой семьи Лии Александровой. Брагин готов был даже послать безотказную Гаврикову в командировку в Новосибирск, где в последнее время проживала Обнорина Сталина Владимировна, когда пришла полная биографическая справка на нее. И все сложилось. Во всяком случае, в этой главе. Не вошедшей в дневник Филиппа Ерского.

А следующую придется писать самому Брагину. Больше некому.

– ...Чую, нельзя на них полагаться, – хмуро сказал Брагин Паше Однолету. – На этих твоих... геев. Трусоваты.

– Во-первых, они не мои, – тут же суксился Паша. – И я бы на них тоже не положился бы. Но выбора-то у нас нет. И здесь естественнее получится, если делать все, как вы задумали. Тем более что это не блеф, и будет что предъявить. Отступать некуда в любом случае.

Отступать действительно было некуда. Тем более что Максим Ткачев (которого Паша едва ли не по-приятельски звал Максом) уже позвонил по указанному Брагиным телефону и проговорил заранее согласованный текст.

– А теперь что? – спросил Макс у следователя после того, как встреча была назначена.

– Теперь будем ждать, – ответил Брагин. – Через сколько появится?

– Было сказано минут через сорок. А что делать нам?

– Что обычно.

– Обычно мы стрижем. Бреем. Ровняем бороды.

– Тогда можете побрить меня, – после нескольких секунд раздумья вздохнул Сергей Валентинович. – Но не сейчас. Минут через тридцать.

– А мне что делать? – нахмурился Паша.

– Посиди в подсобке.

– Прямо сейчас и отправляться?

– Минут через двадцать будет в самый раз.

Ровно через полчаса Брагин уселся в кресло, и Макс трясущимися руками начал намыливать Сергею Валентиновичу щеки и подбородок. А еще через пять минут дверь «Серпико» распахнулась, где-то в глубине помещения весело звякнул гонг, и спустя мгновение во всех многочисленных зеркалах барбершопа отразилась крутая волна.

Посреди «Серпико», широко расставив ноги, стояла Ника Селейро. Неотразимый в своем болезненном совершенстве андрогин. Возможно, между абстрактными двумя комнатами и не было дверей, но в комнатах Ники все обстояло просто прекрасно, она могла вытатуировать целых пять дверей, десяток, тысячу. И свободно перемещаться сквозь них, становясь кем угодно.

– Привет, – хриплым низким голосом сказала она Макс, и тот выронил бритву.

Бритва весело зазвенела по плиточному полу.

– Э-э... здравствуйте...

– Мы созванивались.

– Да.

– Я бы хотела получить обещанное.

– Да.

Макс не двигался, заворуженно разглядывая татуированную волну на лице андрогина.

– Я жду.

– Да. Да.

Пора было выбираться из пены, как той сраной Афродите, но Брагин всё медлил, так не хотелось ему разрушать покой Ники Селейро. Слишком долго он промакивал салфеткой подбородок, – ровно до тех пор, пока она наконец не узнала его. И не улыбнулась сквозь зеркало своей быстрой механической улыбкой.

– Ловушка для птиц, – произнес Брагин вместо приветствия.

– Вы попались? – Волна сочувственно взметнулась над бровью Ники.

– Нет. Вы.

– Не думаю.

– Зачем-то же вы пришли сюда?

– За тем, что принадлежит мне.

– Вы уверены.

– Абсолютно. Вы ведь тоже уверены.

Уверены, потому что не удержались и вскрыли ноут. Так поступила бы любая полицейская ищейка. Вот что хочет сказать Ника. И она прекрасно держится, приходится признать.

– Девушка, которая оставила это здесь, умерла.

– Я знаю.

– Она была убита, – поднял ставки Брагин.

– Мне жаль. Очень. – Андрогин поднял ставки еще выше. – Меньше всего я хотела этой смерти.

– Помнится, вы не могли даже толком вспомнить девушку. А теперь – такие откровения. Что вас связывало?

– Это допрос?

– Пока только беседа. Но лучше больше не лгать.

– Хорошо, я постараюсь.

Еще никогда в жизни Брагин не участвовал в такой странной мизансцене: спиной к человеку, с которым говорит. Но он хорошо видел лицо Ники, и она хорошо видела его лицо. Этого достаточно. Пока.

– Так что вас связывало?

– Она была моей любовницей, – просто сказала Ника. – Наверное, именно так она и думала.

Брагин решил пропустить вторую фразу, сосредоточившись на первой:

– Как долго?

- Недолго.
- То есть это была просто связь.
- Наверное, именно так она и думала, – снова повторила Ника.
- Вы познакомились у вас в студии?
- Да. Она пришла делать татуировку.
- И?
- Мы понравились друг другу. И нравились до тех пор, пока кое-что не начало проясняться. Возможно, все сложнее, но обсуждать это с вами я не буду.
- Расскажите о ней.
- Нечего рассказывать.
- Я не спрашиваю вас, – тут Брагин на секунду запнулся, подбирая слова, – об интимной стороне отношений. Что-нибудь... мм-м... биографическое. Она же делилась с вами своим прошлым?
- Неохотно. Долгое время я знала только, что она откуда-то из провинции.
- Сибирь – не совсем провинция, не так ли?
- Возможно.
- Вам знаком человек по имени Филипп Ерский? Он тоже из Сибири.
- Кажется, мы уже обсудили это в ваш прошлый визит.
- Я помню. Тогда вы солгали. Что скажете сейчас? Пока это просто беседа, но лгать не советую.
- Хорошо. – Ника была сама покладистость. – Нас представляли друг другу.
- Где? Когда?
- Если я скажу, что в салоне...
- Я не поверю вам. У Ерского не было ни одной татуировки.
- Хорошо. Мы познакомились на какой-то благотворительной вечеринке. Шапочко и сто лет назад.
- Почему вы не сказали об этом в нашу первую встречу?
- Потому что знакомство было одноразовым. Ни к чему не обязывающим. Я посчитала, что не стоит нагружать вас малоинформативными сведениями.
- Все дело в том, что гипотетическая вечеринка отпадает. Ерский никогда не занимался благотворительностью. Он поддерживал только один фонд – «Иди со мной». Жертвы домашнего насилия. Знакомое название?
- Ника молчала. Так долго, что Брагину стало жалко ее.
- Да, – наконец произнесла она.
- Вы ведь имеете к нему непосредственное отношение.

– Вы все-таки рылись в нем. В моем ноутбуке. – В голосе Ники не было ни злости, ни сожаления. Она просто констатировала факт. – Я была помощником коммерческого директора фонда. На добровольных началах, без всяких дивидендов. Филипп не хотел, чтобы эта сторона его жизни была хоть как-то освещена. Не вижу повода освещать ее сейчас.

– Потому что там, в темноте, скопилось очень много денег?

Это был мертвый мяч, но Ника попыталась вытащить его. Не слишком, впрочем, ловко:

– Не запредельно много. И фонд помогал ему самому. Выкупал и передавал в дар старинные партитуры.

– Сколько их было?

– Я знаю об одной.

– А другие ваши проекты? Группы психологической помощи, личностного роста и прочее, прочее. Бесконечные добровольные пожертвования. Слишком похоже на сектантство. А некоторые – так вообще сектантство чистой воды.

– Вы вольны думать все что угодно. Главное, что Филипп так не считал.

Теперь это был мертвый мяч, прилетевший со стороны андрогина.

– Не считал, – подтвердил Брагин. – Он вбухивал в вас деньги, не считая.

– Но ведь не ваши же деньги он вбухивал? – резонно возразила Ника.

– Не мои, – вынужден был признать Сергей Валентинович. – Хотите, расскажу вам одну историю?

– Не очень, – призналась Селейро.

– И все-таки вам придется выслушать. Она недлинная. О патологически жестоком мальчике. Малолетнем убийце.

– Я уже слышала ее.

– От кого?

– Может быть, я скажу вам. Позже.

– Значит, тогда вы должны быть осведомлены и о таежном шамане...

Ника молчала. Казалось, она совсем не слушает Брагина.

– Этот человек... Шаман. Перемещался по стране, и мальчик следовал за ним. Как потом следовало несколько других людей. Он осел здесь. И остальные тоже. Я читал дневник Филиппа Ерского. Не самое легкое чтение.

– Тогда зачем читали?

– По долгу службы. Я всего лишь хочу сказать, что это – дневник бесконечно кающегося грешника. И он производит очень сильное впечатление, поверьте.

– И там упомянуты остальные? – впервые за все время в андрогине возник хоть какой-то интерес.

– Нет. Только демоны Филиппа Ерского.

– Я не знала об этой стороне его натуры. И лучше мне было продолжать оставаться в неведении.

– Вы не знали?

– Нет.

– И никогда не знали о существовании Шломо Фунтова? Сайракана? Ивана Иванова?

На секунду Брагину показалось, что заскрежетала крыльями какая-то металлическая птица, но это был всего лишь смех, тонущий в татуированной волне.

– Об Иване Иванове имеет представление любой русский человек. И нерусский тоже.

– Да. Почему вы упомянули бар «Не опоздай к приливу»? Вы ведь просто направили меня туда, не так ли? А могли бы и промолчать.

Брагину нравится эта игра. Все больше и больше. Сначала – неспешный розыгрыш подачи, и мяч лениво перебрасывают на средней дистанции: раз, другой, третий. А потом – бац! – и вгоняешь его прямоком в площадку под сеткой.

– Могла. Но тогда бы вы ушли от меня ни с чем. Это было бы несправедливо. А так у вас оставалась надежда найти там что-то ценное.

– Вы знали, что он не работает? Что хозяин подыскивает арендодателя?

– Значит, вам не повезло.

– Мне повезло. Потому что я нашел другой бар. Лия сама подсказала нам, где искать.

Впервые с начала разговора Брагин упомянул имя девушки. И лицо андрогина на секунду стало простым человеческим лицом. Женским, искаженным гневом. И горем – так, во всяком случае, показалось Сергею Валентиновичу.

– «Охота на овец», так называется бар. Она была там десять дней назад. Эксцентричное поведение, съемки на камеру, поцелуй, звонки и эсэмэс. И ей как будто угрожала опасность, так интерпретирует это бармен.

– В конечном счете, она действительно мертва.

– Лия была знакома с Филиппом Ерским?

– Мы не говорили на эту тему.

– Разве? Вы знаете, кто она?

– С вами я тоже не буду говорить.

– Сожженная семья. Пятеро взрослых и двое детей. Но был еще и третий. Девочка. Она осталась с бабушкой в дачном поселке, потому и спаслась. Позже они перебрались в Новосибирск – опасаясь за жизнь внуки, бабушка путала следы. А когда Лия подросла... Это была Лия, да. Бабушка рассказала ей о смерти родителей и старших детей. И это оказалось знание, вызывающее к мести.

Брагин ждал, что Ника скажет, хоть что-нибудь, но она молчала.

– Я думаю, что к мести. Она разыскала Ивана Караева, единокровного брата Филиппа по отцу. Папаша к тому времени умер, так и не узнав о существовании сына-музыканта. Но это не помешало им от его имени договориться о приезде в Питер. Она была чрезвычайно умна, Лия.

– Да.

– А Иван – талантливый парень, но абсолютно ведомый и напрочь лишенный амбиций. Отличный художник, правда?

– Я не видела его работ. – Металлические нотки в голосе снова превратили почти очеловечившуюся Нику в андрогина.

– Ну, бог с ним... Знаете, если бы Лия попыталась хотя бы поговорить с Филиппом... Все могло бы быть по-другому.

– О чем поговорить? О сожженных родных? Есть вещи, которые невозможно отмотить, сколько ни кайся.

– Да, вы правы. – Брагин вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. – Она просто хотела убить его. Наследство как мотив ее не интересовал, все и так переходило Ивану, единокровному брату Ерского. Потому что других родственников у него не было. Но самонадеянные юнцы не знали то, что знаем мы, правда, Ника?

– О чем вы?

– О завещании Филиппа Ерского. Я говорил с его душеприказчиком, господином Архангельским. Все движимое и недвижимое имущество покойного, счета, вклады, музыкальные инструменты... Все переходит фонду «Иди со мной» и его учредителям. Для вас это не новость, правда?

– Не такие уж они и самонадеянные. Вполне могли подать в суд.

– Они мертвы. Оба. И Филипп мертв. Как вы это пережили?

– Смерть Филиппа?

Она совсем не пережила. Совсем. Больше всего Брагин боялся, что в андрогине что-то сломается; в том отсеке, куда не так давно залетала птица, теперь полно других птиц. Они трутся друг о друга невесомыми перьями, стучат клювами и скребут коготками. И, если задумают разлететься в стороны, лицо Ники Селейро распадется. Разрушится навсегда.

– Вы ведь были в квартире, когда все произошло. Я знаю, – сказал

Брагин.

– Когда произошло... Не была.

– Просто расскажите. Вы не имели никакого отношения к этой идее. Это Лия таскала Ивана по местам, где их обязательно бы заметили. Все в точности как в практикумах личностного роста, которые она когда-то проходила, чтобы заинтересовать вас. Технология проста, не так ли? В тот раз она заинтересовала бармена. А потом удалилась и появился молодой человек. Не то чтобы сильно похожий на Ерского, но обладающий только его характерными особенностями.

– Расты в волосах, – задумчиво произнесла Ника.

– Да. Воспроизведенные во всех подробностях. Наверняка у нее был источник получше интернета.

– Мои личные фотографии.

– Все это было только для того, чтобы связку Лия – Филипп закрепить публично. Придать этим прогулкам оттенок опасности. Намекнуть, что Ерский – опасный человек. В «Охоте на овец» у них получилось. В других местах, думаю, тоже.

– С самого начала она копалась в моем ноутбуке.

В голосе Ники сквозит бесконечная грусть. И в этот момент ослепительный, отпечатанный на 3D-принтере андрогин становится страшно похож на кроткую Катю. И стоя здесь, прямо посреди дурацкого барбербшопа, Сергей Валентинович понимает, как скучает по ней.

– Вы достали Лии пистолет?

– Нет. Думаю, его достал Иван. Единственное, на что у него хватило смелости.

– Как все случилось?

– После того как трус убежал еще до прихода Филиппа? Или вам сразу финал, поскольку я не присутствовала на начале?

– Как вам будет угодно, Ника.

– Она позвонила, и я почти не узнала ее голос, такой он был тихий. Попросила срочно приехать на Коллонтай. В ту квартиру, где они с Иваном жили раньше. Я никогда там не была. Не собиралась быть. Мы ведь к тому времени расстались... Да... Я говорила...

– Я помню.

– Я предложила ей вызвать Ивана. Вызвать кого угодно. «Просто приезжай» – вот что она сказала. Через двадцать минут я уже парковалась здесь, благо пробок было немного.

– Кто открыл вам дверь?

– Никто. Она была открыта, но поставлена на «собачку». Чтобы не

захлопнулась. Нужно было просто толкнуть ее.

– И вы толкнули.

– И увидела мертвого Филиппа. Он лежал в луже крови. А Лия была прикована наручниками к батарее. Она была жива, слава богу. То есть так я думала тогда.

– Она рассказала вам, что случилось?

– Лия вызывала его под предлогом знакомства. Единокровный брат, двоюродная сестра, вдруг нашедшиеся. Она сказала странную фразу. Сказала, что он был неожиданно дружелюбен и неожиданно счастлив.

– Настолько, что приковал ее к батарее?

– Если бы был кто-то еще... Эта сволочь Иван... Возможно, ничего бы не случилось.

– Вы как будто жалеете его.

– Нет. Она описала все в подробностях, насколько могла. Он был неожиданно счастлив, а потом вдруг с ним что-то произошло. Как бывает с детьми, которые собираются раздавить лягушку. Он ударил ее кулаком в висок. И она потеряла сознание. А когда пришла в себя – оказалась прикованной наручниками к батарее. А он стоял перед ней голый, в одних ботинках. Хорошо еще, что пистолет был спрятан у нее глубоко под свитером, а телефон – в кармане. И он не нашел их. Наверное, и не искал.

– А она выстрелила.

– Она давно этого желала.

– Что было потом?

– Я сказала, что нужно убратсья, и я сама это сделаю, а она пусть подождет меня. Боюсь, что из-за этого удара она уже не оценивала обстановку адекватно. Она ведь хотела выставить его негодяем, чудовищем. И с наручниками и батареей была бы безупречная история.

– Не была бы, – мрачно заметил Брагин.

Ника как будто не услышала его реплики и продолжила:

– Это не я его жалела – она. Филипп... Прежде, чем... Все случилось... Он сказал ей: – «Шаману виднее». А она запомнила. И передала его слова мне. Объявила, что должна вычислить этого Шамана. И что я должна ей помочь.

– Вы согласились?

– Я была занята уборкой. И она ушла. Не стала ждать. Она попросила у меня ручку.

– И что?

– Ручек я не ношу. Потому она позвонила уже с улицы. Сказала, что подходит ее автобус, сто девяносто первый. Что она едет к Ивану, в сторону

Петроградки, и будет ждать меня там. И только потом я заметила, что ноут пропал. До сегодняшнего дня я не знала, где он.

– И это было невыносимо, правда? Ведь там есть много чего интересного, я думаю. Проводки денег, закрытые досье, номера счетов. Все то, что касалось деятельности фонда «Иди со мной», и не только его. Многолетняя история, почти легенда. В отличие от Лии вы хорошо знали, кто такой Шаман.

– Мне сложно сделать выбор между любовью и предательством. Или любовью и верностью. Как хотите.

Теперь Брагин понял, почему Лии так важно было отвязаться от ноутбука, спрятать его. Не только для того, чтобы кто-то похожий на Сергея Валентиновича или Пашу Однолета нашел бы его и сложил два и два. А потому, что она была не уверена в том, что выберет Ника. Хотя и надеялась почти до последнего.

Верность или любовь.

Теперь ответ известен всем. Живым и мертвым.

– Иван занимался аэрографией вашего мотоцикла?

– Я видела его работы. – Ника никогда не отвечает на вопросы сразу, но это почему-то не раздражает Брагина. – Они хорошие. Сам он плох. Слабый, трусливый человек, вдруг почувствовавший вкус больших денег. Деньги ему не достанутся, а работы хороши.

– Человеческая слабость – не повод, чтобы выводить из строя тормозную систему. А вот большие деньги – повод. Вы часто бывали на сервисе, где работал Иван. Иногда даже на снимки на чужие смартфоны попадали... Случайно, конечно. Что вы сказали Караеву, когда позвонили ему по телефону? Выдали себя за владелицу «Шкоды» и попросили перегнать машину?

– Я не звонила Караеву и не выводила из строя тормозную систему, – без всякого выражения говорит Ника. Голос ее тускл, как будто что-то сломалось в безупречном до сих пор механизме.

– Одна из камер зафиксировала вас. Не со злосчастными тормозами. А когда вы забрасывали в багажник рюкзак.

– Вот как, – бормочет Ника, и в ее голосе Брагину слышится облегчение. – Вот как. А я думала, что та камера давно не работает.

Ему не показалось, нет. Это действительно облегчение, хотя Брагин соврал про камеру. То есть гипотетически какая-то из камер могла зафиксировать перемещения и действия Ники, но вряд ли без ее ведома. Блистательный (хотя и несколько потускневший за последние полчаса) андрогин даже не пытается выяснить, что за камеру имел в виду Брагин. Не

пытается вывести следователя на чистую воду, не торгуется, – напротив, вцепился в брошенную Сергеем Валентиновичем фразу и не собирается отпускать. Как будто нашел наконец-то повод перестать защищаться.

И разом успокоился. Заскучал.

Или совсем не в скуке дело?

– Она работает. Так как вы заставили Караева сесть за руль?

И снова Брагин не ждет скорого ответа. И снова он поступает.

– Выдала себя за владелицу «Шкоды». Попросила перегнать машину и сказала, что нашла ему отличного адвоката по имущественным делам. И что мы ждем его в Выборге.

– Его не смутило, что номер был совсем другой?

– Нет. Я сказала, что мой телефон сел, а тот самый адвокат любезно предоставил свой.

– Для такого случая и симка специальная нашлась?

– Как водится.

– А рюкзак в багажнике, для того, чтобы замкнуть преступления друг на друге? Что вы чувствовали, когда держали в руках рюкзак Лии? Зная, что она мертва? Все еще делали выбор?

– Это не важно.

– Это важно, даже когда выбор сделан. Лия собиралась сесть в автобус. У нее очень болела голова. Поэтому она и упала перед дверями. Но нашла в себе силы подняться и пройти в салон. Жаль, что вас не было с ней.

– Не было.

– Но вы следили за автобусом по специальной программе. «Яндекс. Транспорт», да? Или что-то в этом роде? Ведь ноутбук нужно было забрать, не так ли? Вы же не знали, что он остался здесь. И вы предупредили того, кого было необходимо. И он зашел в салон на Гостинке вместе с китайцами. Смешался с ними. Растворился в них. Потому что сам похож на китайца. Или на калмыка, или на якута. Да? – Брагин закрыл глаза и процитировал по памяти: «Между двумя комнатами нет дверей. Нет стен. Как мы найдем друг друга?» Это то, что я прочел на листке, который подобрал на полу в вашей студии. То, что пишет человек, которого сейчас зовут Ханбунча, не совсем роман, да? И он не романист. Он шаман. Ведь так? Он управляет людьми. И всегда этим занимался. Спасал кого-то, чтобы приобрести дополнительную власть. Он спас Ерского, пусть не до конца. Зато власть над ним оказалась абсолютной. А от чего он спас вас?

– Ни от чего. – Прямо на глазах Брагина андрогин покрывается броней и превращается в андроида. – Ни от чего.

– Я думаю, было так. Он вошел с китайцами и сел рядом с Лией. Он –

лесной человек. Таежный. Болотный. Ударить ножом в нужное место не составило никакой проблемы. А потом он взял рюкзак. И дождался, пока китайцы начнут выходить. И вышел вместе с ними. Вот и все.

– А если бы не было китайцев? – Ника пытается улыбнуться.

– Тогда бы он вошел просто так. Или придумал что-нибудь. Он ведь шаман. И странно, что Ханбунча не понял одной вещи. Не почувствовал ее. Тот удар в висок был несовместим с жизнью. И Лии оставалось жить полчаса максимум. Это установила экспертиза. Что бы вы выбрали сейчас, Ника? Верность... Хотя у вас неверные представления о верности... или любовь?

Птица снова ожила. Она бьет и бьет в висок Ники Селейро, и от этого тонкого жалостливого звука у Сергея Валентиновича Брагина закладывает уши. От ответа Ники зависит многое, очень многое. Брагин не может проиграть. Следствие не может проиграть. И мертвая Лия не может. Слишком многое она поставила на кон.

– Что бы вы выбрали, Ника?

Девушка (никакой не андрогин – девушка!) все еще молчит. Все еще стоит между двумя комнатами, не в силах сделать решающий шаг. Нет, не так. Ника уже сделала его, осталось лишь дожждаться, когда она осознает это.

Ничего. Брагин подождет.

Примечания

Славой Жижек – словенский культуролог и философ.

Фрэнсис Фукуяма – американский философ и политолог.

Фредерик Бегбедер – французский писатель, автор романа «99 франков».

Санкт-Петербургская художественно-промышленная академия им. А.
Л. Штиглица.

5

Болван!

Ронин – деклассированный самурай феодального периода Японии.